

А. Г. АКСЕНЕНОК
В. А. КУЗНЕЦОВ

БЕСЕДЫ ОБ АРАБСКОМ МИРЕ

ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО

А. Г. Аксененок, В. А. Кузнецов

**БЕСЕДЫ
ОБ АРАБСКОМ МИРЕ:
ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ,
ОБЩЕСТВО**

МОСКВА 2024

УДК 323/327(=1.411.21)
ББК 66.2(533)
А42

Издание подготовлено Российским советом по международным делам (РСМД)
совместно с Институтом востоковедения РАН (ИВ РАН)
Издание рекомендовано к печати Ученым советом Института востоковедения РАН

Авторы:

канд. юр. наук А. Г. Аксененок, д-р полит. наук В. А. Кузнецов

Рецензенты:

д-р ист. наук И. Д. Звягельская, канд. ист. наук В. Ю. Смирнов, Г. П. Тарасов

Редакторская группа:

канд. ист. наук С. М. Гаврилова (руководитель редакторской группы), И. А. Бочаров,
А. И. Василенко, А. А. Малашенкова (выпускающий редактор)

А42 Аксененок, А. Г., Кузнецов, В. А.

Беседы об арабском мире: политика, власть, общество / [А. Г. Аксененок, В. А. Кузнецов; под. ред. С. М. Гавриловой, И. А. Бочарова, А. И. Василенко и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД), Институт востоковедения РАН (ИВ РАН). — М.: НП РСМД, 2024. — 208 с. — ISBN 978-5-6049978-9-5

Написанная в форме диалогов монография посвящена наиболее актуальным проблемам развития арабского мира: соотношению в нем факторов реформ и политического насилия, меняющимся практикам государственного управления, вопросам территориально-административного устройства государств, идеологиям и месту политического ислама, перспективам урегулирования конфликтов и роли в них внешних акторов. Все эти вопросы рассматриваются как на теоретическом и общерегиональном уровне, так и на примерах отдельных стран в исторической ретроспективе.

УДК 323/327(=1.411.21)
ББК 66.2(533)

ISBN 978-5-6049978-9-5

Высказанные в издании мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

© Аксененок А.Г., обращение к читателям А.Г. Аксененка, диалог 1-6, заключение, 2024

© Составление, дизайн обложки, обращение к читателям В.А. Кузнецова, диалог 1-6, заключение. ФГБУН ИВ РАН, 2024

© Составление, оформление. НП РСМД, 2024

Содержание

Предисловие М. Л. Богданова.....	4
Обращение к читателям А. Г. Аксененка	6
Обращение к читателям В. А. Кузнецова	10
Диалог № 1: Власть, реформы, насилие (Алжир и Сирия). Часть 1	14
Диалог № 2: Власть, реформы, насилие (Алжир и Сирия). Часть 2	47
Диалог № 3: Централизация, децентрализация, местное самоуправление в арабском мире (Ливия, Ирак, Йемен, Сирия)	73
Диалог № 4: Ислам и политика	99
Диалог № 5: Конфликты и решения	142
Диалог № 6: Ближний Восток в огромном мире.....	177
Заключение.....	198
Об авторах	203

Предисловие М. Л. Богданова

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается книга «Беседы об арабском мире», подготовленная известными российскими арабистами, Чрезвычайным и Полномочным Послом России, кандидатом юридических наук, вице-президентом РСМД А. Г. Аксененком и заместителем директора по научной работе Института востоковедения РАН, доктором политических наук, членом РСМД В. А. Кузнецовым.

Издание охватывает широкий спектр фундаментальных проблем внутривосточного развития стран Арабского Востока во всей их сложности и противоречивости. В центре внимания — специфика трансформаций их государственного устройства и управления, роль внешнего вмешательства, влияние традиций, в том числе политического ислама, культурные особенности Ближнего Востока и Северной Африки и отдельных государств в преломлении к политике. Все эти вопросы обсуждаются в беседах как в региональном, так и в более широком контексте, связанным с формированием многополярного мира.

Процессы государственного строительства в Сирии, Алжире, Египте и других частях арабского мира, равно как и региональные кризисы, авторы книги рассматривают в исторической ретроспективе. Такой подход и сам необычный формат подачи материала, наряду с обобщением практического опыта, позволили авторам взглянуть под новым, может быть, небесспорным углом зрения на некоторые перипетии внутреннего развития арабских стран. Осмысление этих социально-политических трансформаций представляется крайне важным с учетом тех вызовов, с которыми продолжает сталкиваться Ближний Восток, особенно в условиях хронической неурегулированности палестино-израильского конфликта.

Россия последовательно выступает за создание устойчивой всеобъемлющей архитектуры региональной безопасности, содействует сглаживанию внутренних противоречий и нормализации отношений между ближневосточными странами без внешнего вмешательства, основываясь на принципах Устава ООН.

Российская дипломатия всегда и неизменно тесно сотрудничала с отечественной востоковедческой научной школой. Эти добрые

традиции сохраняются и в наше время. В этой связи всестороннее рассмотрение актуальных вопросов политического развития стран Ближнего Востока имеет не только теоретическое, но и несомненное практическое значение.

Специальный представитель Президента Российской Федерации
по Ближнему Востоку и странам Африки,
Заместитель Министра иностранных дел
Российской Федерации, член РСМД
М. Л. Богданов

Обращение к читателям А. Г. Аксененка

В этом коротком вводном слове мне хочется пояснить тем читателям, кого заинтересуют наши мысли и, может быть, небесспорные рассуждения о прошлом, настоящем и будущем Арабского Востока, откуда «выросла» идея такого не совсем обычного книжного формата, как беседы.

На протяжении последних пятнадцати лет мы с Василием Александровичем Кузнецовым часто принимали участие в различных российских и международных конференциях, семинарах, круглых столах, в том числе в рамках дипломатии «второго трека». Частота и количество таких дискуссий быстро росли по мере того, как арабский мир входил в полосу, как многим тогда казалось, системных потрясений. Дискутировали и мы, нередко «тет-а-тет», пытаюсь осознать, что все-таки происходит, появилась ли какая-то новизна в устройстве государства и общества, и, если да, то в чем она состоит, какие все это будет иметь последствия для самого региона, для отношений России с ведущими арабскими странами и для ближневосточной политики крупных мировых держав. Тем более, что в глобальном измерении происходили бурные перемены на фоне угасающего доминирования Соединенных Штатов, возрастания роли России и других центров многополярного мира.

Ближний Восток стал уже не тем, каким он был два–три десятилетия назад. Из объекта геополитики он стал серьезным действующим субъектом. Государства региона стремятся проводить самостоятельную политику, диверсифицировать связи с внешним миром. Большинство из них не присоединилось к санкциям, по Украине выдерживает нейтралитет, но во многих случаях расширяет связи с Россией, свидетельством чему стало, среди прочего, присоединение нескольких стран региона к формату БРИКС.

В ходе бесед стало понятно, что из всего многообразия тем общий интерес представляет для нас политическое развитие обширного региона Ближнего Востока и Северной Африки. Этой теме каждый из нас посвятил значительное количество публикаций. Исходили мы всегда из того, что понимание многих из социально-политических проблем региона имеет не только академическое, но и практическое

значение для российской, как, впрочем, и для любой другой дипломатии.

В этой связи мне вспоминается период в Египте после смерти Гамалы Абдель Насера и прихода к власти Анвара Садата (1970–1973 гг.), который вначале подспудно, а потом все более открыто начал менять внешнеполитический курс страны на выстраивание сотрудничества с Соединенными Штатами. К руководству Советского Союза осознание этой новой реальности пришло с опозданием, хотя предостерегающей информации из нашего посольства и от экспертов-ближневосточников о переориентации Египта поступало немало. По Каиру даже ходили анекдоты в том духе, что, выезжая на машине после похорон Гамалы Абдель Насера, Анвар Садат сказал шоферу: «Включай левую мигалку и поворачивай направо». Это, так сказать, “*a’propo*”.

Возвращаясь к рассказу о корнях нашего проекта, хочу еще поведать о том, что мысли написать книгу о Ближнем Востоке занимали меня давно, но много лет, наиболее пригодных для такого творчества, ушло на дипломатическую работу в «горячих точках», когда совмещать одно с другим никак не получалось. И главное, что мешало, — это отсутствие дневниковых записей. К сожалению, привычка вести дневник у меня не выработалась, без чего писать достоверную мемуарную литературу, как я считаю, практически невозможно. В конце концов решил остановиться на Сирии, где четыре года проработал в качестве советника-посланника и часто оставался поверенным в делах СССР, где много раз, уже позднее, бывал в качестве советника Председателя Внешэкономбанка. Замысел состоял в том, чтобы описать анатомию сирийского конфликта, исследовать его глубинные корни и последствия внешнего вмешательства.

Василий Александрович на это мне резонно сказал: «Сирия — это, конечно, хорошо, но уж столько о ней написано после 2011 г., что будет трудно найти что-то новенькое». И в тот же день спонтанно возникла мысль об интервью по широкому кругу событий «второго арабского пробуждения» уже XXI в., приведших к смене правящих режимов в одних частях арабского мира, реформам на упреждение — в других, затяжным кровопролитным конфликтам — в третьих. Затем она преобразовалась уже в издание бесед в виде книги об особенностях этого этапа в политической истории арабского мира. Причем сам регион рассматривается нами на фоне перемен в глобальной политике от короткой по историческим меркам эпохи советско-американской биполярности до еще более короткого «однополярного момента», вплоть до нынешнего противостояния в формирующемся новом мироустройстве.

Такой формат позволил найти логическое сочетание как бы трех жанров — академического, научно-популярного и мемуарного. И за это я благодарен моему соавтору-интервьюеру. Многочасовые беседы с ним позволили вести откровенный разговор в этих трех разрезах, но в непринужденной раскованной манере, чего часто недостает в чисто академических публикациях. В то же время мои воспоминания из того, что прочно отложилось в памяти, вплетаются в текст не как собственно мемуары, а как проекция на современность или подтверждение характеристики того или иного арабского лидера, оценки того или иного рубежного события.

Василий Александрович на моих глазах формировался как крупный ученый-ближневосточник с широким кругозором и богатой эрудицией. Эти его качества сочетаются с необыкновенной работоспособностью и, я бы сказал, редким научным любопытством. Как писал Б. Л. Пастернак, «Во всем мне хочется дойти до самой сути. ... До оснований, до корней, до сердцевины». Это и про Василия Александровича. Некоторые его вопросы и оригинальные размышления на различные темы иногда вводили меня, человека, отдавшего 38 лет дипломатической службе, в глубокую задумчивость. Это при том, что мне выпала удача многократно принимать участие в ситуационных анализах под руководством Е. М. Примакова, которые были хорошей «школой свободной мысли» и сыграли большую роль в формировании у меня вкуса к аналитической работе с элементами прогнозирования, пусть иногда не совсем приятного для высокого партийного начальства.

Правда, прогнозирование, особенно в отношении Ближнего Востока, как известно, дело неблагодарное. Коренные причины протестной активности по-прежнему не устранены. В регионе продолжается процесс национальной самоидентификации во всей его внутренней противоречивости. «Демократические иллюзии» уступают место приземленно-реалистичным подходам, более рациональному поведению на международной арене, что, кстати говоря, проявилось не только в кризисе вокруг Украины, но и в отношении к беспрецедентно жестокому столкновению между Израилем и ХАМАС в Газе, которое началось 7 октября 2023 г.

В то же время потенциал социально-политической конфликтности в регионе остается высоким. С учетом ближневосточной непредсказуемости мы старались избегать бинарных оценок, отдавая предпочтение вероятностным суждениям и отделяя новые тенденции, пусть и неустоявшиеся, от того, что уже выявилось или находится в состоянии неопределенности. Глобальные процессы, в том числе противоборство России и Запада, как правило, не влияют напрямую

на внутривполитическую ситуацию в странах Ближнего Востока. Но в условиях, когда период транзита в системе международных отношений займет, скорее всего, длительное время, резкое ухудшение экономической ситуации в отдельных частях региона может способствовать более радикальным проявлениям накопившихся противоречий в самых неожиданных формах и проявлениях.

Обращение к читателям В. А. Кузнецова

Впервые мы встретились с Александром Георгиевичем, должно быть, году в 2011 или 2012 — как раз во время бурных событий «Арабского пробуждения».

В тот момент в недавно созданном Российском совете по международным делам (РСМД) возникла идея подготовить доклад, посвященный интересам России на Ближнем Востоке. Текст этот увидел свет в самом начале 2013 г. под названием «Россия и Большой Ближний Восток» — это был девятый доклад Совета. Над его подготовкой работал коллектив из десяти человек, большинство из которых были настоящими классиками наших ближневосточных исследований (В. В. Наумкин, И. Д. Звягельская, Т. А. Карасова, М. А. Сапронова, А. О. Филоник) или же известными и заслуженными дипломатами (послы А. Г. Аксененко, В. В. Попов, П. В. Стегний). Из младшего поколения в коллективе участвовали мы с П. В. Шлыковым — уже тогда замечательным специалистом по Турции, сегодня считающимся едва ли не ведущим исследователем политики этой страны.

Совместная работа академических ученых и практиков дипломатической службы, сейчас уже прочно вошедшая в нашу жизнь, была одной из особенностей того проекта.

Для меня, только недавно начавшего погружаться в проблематику современных ближневосточных исследований, а до той поры занимавшегося почти исключительно медиевистикой и интеллектуальной историей классической арабо-мусульманской культуры, работа в этом коллективе стала одновременно вызовом, возможностью и шансом познакомиться с удивительными людьми.

В том числе — с Александром Георгиевичем.

Потрясающее сочетание огромной эрудиции, знаний, глубокого понимания логики политических и международных процессов в мире вообще и в арабском мире, в частности, отточенный аналитический ум и трезвость мысли — все это в нем просто завораживало. Завораживало тогда и завораживает по сей день.

Шли годы, мы много общались, работали вместе — в Институте востоковедения РАН, на Факультете мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова; встречались на множестве разных площадок — от

РСМД, вице-президентом которого стал Александр Георгиевич, до клуба «Валдай», где мы также несколько раз вместе готовили ближневосточные диалоги.

Встречались — и говорили, говорили, говорили.

Признаюсь, мысль о том, что моему соавтору нужно написать книгу, которая позволила бы ему поделиться с читателями своим опытом, знаниями и взглядом на мир, у меня появилась давно — может быть тогда же или даже раньше, чем у него самого. И, в меру собственных сил, я всячески его к этому подталкивал. Проблема была в том, чтобы выбрать правильный формат этой книги.

Не мемуары.

Не монография.

Не очерки.

Что-то новое и необычное.

И тогда мне вспомнилась одна старая книжка, которую я читал, когда-то будучи еще то ли школьником, то ли студентом. Эта книга — «Человек должен выбрать сам» (М., 1998 г.) — была построена в форме диалогов между выдающимся британским историком Арнольдом Тойнби и японским буддистским философом Дайсаку Икэда. В ней два этих замечательных мыслителя говорили обо всем, что их волновало: об эвтаназии, о растущем народонаселении, о загрязнении окружающей среды, об иссякании природных ресурсов и других проблемах современности.

Подумав еще немного, я вспомнил о серии похожих по форме книг, подготовленных Виталием Вячеславовичем Наумкиным. Это его долгие беседы с крупными политическими деятелями стран Востока — премьер-министром Малайзии Махатхиром Мохамадом, премьер-министром Бангладеш Шейх Хасиной Вазед, бывшим президентом Ливана Мишелем Ауном.

Понятно, что в случае с Тойнби и Икэда речь шла о величайших мыслителях XX в., а в случае с проектом академика Наумкина — в сущности о расширенных интервью с политическими деятелями, во многом определившими образ современного мира.

Ни на первый вариант, ни на второй — при всем осознании собственного вклада в историю человечества — ни я, ни Александр Георгиевич не претендовали. И тем не менее нам показалось интересным, забравшись на плечи великанов, все же повторить их опыт и поделиться с возможным читателем тем, о чем мы много думали, но что далеко не всегда можно уложить в прокрустово ложе академической науки или дипломатической практики.

Темы, которые мы выбрали для обсуждения, конечно, не случайны. Как нам обоим кажется, они более или менее охватывают

важнейшие проблемы политической жизни Арабского Востока, определяя неповторимый облик этого региона и его непростую судьбу. В то же время, как представляется, эти темы имеют и прямое отношение к более широкой повестке дня современного мирового развития. В самом деле, вопросы власти, реформ, насилия, политизации религии, территориального устройства государств, возможностей и ограничителей урегулирования конфликтов, соотношения их внутренних и внешних причин, взаимовлияния разных уровней мировой политики — значимы не только для Ближнего Востока, но и для множества других регионов Азии, Африки, Латинской Америки.

Обсуждая ту или иную тему, мы обычно концентрировались на опыте отдельных стран региона. Их выбор отчасти был подсказан самой проблематикой. В самом деле, сложно говорить о политическом исламе, не касаясь Египта, или об урегулировании конфликтов, не упоминая Палестину. Однако в меньшей степени этот выбор определялся личным опытом каждого из нас и нашими интересами. Александр Георгиевич, будучи ярчайшим представителем целой плеяды наших дипломатов-ближневосточников, начинал свой путь с Ливии еще во времена монархии, работал в Ливане, имел непосредственное отношение к палестино-израильскому урегулированию, служил послом в Алжире в трагические 1990-е гг., а в 2010-е гг. приложил немало усилий для урегулирования ситуации в Сирии. Поэтому в его размышлениях об этих странах очень много личного: много частных наблюдений, оценок, много отретфлексированного опыта.

Не обладая столь богатой биографией, я все же тоже касался в своей жизни и алжирской, и ливийской, и сирийской проблематики, и потому судьба этих государств для меня значима.

Во время работы над книгой меня потрясла серьезность, с которой мой соавтор отнесся к нашему проекту. Многочисленные выписки, заметки, цитаты, заполнявшие собой целые блокноты, оказались важным подспорьем в нашем труде.

Мы старались сделать так, чтобы наши беседы носили не конъюнктурный характер и касались не только вопросов дня сегодняшнего, но и давали возможность подступиться к каким-то более фундаментальным вопросам политической жизни, развития, устройства арабского мира.

Насколько это получилось, конечно, судить читателю.

Уже завершив работу и перечитывая получившийся текст, мы поняли, что какие-то упоминаемые в нем моменты, давно ставшие нам привычными, кому-то из читателей могут быть совершенно неизвестны. В связи с этим было решено обратиться за помощью к

нашему молодому коллеге — Дмитрию Сергеевичу Полякову, который, между прочим, сам является одаренным и многообещающим исследователем. Он не только сделал ценные замечания к тексту, но и взял на себя труд сопроводить его необходимыми пояснениями.

Другой человек, без которого эта книга никогда бы не увидела свет, — Валерия Ивановна Воряхова, упорно, безропотно и с неизменной улыбкой расшифровывавшая десятки часов диктофонных записей.

Им обоим — наша глубокая и искренняя благодарность.

Не меньшая благодарность и нашим замечательным коллегам по Институту востоковедения РАН и РСМД, на протяжении всего этого времени поддерживавших нас своими советами и дружеской помощью.

Диалог № 1: Власть, реформы, насилие (Алжир и Сирия). Часть 1

Это интервью мы записывали в ситуации, когда внезапно стало казаться, будто основные очаги вооруженных конфликтов сместились, ушли из Ближнего Востока. Шло постепенное сближение Саудовской Аравии и Ирана, в ключевых региональных конфликтах — палестинском, сирийском, ливийском, йеменском — наступило некоторое затишье. И хотя было ясно, что ни в одном из случаев речи об урегулировании не шло, в аналитических работах, посвященных Ближнему Востоку, впервые за долгое время стал проявляться осторожный оптимизм. Однако осенью 2023 г., когда дело дошло до редактирования уже собранной книги, вновь с необыкновенной жестокостью вспыхнул палестино-израильский конфликт. Тема насилия, с которой мы в свое время решили начать наши беседы, внезапно вновь обрела трагическую актуальность.

Что такое насилие?

В. А. Кузнецов: Александр Георгиевич, говорят, что у большинства людей Ближний Восток ассоциируется, прежде всего, с конфликтами и насилием. Западная Сахара, Судан, Ливия, Палестина, Сирия, Ирак, Йемен... Список можно продолжать. В то же время другие наблюдатели обращают внимание на то, что в целом уровень насилия в мире постепенно снижается. Как Вам, с высоты Вашего колоссального дипломатического, экспертного и просто жизненного опыта, кажется: в последнее время насилия стало больше или меньше?

А. Г. Аксененок: Я размышлял над этим вопросом, не всегда же жить в мутном потоке информационных однодневок. Но, должен признаться, что так и не нашел однозначного ответа. Все в мире относительно. В смысле — относительно какого времени насилия стало больше или меньше, как трактовать само слово «насилие», расширительно или нет, какие части мира сравнивать, по каким критериям судить. Вы говорите, что Ближний Восток у многих ассоци-

ируется с конфликтами и насилием. Но ведь в истории человечества так было далеко не всегда. Возьмем, к примеру, Средние века, или даже более или менее просвещенное Новое время (XVII–XIX вв.). Тогда в Европе кровопролития, рискну предположить, было не меньше, если не больше, чем на Ближнем Востоке. Межгосударственные войны, религиозные конфликты, конфессиональная рознь, инквизиция, борьба между церковью и государством, процессы образования государств насильственными методами и т. д. Насилие тогда, можно сказать, служило в известной мере регулятором социальной организации общества. Во время арабо-мусульманских завоеваний VII–VIII вв., кстати не таких уж кровопролитных, и последовавшей за ними уже более жестокой борьбе империй-халифатов на Ближнем Востоке насилие тоже выступало регулятором государственного строительства и общественных процессов.

Так что, мне кажется, говоря о насилии, важно понимать, во-первых, что именно мы имеем в виду, а во-вторых, что и с чем мы сравниваем — ведь меняются и общественные уклады, и ценности, и даже технические возможности использования насилия. Как Вы полагаете?

В. А. Кузнецов: Я соглашусь. Действительно, понятие «насилие» относится к категории, с одной стороны, вроде бы самоочевидных, но с другой, — наиболее сложных для определения. Как только пытаешься подумать о том, что же такое насилие, тут же оказываешься в тупике. То, что рассматривается как насилие в одних обществах, не воспринимается так в других. То, что называется насилием сегодня, не называлось им в прошлом. Самые очевидные примеры — телесные наказания детей или гендерное насилие. В то же время, если мы пытаемся определить насилие на теоретическом уровне, то замечаем, что на протяжении большей части истории человечество вовсе не фокусировалось на этой проблеме. Античные или средневековые мыслители, разумеется, описывали ситуации, связанные с насилием, однако само по себе оно их не интересовало и не заботило. Ясно, что ситуация изменилась после появления гуманизма, когда философская мысль сконцентрировалась на проблеме индивидуума. Но и тогда отношение к насилию оказалось амбивалентным. С одной стороны, Иммануил Кант пишет свой трактат «К вечному миру», где предупреждает об опасности «истребительной войны». Но, с другой стороны, Георг Вильгельм Фридрих Гегель в «Феноменологии духа» пишет, что «правительство должно время от времени внутренне потрясать» народы посредством войн для того, чтобы поддерживать их единство, и чтобы индивидуалистическое, отдельное «для-себя-бытие» человека не во-

зобладало над целостностью. Этот подход закладывал основы романтической линии понимания насилия. Ее мы обнаруживаем у самых разных мыслителей — от Карла Маркса до Фридриха Ницше. Некоторым апофеозом этой линии стал, казалось бы, Жорж Сорель, которого возвеличивали и ультраправые, и ультралевые. Однако довольно иронично, что Жорж Сорель главной формой необходимого насилия видел всеобщую стачку — строго говоря, это ведь ровно та же политическая акция, которая у Махатмы Ганди описывалась как форма ненасильственного сопротивления. То есть здесь мы тоже обнаруживаем отсутствие какого бы то ни было согласия относительно сущности насилия. Это, однако, не помешало тому, что после двух мировых войн проблема насилия вышла на первый план. От Эриха Фромма до Ханны Арендт — все писали о насилии. Вопрос о том, как может жить человечество, пережившее Освенцим, для многих мыслителей стал тогда основным. Помните, «После Освенцима нельзя писать стихи»¹? И тогда, уже в 1960-е гг., появляется понимание, что ни Л. Н. Толстой, ни Ф. М. Достоевский, ни великие гуманисты прошлого не защитили нас от десятков миллионов жертв и атомной бомбы как единственного средства не допустить новой бойни. Отношение к насилию снова меняется — из проблемы, сущность которой надо осознать и с которой надо что-то делать, оно превращается в естественный элемент общественных отношений. Тема дисциплинарных практик становится тогда основной в творчестве Мишеля Фуко, у Йохана Галтунга появляется концепция разных видов насилия, в том числе структурного и культурного.

Уже в XXI в., работая над этой проблемой, Стивен Пинкер опубликовал известную книгу «Лучшее в нас»² с подзаголовком: «Почему насилия в мире стало меньше?». В этой работе отражена точка зрения, что в целом, если мы посмотрим на длительные исторические процессы, то в мире насилия стало меньше. Говорят, что если бы людям XIX в. раздали современное вооружение, то в мире бы уже людей не осталось. Да и на более кратком временном промежутке это вроде бы видно, причем не только в западном мире. Так, в прошлом веке жертвами ирано-иракской войны стало около миллиона человек. Мир стал свидетелем многочисленных

¹ Теодор Адорно в книге «Негативная диалектика» написал: «Неверно, неправильно, что после Освенцима поэзия уже невозможна. Правильно, наверное, будет задаться менее “культурным” вопросом о том, а можно ли после Освенцима жить дальше». Подробнее см.: Адорно Т. В. Негативная диалектика / пер. с нем. Е. Л. Петренко. — М.: Научный мир, 2003. С. 323.

² Пинкер С. Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2021. — 952 с.

арабо-израильских войн. В целом, на Ближнем Востоке во второй половине XX в. войн было много. Стало ли их сейчас больше или меньше? Зависит от того, как посмотреть. Ирано-иракская война шла одновременно с гражданской войной в Ливане и войной в Афганистане, тогда же происходили трагические события в Сирии, связанные с противостоянием правительства и «Братьев-мусульман». В Северной Африке в это же время бушевал вечно беспокойный Судан, а в Магрибе была острая фаза западносахарского конфликта. Вместе с тем, в 2010-е гг. мы сталкиваемся одновременно с войнами в Сирии, унесшей жизни нескольких сотен тысяч людей, в Ливии, жертвами которой стало несколько десятков тысяч человек, и в Йемене, где произошла одна из самых тяжелых гуманитарных катастроф в истории. Наконец, был затяжной конфликт в Ираке.*

Помимо этого, как мне кажется, важно и то, учитываем ли мы исключительно насилие в форме конфликтов или принимаем в расчет и другие его виды. Например, сейчас, кажется, сложнее устраивать такие репрессии, какими был печально известен Саддам Хусейн, хотя в некоторых странах режимы остаются крайне жестокими. Тем не менее у меня есть ощущение, что с массовыми репрессиями стало немного сложнее.

А. Г. Аксененок: Да, огромный технологический прогресс и совершенствование вместе с ним оружия массового уничтожения изменили мир, характер социальных связей и общественно-политические структуры. Но природа человеческого сознания, мотивы действий тех или иных личностей и в целом массовая психология претерпели не столь большие перемены. Так что аргумент Стивена Пинкера больше, на мой взгляд, говорит об этом, нежели о том, что насилия стало меньше. В длительной исторической ретроспективе акты насилия самого различного рода крупными вспышками перетекали из одной части мира в другую, в основе чего лежали скорее мировые процессы. В прошлом веке бурлили Южная и Юго-Восточная Азия, Африка, Латинская Америка, переживавшие военные перевороты, диктатуры, проявления геноцида, апартеида, межгосударственные и гражданские войны. Европа, прошедшая с короткими промежутками умиротворения через трагедию революций и двух мировых войн, в наше время вновь подвержена серьезным рискам, связанным с приматом силы над дипломатией.

Так что, если брать современный Ближний Восток, то говорить о конфликтности, и о том, стало насилия больше или меньше,

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

лучше с известными допущениями и оговорками. Как Вы правильно сказали — «это как посмотреть». Кое-какие из очагов насилия Вы уже упомянули, хотя Ваш вопрос, если я правильно понял, подразумевал несколько другое. Какими представлениями более всего вызваны все эти мрачные ассоциации? И действительно, оснований, чтобы считать Ближний Восток источником «вечных войн» и глобальной напряженности, более чем достаточно. После образования там независимых государств в их нынешних границах нарастал вал «громких» событий, которые на протяжении последних десятилетий накладывались одни на другие и рефлекторно представляли регион в таком свете. Крупным планом я бы выделил такие из них, как постоянное вооруженное вмешательство внерегиональных держав, арабо-израильские войны, терроризм: вначале израильский, потом палестинский, исламистский, и особенно со стороны ИГИЛ*. И, наконец, спонтанность всплесков насилия и политического поведения региональных игроков, о которых вроде бы неоднократно говорилось, но которые каждый раз оказывались «ожидаемой неожиданностью».

Октябрьская война 1973 г. вполне просчитывалась, но как далеко зашла «игра» Анвара Садата с Генри Киссинджером накануне войны для Москвы какое-то время оставалось неясным. Кстати, вспоминаю, во время переговоров А. Н. Косыгина с Анваром Садатом 17–18 октября 1973 г. в Каире, которые мне довелось переводить, египетский президент, демонстрируя конфиденциальность, давал читать несколько шифротелеграмм, которыми он по ходу военных действий обменивался с штаб-квартирой «команды» Генри Киссинджера, располагавшейся по соседству в Тунисе.

Или возьмем ближневосточные потрясения после 2011 г.: такого «эффекта домино» мало кто ожидал. И, наконец, беспрецедентно жестокая террористическая атака ХАМАС из сектора Газы против гражданского населения Израиля. В морально-политическом плане ответственность США за новый взлет насилия на Ближнем Востоке не вызывает сомнений, но региональные последствия этой акции ХАМАС и столь же жестокой, бесчеловечной мести Израиля остаются непредсказуемыми.

Вы упомянули также другие виды насилия, которое проявлялось не только в форме конфликтов. Или, вернее, конфликты в отношениях между властью и обществом, на каких понятиях они строятся, каково здесь соотношение диалога и силового воздействия на политических оппонентов.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

Вы, Василий Александрович, посвятили интересные исследования именно теме насилия в арабском мире³, и я согласен, что сейчас сложнее устраивать такие репрессии, какими был известен Саддам Хусейн. Благодаря развитию средств массовых коммуникаций мир стал прозрачным. Как говорят, «все мы живем в стеклянном доме» и скрыть какие-то одиозные факты становится все труднее. И потом плохие новости всегда «продаются» лучше, чем хорошие. Так что прозрачность мира имеет две стороны: насилие теперь трудно скрыть, а впечатление о том, что все плохо, не всегда правильно.

Другая причина видится мне в том, что за последние несколько десятилетий количество межгосударственных войн заметно сократилось. Решение такого застарелого конфликта, как арабо-израильский, военным путем уже трудно представить. Так же, как, впрочем, и палестинской проблемы.

Вооруженные конфликты нового типа ушли внутрь государств с внешним вмешательством или без, и тогда справедливо говорить о насилии уже внутреннем. Конфликт возникает между властью и обществом. В этом случае насильственные акты с той или иной стороны приобретают собственную динамику, образуя такой порочный круг, разорвать который не под силу самым искусным посредникам. Потом, кроме физического насилия, есть еще насилие другого рода. Речь идет о таких проявлениях, как, например, монополия на власть и информационное пространство со стороны одной политической силы, что сопровождается репрессиями против политических оппонентов, ограничениями их в гражданских правах, преследованиями по конфессиональному или этническому признакам. Все это рано или поздно выливается в гражданское противостояние. Поэтому под широко распространенным термином «несостоявшиеся государства» я понимаю те государства Ближнего Востока, которые оказались не способны выполнять свои базовые функции: обеспечение достойного уровня жизни для большинства граждан, рабочих мест, доступа к образованию, здравоохранению и социальным услугам, внутренней безопасности.

Если вернуться к внутреннему насилию, то следует сказать, что отношение к нему разнится даже в самом арабском мире. Здесь речь уже идет об особенностях различных арабских политических

³ Кузнецов В. А. Насилие в политической жизни региона // Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. — М.: ИВ РАН. 2018. С. 230–300; Кузнецов В. А. Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. №3. С. 6–23; Кузнецов В. А. Арабский мир между насилием и согласием // РСМД. 12.01.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arabskiy-mir-mezhdu-nasiliem-i-soglasiem/>

культур. В свое время одна египетская журналистка в разговоре со мной сравнивала египтян с итальянцами, иракцев с пруссаками. А сирийцы, сказала она, могут повернуться и той и другой стороной, в зависимости от обстоятельств. В этом смысле различие между жизнерадостными, легкими в общении египтянами, резкими, мужественными иракцами, мягкими, где-то медлительными, но подчас замкнутыми, уходящими в себя сирийцами, безусловно имеется. На это влияют разные факторы — и история, и социальная среда, и конфессиональные различия, и даже климат. В качестве примера можно вспомнить Египет. После революции 1952 г. Гамаль Абдель Насер спокойно отпустил короля Фарука⁴, дал с собой восемнадцать чемоданов и отправил его на Мальту. А в Ираке был зверски убит Абдель Керим Касем⁵. В Сирии было и то, и другое. Было кровавое подавление мятежа «Братьев-мусульман»* в 1982 г. и безнаказанность спецслужб. В то же время президент Хафез Асад великодушно обошелся со своим родным братом Рифаатом Асадом⁶, подозревавшимся, и не без оснований, в попытке государственного переворота, дав ему возможность выехать за границу, причем с состоянием в сотни миллионов долларов. Башар Асад тоже так поступал в отношении людей, которые оказывали его отцу или ему лично полезные услуги на государственном поприще.

В. А. Кузнецов: *У Вас был большой опыт работы не только в арабских странах, но и в Европе, в том числе в Югославии, где насилие было никак не меньше, чем на Ближнем Востоке. Есть ли какая-то разница?*

А. Г. Аксененок: Я много ездил по этой стране, выполняя миссию спецпредставителя МИД РФ на Балканах, и видел огромные масштабы разрушений на территории трех ее составных частей — Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины. Их народы понесли многочисленные потери — самые большие в Европе со времен Второй мировой

⁴ Фарук I — предпоследний король Египта и Судана, правивший в 1936–1952 гг. Был свергнут в результате Июльской революции 1952 г. Преемником королевского титула стал его шестимесячный сын Фуад II, который находился на троне меньше года до преобразования Египта в республику в 1953 г.

⁵ Абдель Керим Касем — первый премьер-министр республиканского Ирака, пришедший к власти в результате свержения монархического режима в 1958 г. Он находился во главе страны менее пяти лет, пока не был свергнут в результате баасистского переворота в 1963 г.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

⁶ Рифаат Асад — родной брат Хафеза Асада и командующий подразделением «Роты обороны». В 1984 г. он предпринял неудачную попытку государственного переворота, за что был выслан из страны, но даже после этого получил от брата номинальную должность вице-президента САР, которую занимал в 1984–1998 гг.

войны. Гражданской войны можно было избежать, если бы не были совершены ошибки со стороны самого белградского руководства. Преступления против человечности совершались со всех сторон, и кто их совершил больше, а кто меньше — большой вопрос. Одобренное Россией учреждение Международного трибунала по бывшей Югославии было правильной мерой. Другое дело, что представители Запада придали проводившимся расследованиям антисербский уклон. Е. М. Примаков часто высказывал возмущение по этому поводу, особенно, когда вынесение ордера на арест становилось для нас полной неожиданностью.

Но самый разительный пример недалёковидности тогдашнего сербского руководства, обернувшейся новой гражданской войной и бомбардировками Белграда, — разворот событий в Косово (конец 1980-х — 1990-е гг.). Как составная часть бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия, Косово имело статус автономной области, а затем и автономного края. То есть уже в 1970–1980-е гг. объем полномочий краевых властей приближался к критериям, закрепленным позднее в Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. В очаг межэтнической и межконфессиональной напряженности Косово превращается с конца 1980-х гг., когда по инициативе президента страны Слободана Милошевича центральная власть в Белграде взялась «исправлять ошибки» децентрализации. Сопротивление албанского большинства носило изначально политический гражданский характер, но постепенно перешло к вооруженной борьбе, принимавшей часто террористические формы. В итоге Косово при поддержке западных держав в 2008 г. было провозглашено независимым государством, пополнив список «частично признанных государств»⁷.

Тогда казалось, что трагедия бывшей Югославии не может больше повториться. И вот мир стал свидетелем другой гражданской войны, уже в новой геополитической реальности и в другом регионе мира. Впрочем, по масштабам разрушений, человеческих страданий и жертв Сирия превзошла Югославию.

Алжир: реформы, обернувшиеся насилием

В. А. Кузнецов: Александр Георгиевич, Вы были послом сначала СССР, а потом Российской Федерации в Алжире в 1990-е гг., то есть в самые драматичные моменты новейшей истории этой страны. Как с насилием обстояло дело там?

⁷ Аксененок А. Г. Самоопределение между правом и политикой // Россия в глобальной политике. Том 4. № 5. С. 185–198.

А. Г. Аксененок: Что касается Алжира, то там были свои особенности. Государственный радикализм со стороны армии и жандармерии породил ответную реакцию в виде городского терроризма. Хотя насилие в Алжире и Сирии, как мне кажется, имело свои различия. И там, и там разразилась гражданская война с большими жертвами, но в Алжире она велась как бы в рамках армейской спецоперации. Если не считать начальный этап, конфликт более или менее удалось локализовать. В то время Саудовская Аравия все еще поддерживала «Аль-Каиду»* и «Исламский интернационал», имевший свою «штаб-квартиру» в Судане. Там в то время, кстати сказать, находились и Усама Бен Ладен, и Хасан ат-Тураби⁸, а также алжирские и другие боевики, вернувшиеся из Афганистана в начале 1990-х гг.

Историческая справка⁹

«Черное десятилетие» в Алжире (1991–2002 гг.) — период острого внутреннего вооруженного конфликта (иногда именуемого гражданской войной) между алжирским правительством и исламистскими группировками, который начался в конце декабря 1991 г. и продолжался до 2002 г.

В результате первого тура выборов в Национальное народное собрание Алжира, который состоялся в 1991 г., Исламский фронт спасения завоевал 47,27% голосов и получил 44,76% депутатских мандатов (188 из 420). Во втором туре это движение имело шанс одержать полную победу и получить до 2/3 мест. Это, в свою очередь, дало бы право Исламскому фронту спасения изменить конституцию Алжира и провозгласить его исламским государством.

Чтобы не допустить такого развития событий, военные предприняли попытку изменить ситуацию. Под их давлением президент Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР)

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

⁸ Шейх Хасан ат-Тураби — один из видных современных исламистских мыслителей и суданский политический деятель. Он был сторонником «Братьев-мусульман»* (организация, деятельность которой запрещена в России) и сыграл значительную роль в создании их ответвления в Судане. Главной целью «ихванов» было создание исламского государства на территории страны. В 1991 г. он основал Национальную арабскую и исламскую конференцию, главной целью которой стала «помощь братьям по вере в различных точках планеты». В контексте реализации заданных планов, ат-Тураби предоставил убежище на территории Судана множеству радикальных исламистов, в том числе «Аль-Каиде» (организация, деятельность которой запрещена в России) и алжирским исламистам.

⁹ Подробнее см.: Василенко А. И. Долгое эхо конфликта: память о «черном десятилетии» 1990-х гг. в современной политической культуре Алжира // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 11 (2). С. 171–200.

Шадли Бенджедид¹⁰ подал в отставку, а второй тур выборов был отменен. В стране был создан Совет национальной безопасности, в состав которого вошли премьер-министр Алжира, начальник Генерального штаба, а также ряд членов правительства. Вся полнота власти в Алжире перешла к Высшему государственному совету.

Основные оппозиционные силы страны не согласились с таким решением. Чтобы купировать возможные протесты, в столицу Алжира были введены войска. Вначале ответным шагом оппозиции стало гражданское неповиновение властям. Затем Исламский фронт спасения, многие члены которого имели за спиной опыт боевых действий (в т. ч. в Афганистане), начал вооруженное сопротивление. В результате этих действий политический кризис перерос во внутренний вооруженный конфликт, длившийся более 10 лет.

В. А. Кузнецов: *А есть ли какие-то оценки количества боевиков? Я везде встречаю упоминание об этих добровольцах, но пока так и не понял, о каких цифрах идет речь.*

А. Г. Аксененок: Цифр я не встречал, но судя по тем оценкам, которые слышал тогда в Алжире, счет шел на тысячи¹¹. Все-таки из Северной Африки тысячи моджахедов отправились в Афганистан после ввода туда советских войск.

В. А. Кузнецов: *Это была прагматичная политика Шадли Бенджедида — отправлять в Афганистан исламистов, чтобы они не мешали дома?*

А. Г. Аксененок: Не думаю. В Алжире действовала целая подпольная сеть, в горах сохранились ячейки еще со времен Мустафы Буали¹², члены которых при слабом пограничном контроле, особенно на юге страны, могли довольно свободно перемещаться. В то же время сохранялось и умеренное крыло.

¹⁰ Шадли Бенджедид — президент Алжира в 1979–1992 гг.

¹¹ По оценкам Реды Малика, премьер-министра АНДР (1993–1994 гг.), в конце 1980-х гг. от 3 тыс. до 4 тыс. алжирцев прошли подготовку в тренировочных лагерях в Пакистане и Афганистане. По данным директора Службы национальной безопасности Алжира (1995–2010 гг.) Али Тунси, примерно 1 тыс. алжирцев вернулась в Алжир, в то время как еще около 1 тыс. уехала в Боснию и Чечню. В обществе вернувшихся из Афганистана моджахедов называли *les Afganis*. Подробнее см.: Botha A. *Terrorism in the Maghreb: The Transnationalisation of Domestic Terrorism*. Institute for Security Studies, 2008. P. 32.

¹² Ячейки радикальных исламистов, получивших общее название в честь Мустафы Буали, создателя исламистской организации «Читатели Сейида Кутба», переименованной затем в «Вооруженное алжирское исламское движение». Характерно, что именно члены группы Буали первыми провозгласили своей целью создание исламского государства в Алжире и объявили джихад правящему режиму. Подробнее см.: Долгов Б. В. Генезис исламистского движения в общественно-исторической динамике Алжира, Туниса и арабо-мусульманской диаспоры Франции в 1970–2015-е годы // Дис... д-ра ист. наук. — М.: ИВ РАН. 2017. — 606 с.

В Сирии внутренний конфликт сразу вышел за региональные рамки с посредничеством со стороны ООН, чему, кстати говоря, поспособствовала сама Лига арабских государств (ЛАГ). Сирийское руководство не разделяло исламистов на «чистых» и «нечистых», причисляя всех, кто против режима, к террористам. Алжирским военным удалось не допустить интернационализации конфликта, да и внешний информационный фон не был тогда столь прозрачным. Алжир поддерживали Франция и Советский Союз, а затем, соответственно, Россия. В общем, граждане этих стран больше всего и пострадали от террористических актов исламистских групп. Среди российских граждан было более двадцати жертв из числа гражданских и военных специалистов. Интересно отметить, что Соединенные Штаты, которые использовали воинствующий исламизм в войне против Советского Союза, придерживались тогда особой позиции, склоняя алжирские власти к диалогу без предварительных условий.

В. А. Кузнецов: *А когда Вы приехали в Алжир?*

А. Г. Аксененок: Как раз в мае 1991 г., в самый разгар конфликта.

В. А. Кузнецов: *До этого Вы там не были?*

А. Г. Аксененок: Нет. Я тогда больше занимался Машриком. Неожиданным предложением о назначении в Алжир было еще и потому, что этот пост по советской традиции был закреплен за политическими назначенцами. Приехав в Алжир из России 1991 г., я не почувствовал большой разницы с точки зрения атмосферы в обществе. Под давлением массовых уличных выступлений в 1988 г. президент Шадли Бенджедид форсировал реформирование политической системы по принципу «пусть расцветают тысячи цветов». По моим наблюдениям, это было во многом его личное решение и, когда в январе 1991 г. произошел дворцовый переворот, военные даже обвиняли его в сговоре с исламистами. Они представили дело так, что, стремясь любой ценой сохранить власть, укрепить свою социальную базу за счет союза с умеренными исламистами, Шадли Бенджедид пошел с ними на сделку.

В. А. Кузнецов: *А тогда уже было понимание, что есть умеренные исламисты, и есть радикальные?*

А. Г. Аксененок: Да, конечно. По крайней мере у самого Шадли Бенджедида. Он исходил из того, что с умеренными исламистами нужно поддерживать каналы сотрудничества, чтобы расколоть Исламский фронт спасения и, главное, сохранить ход событий в конституционном поле. Об этих планах президента мне рассказал шеф его канцелярии в беседе между первым и вторым туром парламентских выборов в 1991 г.

Первый тур состоялся в конце декабря, второй должен был пройти через месяц. Шадли Бенджедид даже допускал возможность, что Исламский фронт спасения по итогам выборов получит квалифицированное большинство голосов в парламенте, а президент в случае ветирования его программы, скорее всего в социально-экономической ее части, может воспользоваться своими полномочиями по роспуску парламента.

В первом туре парламентских выборов за Исламский фронт спасения проголосовало 3,2 млн избирателей, в то время как правящий Фронт национального освобождения¹³ получил 1,6 млн. Разница примерно в два раза. Эти цифры содержатся в справке посольства, подготовленной по горячим следам событий. Фронт социалистических сил¹⁴, в свою очередь, имел 500 тыс. голосов. Явка была высокой, потому что исламисты быстро набирали силу, получив накануне на муниципальных выборах две трети мест в местных органах власти. Я задавал вопросы алжирским собеседникам и в дипкорпусе: прежде, чем выходить на выборы, был ли проведен какой-то ситуационный анализ в Фронте национального освобождения, где есть квалифицированный экспертный аппарат? Оказалось, что по внутренним закрытым опросам Фронт национального освобождения прогнозировал возможность удержать большинство в парламенте в союзе с другими светскими и умеренно исламистскими партиями.

В. А. Кузнецов: *Еще два вопроса. Первый вопрос — по поводу оценок экспертов. Как Вы думаете, такой провал алжирской экспертизы, при том что в стране высокое качество человеческого капитала, блестящие интеллектуалы... С чем он был связан? С тем, что они действительно не понимали реальную ситуацию, или с тем, что в этом политическом режиме была воспитана такая атмосфера, которая не предполагала честных неприятных ответов?*

А. Г. Аксененок: Это очень уместный вопрос, причем не только для Алжира. Он возникает всегда, когда идет речь о внутреннем механизме принятия решений, особенно в авторитарных государствах, а Алжир таковым оставался, несмотря на верхушечные реформы в русле политического плюрализма. Учитывая, что Фронт национального освобождения, считаясь «первым среди равных», на самом

¹³ Фронт национального освобождения — алжирская политическая партия. В 1954–1962 гг. Фронт национального освобождения возглавлял вооруженную борьбу за независимость страны от Франции. До 1989 г., пока не была произведена конституционная реформа, вводившая многопартийную систему, организация была единственной разрешенной партией в стране.

¹⁴ Фронт социалистических сил — левая социал-демократическая партия Алжира, электоральной базой которой является кабилское население страны. Основана в 1963 г., но была запрещена вплоть до 1990 г.

деле удерживал монополию на власть, президенты всегда были представителями этой партии. Думаю, здесь скорее второй, с древних времен классический вариант — все всё понимали, но не желали доводить до верхов информацию, которая может не нравиться.

В. А. Кузнецов: *Второй вопрос — к тому, о чем Вы говорили, — об экономической программе «плана Бенджедида». Как я понимаю, страна находилась примерно в том же переходном моменте, в котором тогда же находились и мы сами. Это был некий демократический транзит, и речь шла, видимо, о либерализации экономики. Вопрос: насколько у Исламского фронта спасения было реалистичное представление об экономической ситуации в стране? Если посмотреть, например, документы тунисской партии «Ан-Нахда» того же периода, они поражают своей наивностью и, откровенно говоря, попросту глупостью. В них содержалось, в частности, предложение закрыть все отели в стране и сделать Тунис полностью сельскохозяйственным государством. Насколько алжирские исламисты понимали, что делать с экономикой страны? С другой стороны, было ли это понимание у самого режима Шадли Бенджедида? В России, например, был опыт Е. Т. Гайдара и его команды, довольно спорный, в российском общественном сознании он воспринимается весьма критически и очень эмоционально. В Алжире такого не произошло, но по какому-то пути в АНДР тогда собирались идти. Можете рассказать, как это было?*

А. Г. Аксененок: Если говорить об исламистах, то они воздерживались от того, чтобы придавать гласности свою экономическую программу, кроме общих слов о поощрении частного сектора и соблюдения шариатских норм социальной справедливости и в гражданской жизни. Вот здесь-то и возникает конфликт со светской частью общества — то, о чем Вы говорили на примере Туниса. Я даже допускаю, что развернутой программы, как таковой, у Исламского фронта спасения и не было. Главной задачей было взять власть в свои руки. Собственно, так случилось и с «Братьями-мусульманами»*, когда они пришли к власти в Египте.

В. А. Кузнецов: *А почему уже тогда было понятно, что они наложат вето на предложения Шадли Бенджедида?*

А. Г. Аксененок: Победа на выборах не означала автоматическую смену правительства, и президент вполне мог сыграть на таком «раздвоении» власти, не выходя за рамки конституции, как он и рассчитывал. Вместе с тем, Алжир тогда не пошел по пути одновременно политической и экономической модернизации, хотя кое-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

что вскоре после прихода к власти Шадли Бенджедид все же сделал, дав старт частичному разгосударствлению экономики. Ошибка была в том, что он не учел китайский опыт, слишком форсировав переход к многопартийности. Но тут возникает вопрос. А были ли у него экономические ресурсы, чтобы пойти по пути рыночных реформ? Мне кажется, в тот момент их не было. Низкая конъюнктура на нефтяном рынке и слабое наполнение бюджета, резкое падение доходов населения, безработица, особенно среди молодежи, сокращение валютных резервов — все это мешало реформированию экономики без крупных социальных издержек. Не было и политических возможностей с учетом позиции «теневое кабинета» в армейских кругах и в спецслужбах, этих традиционных «делателях президентов». В Алжире многие считают, что наибольшая коррупция распространена именно среди этих выгодоприобретателей от нефтяной ренты.

В. А. Кузнецов: *А как в Алжире относились к М. С. Горбачеву?*

А. Г. Аксененок: Очень уважительно. И, безусловно, есть параллель между Шадли Бенджедидом и М. С. Горбачевым, этими двумя реформаторами-импровизаторами, роль которых в истории оценивается неоднозначно. Но все же мне кажется, что для Алжира более весомым был европейский пример. Обвальные события в Восточной Европе, «бархатные революции», поддержанные Западной Европой, к которой у алжирцев всегда была историческая тяга. Отстранение президента от власти с хорошо известной у нас формулировкой «по собственному желанию» было чисто охранительной мерой со стороны армии, принятой без должной подготовки. М. С. Горбачев тоже ушел по собственному желанию.

В. А. Кузнецов: *Я еще хотел спросить — когда говорят про Алжир, говорят «армия», не конкретизируя, кто именно. Но мне это всегда напоминает фразу моего любимого школьного учителя литературы, которая всегда смеялась над выражением «Музыка народная, слова народные» — мол, народ сел и написал. Армия — это все же большая и разноплановая структура. Например, в 2019 г. прямое участие в алжирских событиях принял Ахмед Гаид Салах¹⁵. А здесь, когда мы говорим «армия», кого мы имеем в виду?*

А. Г. Аксененок: Прежде всего, это «теневой кабинет», в который, как говорили, входил начальник Генштаба, командующий сухопутными войсками, представители армейских спецслужб и

¹⁵ Ахмед Гаид Салах — начальник Генерального штаба Алжирской национальной народной армии в 2004–2019 гг. Также он занимал пост заместителя министра обороны страны. Учитывая, что пост министра обороны занимает президент страны, фактически Салах был «первым человеком» в алжирской армии.

жандармерии плюс верхушка государственной нефтяной компании *Sonatrach*. На это мне намекал Абдельазиз Бутефлика¹⁶, вернувшийся в Алжир в 1995 г. В качестве независимого политического деятеля он быстро включился в публичную жизнь и стал часто появляться на приемах в дипкорпусе. В то время я с ним познакомился и установил неформальные контакты. Абдельазиз Бутефлика не подтверждал, но и не опровергал слухи о своем возможном выдвижении на пост президента. Правда, в доверительной беседе он как-то заметил, что не будет «марионеткой военных». Это было незадолго до того, как мое пребывание в Алжире подошло к концу. Понадобилось четыре года переговоров, прежде чем было принято решение допустить Абдельазиза Бутефлику до выборов, но за это время обстановка изменилась. В 1999 г. экономическое положение страны улучшилось, армии и жандармерии удалось переломить ситуацию. А в 1995 г. из-за постоянной угрозы терроризма львиная доля времени у меня уходила на решение вопросов безопасности посольства и российских граждан.

В. А. Кузнецов: *Вы ведь даже не могли выходить за территорию посольства, верно?*

А. Г. Аксененок: Нет, я жил под охраной в резиденции. Алжир был одной из первых стран, где была организована работа «заслона» (сейчас это признается официально). Алжирцы разрешили охрану по периметру своими силами, а наша СВР наладила эту работу на ротационной основе. Это более десяти сотрудников, дежуривших с оружием по внутреннему периметру посольства. Кроме того, посла в его передвижениях и в резиденции персонально охраняли еще два человека из ФСБ.

В. А. Кузнецов: *А Ваша семья была там же с Вами?*

А. Г. Аксененок: Нами было принято решение о постепенном отъезде жен сотрудников посольства. Моя жена уехала последней, и мы перешли на *non-family mission*. Каждый вечер я проходил «курс молодого бойца» — с сотрудниками ФСБ собирал и разбираал автоматы на скорость.

В. А. Кузнецов: *Пригодилось?*

А. Г. Аксененок: Нет. Но было интересно.

В. А. Кузнецов: *Расскажите немного о личных воспоминаниях. Какое впечатление на Вас произвел Абдельазиз Бутефлика? В последнее время, незадолго до болезни, он не производил впечатлительные харизматика. Но, тем не менее, человек двадцать лет управлял страной, и как бы его ни проклинали, он довольно много всего сделал.*

¹⁶ Абдельазиз Бутефлика — президент Алжира в 1999–2019 гг.

А. Г. Аксененок: Я бы тоже не сказал, что он харизматическая личность. В то же время он хороший коммуникатор и тактик, человек с огромным опытом и связями не только в странах третьего мира, но и в Европе, в США, а также в арабском мире. Видимо, при выборе Абдельазиза Бутефлики перевесили внешнеполитические соображения. Тогда это было довольно актуально, потому что Алжир, по существу, находился в изоляции, его однозначно поддерживали только Франция и Россия, а США занимали очень недвусмысленный нейтралитет, толкая армейские власти к диалогу и соглашению с исламистами. Кроме того, немаловажной была историческая связь личности Абдельазиза Бутефлики с наследием войны за независимость, что подчеркивало преемственность в источнике власти.

Абдельазиз Бутефлика на посту президента действительно поднял международный престиж Алжира, и чисто по-человечески вызывает сожаление то, как сложился конец его политической карьеры — от «спасителя нации» и «архитектора современного Алжира» до «коррупционера», возглавлявшего «прогнившее окружение».

В. А. Кузнецов: *А что считали французы?*

А. Г. Аксененок: Французы целиком поддерживали режим и считали, что исламистов надо искоренять.

В. А. Кузнецов: *Я не очень понимаю — такая непримиримая позиция к Исламскому фронту спасения, например, «терминаторов»¹⁷ из армейской элиты, которые выступали за то, чтобы полностью его уничтожить... Но все же примерно две трети общества были готовы их поддерживать. Из этих двух третей какая-то часть, видимо, была оппортунистами, но значительная доля населения все же поддерживала Исламский фронт спасения сознательно. Почему? Что было не так, какие надежды они связывали с Исламским фронтом спасения и почему в Алжире не было либеральной альтернативы?*

А. Г. Аксененок: Мы уже говорили, что в рамках Исламского фронта спасения были разные течения. Шадли Бенджедид хотел изолировать экстремистов и укрепить умеренное крыло. Аббаси Мадани¹⁸ и Абд аль-Кадер Хашани¹⁹, например, были более умерен-

¹⁷ Так в алжирском обществе называли «ястребов» из военного руководства страны, выступавших за полное уничтожение исламистов.

¹⁸ Аббаси Мадани — алжирский политик, сооснователь и первый руководитель Исламского фронта спасения. На протяжении 1980-х гг. он активно участвовал в исламистском движении Алжира и был одним из его признанных лидеров.

¹⁹ Абд аль-Кадер Хашани — алжирский исламистский политик. В 1990-х гг. был членом партии «Ан-Нахда», а затем перешел в Исламский фронт спасения. Впоследствии стал третьим человеком в его руководстве, возглавив Национальный исполнительный совет.

ными, чем Али Бельхадж²⁰, не говоря уже о Вооруженной исламской группе (*Groupe Islamiste Armée, GIA*)²¹.

В. А. Кузнецов: *То есть с Аббаси Мадани можно было разговаривать?*

А. Г. Аксененок: Да, но его и Али Бельхаджа военные арестовали еще до первого тура выборов. Исламский фронт спасения возглавил Абд аль-Кадер Хашани, считавшийся умеренным политиком. После аннулирования результатов выборов Фронт занял позицию непризнания новой власти, но пошел вначале по пути организации массовых уличных протестов с требованиями возобновления избирательного процесса. И только в ответ на порой чрезмерно жесткие силовые действия властей (введение чрезвычайного положения, комендантского часа, многотысячные аресты, решение о роспуске Исламского фронта спасения и исламских муниципалитетов, контроль за проповедями в мечетях и др.) исламисты перешли к тактике «городского терроризма». В результате получилось ровно наоборот. Вместо того чтобы внести раскол в Исламский фронт спасения и вычленив умеренных лидеров, как рассчитывал Шадли Бенджедид, на передний план вышло экстремистское крыло, тесно связанное с вооруженным исламским движением.

В. А. Кузнецов: *Как Вы думаете, правильна ли точка зрения, что одна из проблем была в том, что для режима на момент начала этих событий главной угрозой казались не исламисты, а берберы? Потому что начиная еще со времен колониализма существовали автономистские тенденции в Кабилии, в 1980 г. были драматические события «берберской весны», до этого — сразу после получения страной независимости — алжирское руководство обвиняло Рабат в поддержке кабийских движений и это стало одной из причин Войны в песках... Верно ли, что пристально следя за берберами, власти просто пропустили усиление исламистского фактора?*

А. Г. Аксененок: Будучи там, я не уловил этот момент. Да, Фронт социалистических сил всегда действовал легально как оппозиция Фронту национального освобождения, представляя интересы бербер-

²⁰ Али Бельхадж — алжирский политик и сооснователь алжирского исламистского движения, бывший вице-президент Исламского фронта спасения, который возглавлял его радикальное крыло. В начале 1980-х гг. он был одним из соратников Мустафы Буали и входил в число сторонников организации «Читатели Сейида Кутба», а в последующем — «Алжирского вооруженного исламского движения».

²¹ «Вооруженная исламская группа» — радикальная группировка исламистской алжирской оппозиции, основанная в 1992 г. Абд аль-Хакком Лайадой. Он заявлял, что «Вооруженная исламская группа» — преемники движения Мустафы Буали и афганского джихада. Подробнее см.: Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма / Пер. с фр. В. Ф. Денисова. — М.: Ладомир, 2004. С. 254.

ского меньшинства. Вряд ли режим видел какую-то угрозу с этой стороны, потому что он все-таки контролировал берберское движение, амазигов. А ислам был на подъеме, особенно на волне «побед» в Афганистане. Возвращавшиеся оттуда алжирцы вливались в ряды Исламского фронта спасения, укрепляя влияние радикальных исламистов.

В. А. Кузнецов: *Когда я об этом разговаривал со студентами, я всегда приводил в пример наши разные фильмы и рок-музыку того времени, где так или иначе звучала тема Афганистана. В ней преобладало ощущение «потерянного поколения» — когда люди приходят домой с войны и оказывается, что там они были героями, а в мирной жизни — никому не нужны. Ни государство, ни общество ничего им не может и не хочет предоставлять, никто не понимает, что они там делали. И их ожидало весьма грустное будущее. В России 1990-х гг. судьбы воинов-афганцев были по большей части незавидны. Я так понимаю, в Алжире история была похожая, но они все же пошли по пути радикализации, исламизации?*

А. Г. Аксененок: Арабские возвращенцы из Афганистана имели моральное оправдание своим террористическим действиям: «у нас украли победу». Алжирские выборы 1991 г. действительно были первым случаем, когда исламистское движение могло прийти к власти демократическим путем. С тех пор у нас был и египетский пример, и выборы в Палестине, а также в Тунисе.

В. А. Кузнецов: *Прежде чем мы перейдем к Сирии, я хотел бы еще спросить — встречались ли вы с Аббаси Мадани и представителями Исламского фронта спасения в целом?*

А. Г. Аксененок: Нет, не приходилось.

В. А. Кузнецов: *С ними не рекомендовалось общаться?*

А. Г. Аксененок: Прямых рекомендаций не было, но такие контакты на уровне посла не могли остаться незамеченными. К тому же вскоре после массовых протестов против отмены результатов выборов Аббаси Мадани был заключен под арест. Я открыто встречался только с умеренными исламистами. Например, Махфуд Нахнах²² был моим большим другом. Ведь таких партий было много — «Ан-Нахда»²³,

²² Махфуд Нахнах — алжирский политик и основатель исламистской партии «Движение за общество мира», которую «Братья-мусульмане» (организация, деятельность которой запрещена в России) признали в качестве своего алжирского крыла.

²³ «Ан-Нахда» — алжирская исламистская политическая партия. Ее полное название — «Харакат ан-Нахда аль-Исламийя» («Движение исламского возрождения»). Партия была создана Абдаллой Джабаллой в 1989 г. Ее не следует путать с одноименной тунисской партией. В качестве своих задач «Ан-Нахда» выдвигала участие в создании исламского общества и построении свободного и справедливого исламского государства, гарантирующего для всех алжирских граждан соблюдение прав и свобод, определенных рамками шариата, а также укрепление арабского и исламского единства. Подробнее см.: Al-Ahnaf M., Botiveau B., Fregosi F. L'Algérie par ses islamistes. 1991. P. 58.

«Движение за общество мира». Помнится, Махфуд Нахнах часто проводил интересную аналогию. Советский Союз распался, мир стал однополярным, но, по его мнению, мир не может быть однополярным: «Каждое животное должно быть двурогим. А получается, мир стал похож на носорога! Это вопреки законам природы».

В. А. Кузнецов: *Хотя носороги с этим бы поспорили... Отвлечемся от Алжира. Здесь, в целом, понятно — Вы четыре года там проработали, увидели деградацию политической ситуации, безопасности...*

А. Г. Аксененок: К слову о безопасности. Военной власти не удалось сразу институционализироваться. В Алжире вначале хотели сделать главой государства председателя Конституционного суда, но он отказался. Потом создали так называемый Высший комитет по безопасности, который включал трех ведущих генералов. Но алжирцы отвергли этот комитет, в стране начались демонстрации протеста. И только в третий раз было принято решение образовать Высший государственный совет, в состав которого вошло пять человек.

В этой связи интересно отметить, что алжирская армия в 2019 г. учла печальный опыт своих военных «отцов» 1991 г. Показательно, что бывший в то время начальником Генерального штаба Алжира Ахмед Гайд Салах сумел предотвратить новый виток насилия и направить действия властей по пути новой институционализации, исходя из того, что прежде всего необходимо создать условия для политического перехода. Так что военные в Алжире критически пересмотрели свой тяжелый опыт «черного десятилетия».

В отличие, кстати сказать, от Сирии.

Сирия: насилие и страх реформ

В. А. Кузнецов: *Говоря об Алжире, Вы показали, как разные политические лидеры, пытаясь реагировать на вызовы 1990-х гг., выбирали разные стратегии — от наиболее жестких до относительно мягких. Не могли бы Вы пояснить, как в подобных политических системах — в алжирской и в сирийской — принимаются эти решения? Есть группы наиболее влиятельных людей, которые просто пытаются что-то сделать?*

А. Г. Аксененок: При всех различиях в этом смысле между Сирией и Алжиром, эти партийные режимы объединяют, на мой взгляд, некоторые общие черты. Помимо конституционных государственных институтов, так сказать с изнанки, они имеют некую глубокую закулису, то есть неконституционный механизм принятия решений. Отсюда повышенная секретность, даже там, где она совсем

не требуется. Если в Алжире «делатели президентов» — армия, то в Сирии это еще и другие структуры, скрытые и более сложные пружины власти.

В. А. Кузнецов: *А в Сирии кто?*

А. Г. Аксененок: Армия играла свою роль в политике в различные периоды вплоть до 1970 г. Сирия считалась чемпионом по числу военных переворотов — я насчитал их девять с 1949 по 1963 г.

В. А. Кузнецов: *Кто-то даже считает, что было 14 переворотов. Видимо, разные критерии.*

А. Г. Аксененок: Приход к власти полковника Хосни Заима в 1949 г. был первым таким переворотом в арабском мире, который вместе с тем не прервал буржуазно-демократическое развитие — путь, по которому пошла Сирия после вывода французских войск и обретения независимости в 1946 г. Следует сказать, что в 1950-е гг., за исключением трех лет «диктатуры Шишакли» (1951–1954 гг.), действовала Конституция 1950 г., принятая демократическим путем через выборную Учредительную ассамблею. В соответствии с этой конституцией Сирия оставалась республикой парламентского типа. В тот период сохранялась многопартийность и политическая жизнь, активно развивалось гражданское общество. На базе роста промышленности и процесса урбанизации зарождались новые социальные слои, представленные рабочими профсоюзами и крестьянским движением, городским средним классом. На парламентских выборах 1954 г. представляющие их депутаты получили уже 20% мест в парламенте, несколько потеснив «старый» торгово-землевладельческий олигархат. В отличие от других «недолговечных» конституционных актов в период военных переворотов, конституция 1950 г. действовала с некоторыми изменениями по сирийским меркам достаточно долго, вплоть до 1958 г. Для того времени, когда становление основ национальной государственности находилось на перепутье, она была вполне современной даже по европейским критериям. Это был результат компромисса между политическими силами, боровшимися за власть в переходный период, в том числе в самой армии. Правда, эти компромиссы продержались недолго.

В 1958 г. развитие Сирии по буржуазно-демократическому пути вновь было прервано после того, как на волне панарабизма произошло объединение с Египтом и было создано единое государство — Объединенная Арабская Республика. Но через три года эта первая попытка воплотить общеарабские идеалы на практике закончилась неудачей в результате военного переворота в Дамаске. Победили сирийские националисты, посчитавшие, что насеровский Египет превращает Сирию в свой колониальный придаток.

Десятилетие 1961–1970 гг. отличалось ожесточенной борьбой за власть, в которой каждая из политических сил старалась заручиться базой поддержки в среде высшего офицерства, где набирал силу созданный еще в 1959 г. Военный комитет, находившийся под влиянием партии «Баас» (Партия арабского социалистического возрождения). Будущий президент Сирии Хафез Асад был одним из ведущих членов этого Комитета. После очередного переворота в 1963 г. партия «Баас» в союзе с офицерством разной политической ориентации взяла бразды правления в свои руки. Возобладал национализм, хотя и общеарабский, но уже с сирийской тональностью под баасистскими лозунгами — «Арабская нация имеет вечную миссию» и «Единство, свобода, социализм».

В последующие семь лет шла бескомпромиссная и беспощадная борьба за власть уже внутри партии «Баас», сопровождавшаяся чистками в армии и в самой партии, разрастанием аппарата спецслужб, репрессиями, жестким подавлением уличных протестов²⁴. Верх одержало крыло министра обороны Хафеза Асада, который в 1970 г. провел так называемое «Исправительное движение», а на следующий год был избран президентом и возглавил ее региональное, т. е. сирийское, руководство.

Можно считать, что с этого времени заканчивается «политизация» армии, которая перестает быть «источником власти», и та переходит под контроль партийного руководства в тесной связке с могущественными службами безопасности. Переходный период с его зигзагообразным развитием прекратился, началось последовательное выстраивание государства авторитарного типа.

В. А. Кузнецов: Все же Хафез Асад сумел стабилизировать ситуацию на 30 лет для себя и еще на 10 лет для сына. Это его личное достижение? Расскажите о нем, пожалуйста. Вы же знали его лично?

А. Г. Аксененок: Да, по сравнению с периодом переворотов Сирия надолго обрела стабильность, которая до сих пор ассоциируется с его именем, хотя и по-разному. Мне довелось неоднократно встречаться с Хафезом Асадом. Вначале в качестве переводчика его переговоров с советскими руководителями в Москве и Дамаске, а затем в официальном качестве, когда он часто принимал меня по поручениям из Москвы как временного поверенного в делах СССР в Сирии. Случались и неформальные беседы.

²⁴ «Революция 8 марта» 1963 г. сменилась другой, название которой у отечественного читателя также может ассоциироваться с рядом стоящим государственным праздником — «Революция 23 февраля». В результате этих событий к власти пришло левое крыло партии «Баас». 13 ноября 1970 г. в стране произошел новый военный переворот, приведший к власти другую партийную группировку во главе с Хафезом Асадом. В баасистской историографии эти события именуются «Исправительным движением».

Безусловно, это был крупный государственный деятель не только регионального масштаба. Он умел расположить к себе собеседников философской рассудительностью, интересными историческими экскурсами с долей открытости и юмора. При всей мягкой манере разговора Хафез Асад оставался вполне последовательным и даже временами вежливо настойчивым в достижении поставленной цели. Чувствовалось, что за кажущейся застенчивостью кроется спокойная расчетливость и твердый характер. Несмотря на особые отношения с Советским Союзом и первые санкции со стороны США, Хафез Асад избегал открытой антиамериканской риторики и с начала 1990-х гг. не раз давал согласие на американское посредничество в переговорах с Израилем.

Во внутренней политике, сочетая прагматизм с силой, он много сделал для превращения Сирии в современное государство с развитой инфраструктурой, довольно высоким уровнем образования и здравоохранения, а также с небольшой, но вполне состоятельной прослойкой среднего класса. Благодаря невероятным способностям сочетать жесткую, порой жестокую, централизацию власти с выстраиванием сети неформальных коммуникаций с суннитской буржуазией и суннитским духовенством, президенту удавалось долгое время камуфлировать нарастающее доминирование алавитского меньшинства на ключевых постах в армии и в государстве. Вместе с тем, при нем внутренняя солидарность в семейном клане и личная лояльность ценились превыше всего, что было одним из факторов, способствовавших распространению коррупции и некомпетентности в госаппарате.

В. А. Кузнецов: Мне кажется, что Хафез Асад был таким гением балансов — как во внешней политике, где он пытался уравновешивать просоветские и прозападные векторы, так и во внутренней, которая в значительной степени выстраивалась им как сложные балансы между семейно-клановыми, этноконфессиональными, региональными и прочими группами. Но скажите, Александр Георгиевич, описанный Вами стиль поведения сирийского лидера — это специфика ваших личных отношений с Хафезом Асадом, режима или местной культуры? Складывается ощущение, что в целом сирийцам свойственен иной стиль политического поведения, нежели алжирцам.

А. Г. Аксененок: Сирийцы очень любят и умеют низводить официальные отношения до личностных и «очаровывать» партнера, особенно иностранного. Алжирцы все же склонны держаться более отстраненно. Хафез Асад первое время позиционировал себя как простого человека, открытого и доступного для всех. Но шло время, и многое менялось. Достигнув вершин по сути неограниченной власти

и славы в арабском мире, он пережил вместе с тем большие государственные и личные трагедии. С годами внешние и внутренние угрозы выстроенной им государственной и общественно-политической системы, войны с Израилем и межарабские конфликты, груз семейных неурядиц и потерь, горечь личных неудач — все это давало о себе знать. Трещины в отношениях между властью и обществом разрастались. Особенно на здоровье Хафеза Асада и его внутреннее состояние подействовал конфликт с его младшим братом Рифаатом Асадом, который, воспользовавшись болезнью президента, начал готовить смену власти.

Историческая справка.

Конфликт братьев Хафеза и Рифаата Асадов²⁵

Изначально в качестве преемника Хафеза Асада рассматривался его младший брат Рифаат. Он возглавлял военизированное формирование «Роты обороны» (*«Сарайя ад-Дифа»*). Был известен подавлением восстания «Братьев-мусульман»* в г. Хаме в 1982 г. Подразделение, которое было ему подчинено, фактически было самостоятельной военной силой и имело значительные преференции. Численность данного подразделения составляла около 50 тыс. солдат и офицеров, большинство из которых были алавитами. «Роты обороны» дислоцировались в пригороде Дамаска и имели в своем распоряжении три бронетанковые части, механизированную бригаду, артиллерию, средства ПВО, ракеты, а также десантные подразделения²⁶. Они также выполняли функции «мухабарат»²⁷, имея свою разведку и контрразведку, а также тюремную систему.

Наличие своей «личной гвардии» стало ключевым обстоятельством, подтолкнувшим Рифаата Асада попытаться совершить «дворцовый переворот». Воспользовавшись болезнью Хафеза Асада, 27 февраля 1984 г. «Роты обороны» вошли в Дамаск и заблокировали ключевые правительственные объекты. Бойцы начали срывать плакаты с изображением действующего президента и вместо них вешать портреты Рифаата с подписью «президент Рифаат Асад».

²⁵ Подробнее см.: Пир-Будагова Э. П. История Сирии. XX век / Отв. ред.: А. О. Филоник. — М.: ИВ РАН, 2015. — 392 с.

²⁶ Пир-Будагова Э. П. История Сирии. XX век / Отв. ред.: А. О. Филоник. — М.: ИВ РАН, 2015. С. 254.

²⁷ Арабское название специальных служб, которые совмещают в себе разведывательные, контрразведывательные и правоохранительные функции.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

Однако переворот не увенчался успехом. В столицу вошли армейские подразделения. Хафезу Асаду удалось предотвратить столкновения. Кроме того, важную роль в посредничестве между братьями сыграла их мать. По итогу, Рифаат Асад лишился контроля над «Ротами обороны», получил должность вице-президента Сирии и был отправлен в почетную ссылку. После произошедших событий основным преемником стал рассматриваться Басиль — старший сын Хафеза Асада.

***В. А. Кузнецов:** Очень интересные наблюдения. У меня вопрос. Как эта система изменилась после прихода к власти в Сирии Башара Асада? После опыта «Дамасской весны», опыта небольших реформ середины 2000-х гг.*

А. Г. Аксенонок: Вопрос хороший, но я бы хотел дополнить про Асадов. Хафез Асад имел очень вкрадчивую манеру разговора, и мне кажется, что тот же стиль общения есть и у его сына Башара Асада. При прослушивании записей его бесед с журналистами, у меня возникало ощущение, что сын говорит в тональности отца. Хафез Асад мог долго уходить в историю, пространно рассказывать, например, о борьбе Салах ад-Дина с крестоносцами, но при этом четко держать нить разговора. Это отличает крупного государственного деятеля. Не знаю, в какой степени это свойственно Башару Асаду, но похоже многое в плане манеры общения он все-таки унаследовал.

***В. А. Кузнецов:** Мне кажется, что дело еще и в стилистике. Когда я встречался с некоторыми сирийскими официальными лицами, то часто замечал, что, с одной стороны, беседа сама по себе бывает очень интересной, даже глубокой, наполненной литературными, философскими, историческими реминисценциями, которые, на самом деле, просто подменяют содержательный разговор. А с другой — им просто не хочется об этом говорить.*

А. Г. Аксенонок: Примерно так иногда проходили переговоры с Л. И. Брежневым, с А. А. Громыко, и с Ю. М. Воронцовым — первым замминистра иностранных дел, который часто приезжал в Дамаск. В таком духе шло общение, когда в позициях чувствовался какой-то зазор. Разговор начинал проходить в обтекаемом ключе, и все само собой становилось понятным.

Думая над этой особенностью, прихожу к мысли о том, что здесь сказывается алавитский принцип жизни и выживания. По-арабски это звучит как «*мабдаа би-т-такья*» — принцип благоразумного сокрытия веры. То есть выслушивать собеседника, не возражать, не вступать в конфликт, соглашаться там, где можно, но в собственном мышлении иметь нечто другое, в том числе и готовность при случае поступить не так, как подразумевалось в беседе. Примеры этого из-

вестны. Вступление сирийской армии в Ливан, например, произошло именно в тот момент, когда А. Н. Косыгин приехал с визитом в Дамаск, что послужило поводом для разговоров о том, что это произошло по согласованию с Москвой. Но, по оценкам того времени, совпадение было не случайным. Заведующий в тот момент отделом Ближнего Востока МИД СССР О. А. Гриневский, видный советский и российский дипломат, который сопровождал А. Н. Косыгина, был в бешенстве. Наши военные в мою бытность в Сирии также рассказывали мне о случаях «недопонимания» с сирийскими коллегами, когда казалось, что договоренности достигнуты.

В. А. Кузнецов: Башар Асад пришел к власти, и обычно российские исследователи представляют это следующим образом. Башар Асад, младший сын Хафеза Асада, был интеллигентом, врачом, учился в Лондоне и не хотел быть главой государства. Но так получилось, что он стал руководителем страны. Он хотел провести масштабные реформы и в итоге начал их проводить, так как думал, что в Сирии можно будет построить либеральное государство по примеру Великобритании. А затем «любовная лодка разбилась о быт» и старики из баасистской элиты не дали ему совершить задуманное. Мне кажется, что это не совсем правильная картинка. Интересно Ваше мнение.

А. Г. Аксененок: Полностью согласен. Если излагать схематично, то эта картинка может казаться правильной по причине ее простоты. Но в этом сирийском сюжете простые схемы не состоятельны по соображениям внутренних и внешнеполитических реалий, сложившихся на момент, когда Хафез Асад ушел из жизни. Сирия в то время переживала тяжелый период адаптации к переменам в мировой и региональной политике, прямо или косвенно затрагивающим жизненные интересы режима. Прежде всего это последствия распада Советского Союза и переход к модели однополярного мира, вторжение Ирака в Кувейт, ухудшение отношений с Ясиром Арафатом, вплоть до разрыва, а также постоянная военная напряженность в Ливане. К тому же была неуверенность в преданности ближайшего окружения, что особенно проявилось в дни короткого, но нервного перехода власти от Асада к Асаду. Поэтому не думаю, что Башар Асад был полностью оторван от политики, готовясь стать врачом офтальмологом в Лондоне. И потом отец все же имел несколько лет, чтобы подготовить сына...

В. А. Кузнецов: Его старший сын, Басиль Асад, разбился в 1994 г.

А. Г. Аксененок: И в тот же день Хафез Асад срочно вызвал второго сына на родину. То есть до кончины президента оставалось еще шесть лет.

В. А. Кузнецов: *Шесть лет — это достаточно много.*

А. Г. Аксененко: Отец не мог не готовить своего сына в преемники, хотя публично и отрицал это. В последующем Башар Асад, не имея опыта государственного управления, конечно, полностью не понимал, какой расклад сил сложился во властной верхушке, и вел себя с присущей ему осторожностью. С другой стороны, как человек, проживший немалое время в Лондоне и не чуждый либеральным взглядам, он чувствовал, что нужно что-то менять. Для начала — стилистику. Есть его интересное высказывание в этом отношении в речи при инаугурации 17 июля 2000 г.: «Я — человек, который, став президентом, остается таким, каким он был: врачом, офицером и прежде всего гражданином». Прозвучал призыв к гражданам принять участие «в процессе развития и модернизации» и «конструктивной критике». Это уже новая стилистика — то, с чего начинал Хафез Асад.

Мышление Башара Асада в отношении реформирования сирийского государства и общества прошло, как мне представляется, несколько этапов. Вначале были доступ к СМИ, свобода в высших учебных заведениях, в искусстве, развитие коммуникационных технологий, прежде всего интернета, распространение дискуссионных клубов и общественных организаций, в том числе среди женщин и др.

В. А. Кузнецов: *Правда ли, что если все это так быстро возникло, то ранее эти явления уже были, хотя бы полуподпольно?*

А. Г. Аксененко: Безусловно, все появилось не на ровном месте. Внутренне общество, которое называли «королевством молчания», было давно готово к изменениям. Нужен был только сигнал, каким и стал приход молодого лидера, который пользовался репутацией модернизатора. Собственно то, что называют «Дамасской весной», продолжалось недолго. Через несколько месяцев начались первые аресты среди участников домашних дискуссионных клубов. Затем оппозиционеры перешли в кафе и начали так называемые «встречи за чаем».

В. А. Кузнецов: *То есть они стали сами друг на друга доносить?*

А. Г. Аксененко: Да, примерно так. Башар Асад все же не прекращал личные контакты с представителями оппозиции, давал им обещания реформ. Одновременно раз за разом он прочерчивал красные линии — никакого разделения политической власти в Сирии не будет, а западная демократия неприменима к арабскому обществу. С другой стороны, он старался просчитать соотношение сил в своем собственном клане, в доставшихся ему центрах власти. То есть в Сирии шли два параллельных процесса — попытки разобраться, что

представляет из себя разношерстная оппозиция, и прощупывание почвы в верхах. Среди «старой гвардии» в течение нескольких лет после 2000 г. также произошли значимые перемены. Башар Асад постепенно ставил на ключевые посты в специальных службах, в армии и партии благонадежных людей, отдавая предпочтение семейному кругу. Так продолжалось до 2005 г., когда начались более масштабные аресты среди оппозиции, а президент укрепил свои внутренние тылы после съезда регионального руководства партии «Баас».

В. А. Кузнецов: *То есть первый этап — это все первые 10 лет его правления?*

А. Г. Аксененок: Не совсем так. Первый этап — это 2000 г. «Дамасская весна». Второй этап (условно 2001–2004 гг.) — это еще не массовые репрессии, но уже установление пределов реформ. Третий этап — это полная определенность. В интервью *The Wall Street Journal* в январе 2011 г. президент прямо сказал: «Реформы — это долгий путь, целый процесс. Мы должны подождать еще одно поколение, прежде чем проводить настоящие реформы. Нельзя делать что-то косметическое, это было бы обманом народа или желанием получить аплодисменты Запада. Не время для быстрых политических реформ. Общество не созрело для политического участия так, как это водится в западных либеральных политических системах»²⁸.

То есть к тому времени президент уже окончательно определился. Реформ по типу тех, которые проводил М. С. Горбачев, он не допустит. Есть основания полагать, что на формирование такого подхода оказал влияние не только личный опыт, но и беседы с отцом. Хафез Асад, мягко говоря, скептически воспринял горбачевскую перестройку. В одной из бесед со мной он в свойственной ему осторожной манере задавал наводящие вопросы по поводу того, что происходит в Советском Союзе, мол, не слишком ли быстро все идет. Своего отношения он прямо не высказывал, но многое было понятно.

Историческая справка.

Разговор М. С. Горбачева и Хафеза Асада

Ярким дополнением к обозначенному является встреча глав СССР и Сирии осенью 1989 г. Тогда Хафез Асад пытался договориться с Михаилом Горбачевым о поставках современного вооружения Сирии, чтобы та смогла достичь военного паритета

²⁸ Interview With Syrian President Bashar al-Assad // *The Wall Street Journal*. 31.01.2011. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703833204576114712441122894>

с Израилем. Однако советский лидер отказал в просьбе со словами: «Это не решит ваших проблем, и в любом случае мы больше не играем в эту игру»²⁹.

В. А. Кузнецов: *Это же классическая риторика того времени, как у Хосни Мубарака, например: мол, да, мы ничего не имеем против реформ, они нужны, и они будут. Но не сейчас и не завтра, и не так быстро, как хотелось бы Западу. Кстати, полагаю, что трагический алжирский опыт сыграл очень большую роль в возникновении этой риторики — он ее как бы легитимизировал. Я бы назвал это «алжирским аргументом» — не надо проводить быстрых реформ, иначе получится, как в Алжире.*

А. Г. Аксенонок: Да, пожалуй, соглашусь. Именно поэтому пакет политических реформ был принят только в июле–августе 2011 г. под давлением быстро менявшихся обстоятельств. Эти реформы включали в себя законы о политических партиях, о всеобщих выборах, о СМИ, о местном самоуправлении, было объявлено о создании комиссии по подготовке новой конституции, которая и была принята в феврале 2012 г. Но, повторюсь, это был уже вынужденный шаг, принятый под давлением «улицы». К тому времени события стремительно развивались по силовому сценарию, началось дезертирство из армии, появилась Сирийская свободная армия, через Турцию пошел поток исламистских боевиков. Оппозиция приободрилась, и при поддержке Запада появились иллюзии о возможности свержения режима вооруженным путем. Поэтому все эти запоздалые шаги навстречу оппозиции не оказали того умиротворяющего воздействия, на которое были рассчитаны.

В. А. Кузнецов: *А спустя еще 10 лет? Какая сейчас позиция у сирийского руководства?*

А. Г. Аксенонок: Не вижу признаков того, что она изменилась. В чем причина? Видимо, в том, что Сирия — это многоконфессиональное общество, где, несмотря на все социально-политические альянсы и сложный механизм внутреннего балансирования, власть находится в руках конфессионального меньшинства. Боязнь потерять власть — очень сильный импульс к тому, чтобы менять, ничего не меняя.

В. А. Кузнецов: *Я думаю, что с чисто психологической точки зрения, спустя более десяти лет такой тяжелой войны, которую Башар Асад провел, отстояв себя, свое окружение, независимость Сирии, сумев заставить смириться со своей политической линией и США, и Европу, и сохранить значительную долю самостоятель-*

²⁹ Подробнее см.: Роган Ю. Арабы. История. XVI–XXI вв. — М.: Альпина нон-фикшн, 2019. С. 619.

ности и способность ставить свои условия внешним партнерам, когда надо... Думаю, что самовосприятие этого человека должно было бы поменаться, и, возможно, появилось ощущение собственной исключительности. Я не знаю точно, у меня нет этому доказательств. Но его готовность слушать других может стать меньше. Это просто человеческая логика.

А. Г. Аксененок: Да, безусловно, и человеческая, и системная. Сама система формирует такое мышление. Саддам Хусейн в начале продвижения к вершинам власти тоже был милейшим человеком. Я приехал в Багдад вскоре после баасистского переворота. Тогда Саддам Хусейн не был президентом и занимал пост заместителя председателя Совета революционного командования. Мне приходилось наблюдать за ним в его ночных беседах один на один с Е. М. Примаковым, который приезжал в Багдад по особому поручению. Потом я встречался с иракским лидером, когда он приезжал в Москву, и позднее в ходе визита А. Н. Косыгина в Багдад. Я видел, как он просто и непринужденно общается со своим окружением. Но если вспомнить разочарования Е. М. Примакова от последней беседы с ним в Багдаде накануне вторжения США, разница в оценках его поведения получается огромной. Произошла трансформация, характерная для авторитарных правителей. То самое ощущение собственной исключительности, о котором Вы говорите.

В. А. Кузнецов: *Давайте вернемся к Сирии, к реформам. «Дамасская весна» прошла быстро. Но, когда началась уже «арабская весна», некоторые сирийские и ливанские авторы писали, что она была вдохновлена «Дамасской весной». Хотя понятно, что каждый смотрит на это по-своему. Как Вам кажется, в сирийском общественном сознании эти несколько месяцев либерализации, которые были в 2000 г., оказали влияние на дальнейшие события? Сейчас, когда сирийцы думают о том, какую страну хотели бы построить, возвращаются ли они к тому опыту?*

А. Г. Аксененок: Да, возвращаются, но опять же по-разному, по-прежнему не избавившись от старых иллюзорных представлений. Оппозиционеры часто вспоминают те обещания, которые были даны и не выполнены, пытаются получить политические дивиденды на теме жертв и «жестокостей» режима Башара Асада во время гражданской войны. Официальные лица не проявляют намерений критически взглянуть на коренные причины конфликта. Хотя здесь тоже все неоднозначно. Выступая на Катарском форуме в конце 2010-х гг., итальянский дипломат и на тот момент специальный посланник Генерального секретаря ООН по Сирии Стаффан де Мистура ответил очень интересно, когда ему начали говорить о «кровавых преступлениях»

диктатора Асада»: «Смотрите, идет гражданская война. Возможно, со стороны оппозиции было большее количество жертв в результате военных действий. Но это по той причине, что у боевиков оппозиции не было ни самолетов, ни вертолетов, ни артиллерии, ни танков»³⁰. Могу добавить от себя: в гражданских войнах, как мы знаем и по российскому опыту, ни одна сторона не идеальна.

В. А. Кузнецов: *Расскажите об экономических реформах. Они были очень противоречивыми. У нас с Вами есть два примера, которые мы вспоминаем — оценки, которые дает Кадри Джамиль³¹, и с другой стороны, оценки Абдаллы Дардари³². И тот, и другой были вице-преьерами Сирии, но политические взгляды у них были противоположные. Кадри Джамиль говорил, что все зло было в самих реформах, а Абдалла Дардари говорил, что зло было в том, что они не были закончены.*

А. Г. Аксененко: Я внимательно прочитал последнюю книгу Кадри Джамиль³³, где он пишет о «скандальных либеральных реформах», характеризуя их как «наступление на завоевания трудящихся». В книге, правда без ссылок на источники, содержатся общие данные об обнищании населения, повышении уровня безработицы, сокращении реального производства, росте инфляции и др. В результате, по его образному выражению, была «перерезана пуповина, связывающая политический режим и его массовую социальную опору»³⁴.

Со своей стороны, Абдалла Дардари, один из видных экономистов команды, которой президент поручил подготовить и провести утвержденный партией курс на либерализацию экономики и финансов, представляет эту картину иным образом. На эту тему у меня с ним состоялась видеоконференция в мае 2023 г.

³⁰ Note to correspondents: Remarks by UN Special Envoy for Syria, Staffan de Mistura to the Doha Forum // UN. 16.12.2018. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/note-correspondents/2018-12-16/note-correspondents-remarks-un-special-envoy-for-syria-staffan-de-mistura-the-doha-forum-scroll-down-for-arabic>

³¹ Кадри Джамиль — вице-премьер Сирии (2012–2013 гг.), секретарь партии «Народная воля», руководитель оппозиционной структуры «Народный фронт за перемены и освобождение», а также председатель «Московской платформы».

³² Абдалла ад-Дардари — вице-премьер Сирии по экономическим вопросам (2005–2011 гг.). После отставки с правительственной должности он работал на руководящих должностях в экономических структурах ООН (Экономическая и социальная Комиссия для Западной Азии, Программа развития ООН, в том числе в качестве ее представителя в Афганистане) и во Всемирном банке. В 2023 г. ад-Дардари был назначен помощником Генерального секретаря ООН и директором регионального бюро Программы развития в арабских странах.

³³ Джамиль К. Сирийский кризис. Истоки и перспективы. — М.: Студио ПРО, 2020. — 316 с.

³⁴ Там же. С. 55.

Необходимость срочных реформ Абдалла Дардари объясняет критическим положением экономики: рост пошел в минус, государственный сектор перестал нормально функционировать, резко сократилась добыча нефти и образовался отрицательный энергетический баланс, законодательство не действовало. То есть реформы были вынужденными, навязанными самой реальностью. Поэтому остро встал вопрос: как быть? Эти вопросы Абдалла Дардари часто обсуждал лично с президентом.

Какие имелись опции? Либерализацию цен и приватизацию государственного сектора решено было не проводить, а идти по пути диверсификации экономики и тем самым стабилизировать цены на сырье. Абдалла Дардари особо подчеркивал, что это не было идеологическим решением. Рыночные реформы проводились и при Хафезе Асаде, когда еще больше доминировал госсектор. При этом Сирия исторически была и оставалась страной с открытой экономикой и развитым коммерческим классом. В итоге была поставлена цель диверсифицировать экономику через поощрение частного сектора и повышение конкурентоспособности экспорта, привлечение иностранных капиталов и создание благоприятного инвестиционного климата. По словам Абдаллы Дардари, за время реформ (2003–2010 гг.) рост ВВП в среднем составлял 5,5%, было принято 600 новых законов, улучшающих государственное управление, создано 100 тыс. новых производств, валютные резервы составили 60% ВВП, доля нефтяного экспорта выросла почти до 50% от общего, что помогло стабилизировать сирийский фунт и сократить внешний долг. Кстати, именно Абдалла Дардари на посту заместителя премьер-министра внес большой вклад в подписание в 2005 г. соглашения с Россией об урегулировании сирийской задолженности. В результате реформ увеличилось количество рабочих мест, выросло промышленное производство, и впервые число занятых в промышленности превысило число занятых в сельском хозяйстве. На этом фоне произошло расширение прослойки среднего класса³⁵.

Но есть и то, в чем прав Кадри Джамиль, говоря о сужении социальной базы режима. Среди сельских жителей — традиционной вотчины баасистов — действительно нарастало недовольство режимом. Впрочем, согласно ряду исследований, картина получается не такая мрачная. В книге под редакцией известного востоковеда Фаваза Джирджиса из Лондонской школы экономики и политиче-

³⁵ На вопрос об источнике приведенной им статистики Дардари сослался на открытые данные Сирийского центрального бюро статистики, отчеты МВФ и Всемирного банка.

ских наук³⁶ содержатся данные, показывающие, что миграция в города началась с 1995 г., то есть задолго до реформ 2000-х гг. С 2001 по 2010 г. доля экономически активной рабочей силы в сельском хозяйстве Сирии сократилась с 24% до 20%. Это не так много. Еще до начала реформ правительство сделало ошибку, сократив дотации сельхозпроизводителям. Тем самым был открыт рынок для дешевого европейского импорта. Сельскохозяйственное население начало терпеть убытки и мигрировать в города.

Так что получается, что эти два непримиримых оппонента не так уж противоречат друг другу — разница не в фактах, а в оценках. Если Абдалла Дардари говорит об успешности своих реформ, ссылаясь на макроэкономические показатели, то Кадри Джамиль подчеркивает их негативный социально-политический эффект.

В. А. Кузнецов: Эта статистика — тоже спорный вопрос. Ведь зависит от того, как считать. Я сталкивался со статистикой по Тунису и должен сказать, что дела с проверкой данных обстоят довольно сложно. Думаю, в Сирии ситуация примерно такая же. Но предположим, что это так.

А. Г. Аксененок: Во всяком случае Абдалла Дардари считает экономические преобразования 2005–2009 гг. первыми реформами в Сирии, открывавшими путь к трансформации самой модели развития.

Причины социального взрыва и последующего гражданского конфликта Абдалла Дардари видит в следующем. Во-первых, в Сирии происходил безудержный рост коррупции в высших эшелонах власти и их сращивание с бизнесом, появился олигархат, финансовые возможности которого намного расширились на почве вставания Сирии в мировую экономику и получения новых доходов внутри страны. Вторая причина — нестыковка экономических реформ с политическими. Хотя Абдалла Дардари, по его словам, предлагал президенту подумать над тем, как трансформировать партию «Баас» по образцу европейских социал-демократических партий. Но он был отстранен от участия в принятии политических решений.

В. А. Кузнецов: Он предлагал разделить партию, или преобразовать ее целиком?

А. Г. Аксененок: Как я понял, речь шла о постепенной и контролируемой трансформации.

В. А. Кузнецов: Но ведь у «Баас» была огромная инфраструктура.

³⁶ Gerges F. A. The New Middle East: Protest and Revolution in the Arab World. London: Cambridge University Press, 2014. 502 p.

А. Г. Аксененок: В этом ее бесспорный плюс.

В. А. Кузнецов: *Не очень понимаю, что имелось в виду. Трансформировать идеологию партии? Или ее функциональную роль в политической системе?*

А. Г. Аксененок: Я так понял и то, и другое. Ее функциональную роль — отказаться от монополии на власть, ввести политический плюрализм, с учетом того, что партия «Баас» имеет опыт политической борьбы и достаточно кадров для того, чтобы одержать победу на любых выборах, пусть даже не такую сокрушительную как до сих пор. Кроме того, у нее есть поддержка армии и спецслужб, которые находятся в руках президента. Но по причинам, о которых мы говорили раньше, эта опция не прошла.

В. А. Кузнецов: *Не прошла ни эта опция, ни многие другие. Если проследить наш с Вами разговор, получается, хотя и интересная, но безысходная картина. С одной стороны, на ней мы видим Алжир, где была предпринята попытка реформ, но их непродуманность, непоследовательность, неготовность к ним политического класса и, возможно, значительной части самого общества обернулись страшным вооруженным конфликтом, в который оказалась вовлечена значительная доля населения. С другой стороны, мы видим Сирию с ее сложной многосоставной политической системой, вязкой политической культурой, в которой любое решение, если оно не принимается жестко сверху, должно становиться итогом многосторонних компромиссов. Эта особенность системы когда-то стала, наверное, важным фактором установления личной власти Хафеза Асада и сохранилась при его сыне. В отличие от Алжира здесь реформ либо вовсе не было, либо они были весьма ограниченными, а их проведение каждый раз становилось недостаточным ответом на запрос населения. Поразительным образом результат оказался такой же, если не более страшный, чем в Алжире. Выходит, что ни проведение реформ, ни отказ от них не могут стать лекарством от насилия?*

А. Г. Аксененок: Возможно, проблема не в реформах или их отсутствии. Возможно, она глубже и связана с самим характером этих политических систем. Давайте поговорим об этом в следующий раз.

Диалог № 2: Власть, реформы, насилие (Алжир и Сирия). Часть 2

Арабские политические системы: штрихи к портрету

В. А. Кузнецов: Александр Георгиевич, мы продолжаем наш разговор о сирийском и алжирском опыте реформ, о конфликтах, насилии, специфике власти и политических системах этих государств. Если сравнивать политические системы — Сирии в 2000-е гг., Алжира в 1990-е гг., накануне и в процессе кризиса — большая проблема состоит в том, как их характеризовать. Авторитарные ли это режимы или, возможно, гибридные? В 1990-е гг. на фоне кризиса транзитологии³⁷ появилось огромное количество концепций «демократий с приставками» и «авторитаризма с приставками». Как бы Вы охарактеризовали эти политические режимы?

А. Г. Аксененко: Между ними, безусловно, есть общее, хотя и не во всем. Авторитарность не везде одинакова, как, впрочем, и демократия. Ваша научная дефиниция режима, установившегося в Алжире в результате массовых протестов 2018–2019 гг., как гибридного, хорошо подходит под реальное положение дел и механизм трансформации политической системы в этой стране. Да и во всем регионе после 2011 г. гибридности становится больше. Это, можно сказать, общий тренд.

В научной литературе, как в западной, так и в российской, фигурируют три характеристики арабских режимов, которые принято называть авторитарными. Первая — это «гибридные режимы». Вторая характеристика встречалась также в западной политологии и у Вас в коллективной монографии «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте»³⁸. Эти режимы назывались там системами партийного доминирования, или «доминантно-партийными» системами. Наконец, применительно к верхушечным реформам 2010-х гг.

³⁷ Транзитология — раздел политологии, в рамках которого исследуются проблемы, связанные с переходом государств от авторитарной формы правления к демократической.

³⁸ Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / Отв. ред. В. Г. Барановский, В. В. Наумкин; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2018. — 556 с.

используется такой общий термин как «новый авторитаризм», хотя в чем его новизна уловить трудно. То есть возникает вопрос, имеются ли между этими понятиями «с приставками» какие-то если не существенные, то типовые различия.

Мне представляется, что «доминантно-партийная» система несколько отличается от гибридности. Для Сирии больше применима именно эта характеристика. По сути своей это имитация демократизации, придание режиму фасада, приемлемого для внешнего мира. В 1984–1988 гг., когда я работал в Сирии, там действовал «Прогрессивный национальный фронт»³⁹ при том, что в конституции 1973 г. содержалось положение о партии «Баас» как «руководящей силе в обществе и государстве» (ст. 8)⁴⁰. Партнеры «Баас» по фронту — это восемь или десять партий, в том числе коммунистическая — выполняли в основном представительскую роль, в то время как решения, принимаемые в верхах, автоматически оформлялись через баасистские съезды регионального руководства, которые проводились все реже. На этой почве коммунисты, возглавляемые в то время ветераном сирийской политики Халедом Багдашом⁴¹, постоянно находились в состоянии раскола. Юсеф Фейсал⁴², а затем Рияд ат-Турк⁴³ возглавляли крыло, призывавшее к тому, чтобы не превращаться в филиал правящей партии. Все общественные организации и профсоюзы также действовали в ее орбите, по существу будучи продолжением партии, а сама партия была продолжением и легитимацией государственной власти. Формально, в идеологическом и организационном смыслах она была и остается наполнением полити-

³⁹ «Прогрессивный национальный фронт» — политический союз партий в Сирии, подерживающий политический курс правительства и ведущую роль партии «Баас». «Прогрессивный национальный фронт» был создан в 1972 г. и в него вошли подписавшие Хартию фронта партии и движения, которые рассматривались партией «Баас» в качестве союзников. Однако принятые программные документы Фронта полностью отражали политические и идеологические установки «Баас». Ряд положений Хартии и Устава «Прогрессивного национального фронта» закрепляли за ней фактически монопольное право на власть. Подробнее: Аксененок А. Г. Перспективы послевоенной Сирии: конституция и государственно-политическое устройство // РСМД. 27.07.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-poslevoennoy-sirii-konstitutsiya-i-gosudarstvenno-politicheskoe-ustroystvo/>

⁴⁰ Syria: Constitution (1973) // The Electoral Knowledge Network.

URL: <https://aceproject.org/ero-en/regions/mideast/SY/syria-constitution-1973/view>

⁴¹ Халед Багдаш — сирийский политик, генеральный секретарь Сирийской коммунистической партии (1937–1995 гг.)

⁴² Юсеф Фейсал — сирийский политик и государственный деятель. Член Сирийской коммунистической партии и член политбюро ЦК Сирийской коммунистической партии. Долгое время был заместителем Халеда Багдаша. После раскола партии в 1986 г. возглавил одну из двух образовавшихся групп.

⁴³ Рияд ат-Турк — сирийский политик, член политбюро ЦК Сирийской коммунистической партии и сторонник ее радикального крыла.

ческой системы, но далеко не центральным звеном в ее механизме. Об этом мне много рассказывал Юсеф Фейсал, с которым я поддерживал официальные контакты от посольства, а затем и дружеские связи. Вот такая была цепочка. Отличия между гибридностью и партийным доминированием вижу именно в такой двусмысленности. Понятие «нового авторитаризма», вошедшее в научный оборот после череды общественных потрясений, вооруженных конфликтов, смены режимов и реформ сверху, скорее обобщающее. Но оно, на мой взгляд, нуждается в дальнейшем изучении, чтобы провести должную классификацию. В качестве одного из признаков многие исследователи, в основном арабские, отмечают разрыв между законодательством и правоприменительной практикой. Это есть и в Алжире, и особенно в Сирии.

***В. А. Кузнецов:** Здесь возникает много вопросов, но, если я правильно понял, то в Алжире система управления 1980-х гг., до начала демократизации, была похожей — там аналогичную сирийской «Баас» роль играл Фронт национального освобождения?*

А. Г. Аксенонок: Да, верно. Правда, сирийская «Баас» была и остается больше склонна к такому типу управления.

***В. А. Кузнецов:** Но если мы сегодня оказываемся в Сирии, то, судя по моему опыту общения с сирийскими деятелями из Дамаска, складывается впечатление, что партия «Баас» в значительной степени утратила свою политическую роль и часто описывается, как едва ли не рудимент. Хотя у меня лично здесь возникает некий когнитивный диссонанс. Я не очень понимаю, как партия, которая помимо огромного политического опыта обладает колоссальной инфраструктурой, как материальной, так и нематериальной, а также развитой политической культурой, может стать просто рудиментом. Все же, в какой момент произошло снижение роли партии «Баас» в управлении государством?*

А. Г. Аксенонок: По моим наблюдениям, эта тенденция стала проявляться где-то с конца 1990-х гг., хотя принадлежность к «Баас», также, как в СССР принадлежность к КПСС, оставалась главным условием продвижения по карьерной лестнице в сфере госслужбы. К 1984 г. в партии состояло более полумиллиона человек, но она все меньше определяла политику страны. Партийные съезды проводились все реже. Причиной тому послужил целый ряд объективных процессов, порожденных внутренним социально-политическим развитием и особенностями положения Сирии в регионе, а также ее внешней политикой.

Из внутренних факторов можно отметить влияние первых, пусть и половинчатых, рыночных реформ, давших импульсы по двум направлениям. Первое — «государствление партии», и второе —

расширение влияния т. н. бюрократической буржуазии во власти по мере внешнеэкономической открытости и поступления после войны 1973 г. обильных финансовых дотаций от нефтяных монархий Персидского залива. Идейная платформа партии, роль ее общеарабского руководства, начала меркнуть примерно в этот же период на фоне серьезного раскола в баасистском движении, и особенно после той поддержки, которую Дамаск оказал Ирану в войне с Ираком. Существование двух враждующих центров партии — иракского и сирийского — подрывало идеологические и организационные устои баасизма. В Сирии они еще какое-то время поддерживались за счет капитализации на внешнеполитической активности и ее проекции на внутреннюю политику.

Сирия всегда считалась сердцем арабского мира, и вплоть до 2011 г. сирийское руководство извлекало крупные политические и финансовые выгоды из продолжающегося арабо-израильского конфликта, из военного присутствия в Ливане и противостояния там с Израилем, из участия в международной коалиции, созданной в целях освобождения Кувейта от иракской оккупации и др. Этим же целям служил образ Сирии как единственной страны, которая до конца поддерживает палестинцев. Хафез Асад во время встреч с советскими представителями неоднократно говорил, что Сирия будет последней арабской страной, которая заключит мир с Израилем. Он также говорил, что до тех пор, пока не решена палестинская проблема, мир в регионе невозможен.

Постепенно партийная идеология уступала место прагматизму и соображениям тактического характера, что перешло по наследству к Башару Асаду, хотя в его время проводить политику лавирования становилось все труднее. В конституции 2012 г. отсутствуют уже любые упоминания о баасизме, были удалены такие понятия, как «социалистическое государство», «плановая социалистическая экономика», «национальная культура», «образование» и вообще все, что связано со словом «социализм». Кроме того, исчезла баасистская триада «единство, свобода, социализм». Но при этом партия «Баас» с ее сохранившейся инфраструктурой, материальными возможностями и политической культурой, по моим оценкам, вполне могла бы получить большинство голосов, если бы, предположим, были проведены президентские и парламентские выборы в соответствии с критериями резолюции 2254 Совета Безопасности ООН.

Ослабление роли партии, о котором Вы говорили, компенсируется тем, что в принятии политических решений при Башаре Асаде увеличивается вес закулисных согласований за счет общепартийных или парламентских дискуссий. В условиях «военной экономики»

«внутренний круг»⁴⁴ сузился, в нем появились новые социальные страты — крупные олигархи-нувориши, пришедшие на смену «старым» бизнес-элитам из бюрократической буржуазии, генералитет из числа привилегированных армейских подразделений (например, 4-я бронетанковая дивизия⁴⁵) и служб безопасности, командиры местных милиций, шейхи племен, сохранивших лояльность правительству. Этот конгломерат образует опоры политической системы, в которой произошло вращение партии в государственные структуры.

В. А. Кузнецов: *Какую роль в этом конгломерате играют конфессиональные связи? Существовал широко распространенный миф об алавитском характере сирийского политического режима. Но я так понимаю, это представление не подтверждается, и система устроена сложнее?*

А. Г. Аксененко: Безусловно. С одной стороны, мы видим, что значительную часть бизнес-элиты Сирии составляют сунниты. С другой стороны, вероятно, алавиты также сохраняют значимую часть влияния — хотя бы потому, что они были интегрированы в элиту еще при Хафезе Асаде. Проблема в том, что проследить порядок принятия решений в алавитских верхах гораздо сложнее, чем в Алжире, в Египте или в арабских странах с гомогенным составом населения. В Сирии, где конфессиональное меньшинство почти шесть десятилетий довольно искусно удерживает политическую власть, влияние неформальных структур, сети внеинституциональных связей и других теневых механизмов гораздо выше.

В. А. Кузнецов: *Если я правильно понимаю, здесь есть свои особенности. Мы немного занимались изучением механизмов управления религиозной сферой, в том числе в Сирии, и в моем понимании, религиозная сфера может быть взята как один из кусочков большого пазла, как элемент матрицы⁴⁶. Со времен Хафеза Асада, а может быть и раньше, это управление строилось на сложной системе межличностных внутриэлитных договоренностей, и с этим связана роль теневых механизмов. Например, президент договаривается с лидерами племен, с руководством общин и религиозных организаций, с бизнес-элитой, и все это во многом носит характер персональных сделок, лояльностей. В этом плане система очень гибкая*

⁴⁴ Наиболее приближенные фигуры к правящей семье Асадов.

⁴⁵ 4-я бронетанковая дивизия — элитное тактическое соединение Сирийской арабской армии, фактически находящееся под командованием брата президента Сирии Махера Асада.

⁴⁶ Кузнецов В. А. Государство и ислам в Сирии: эволюция практик управления в период независимости // История. 2023. Том 14. Выпуск 10 (132).
URL: <https://history.jes.su/S207987840028707-6-1>

и очень вязкая, ее сложно анализировать. Да, Вы сейчас выделили группы, но мы их выделяем аналитически, извне. Однако это никак не связано ни с какими институциями.

А. Г. Аксененок: Все это еще в какой-то мере *terra incognita* для ученых не только в России, но и на Западе. В западной литературе по Сирии эта сторона затрагивается в большей степени, чем в российских работах. Пока мало изучены даже отличия между тем, как функционировала система власти при Хафезе Асаде, и как она трансформировалась дальше, тем более в условиях войны. Да, действительно, внутреннее влияние партии стало меньше, чем в эпоху Хафеза Асада. Многие политологи на Западе отмечают возросшую самостоятельность силовых структур на местах⁴⁷, происходящие изменения в системе отношений по линиям власть — племена⁴⁸, власть — религиозные институты⁴⁹. Отмечаются изменения, отчасти естественные, на почве смены поколений, а отчасти — в результате смены политических лояльностей уже по ходу войны. Особенно это касается глубинных провинций восточнее и западнее Евфрата, таких как Дейр эз-Зор, Ракка, Хомс, где традиционные племенные связи подверглись эрозии, но пока остаются в качестве важного политического фактора. Контролировать религиозную сферу сейчас, кажется, стало гораздо труднее. Устранение поста верховного муфтия в 2021 г. можно считать в этом смысле одним из показателей. Сам клан Асадов сумел сохранить внутреннюю сплоченность, несмотря на ставший достоянием гласности (при Хафезе все было только на уровне слухов) конфликт президента с его двоюродным братом Рами Махлюфом. Из политической плоскости он был быстро выведен в коммерческую, в сферу перераспределения финансовых потоков в рамках закона и в интересах «социальной справедливости».

В. А. Кузнецов: *Можно ли из этого заключить, что это во многом следствие войны в Сирии? Так как в результате конфликта происходят две вещи — с одной стороны, естественно, укрепляется влияние силовиков, а с другой, правящая коалиция ограничивается ядром, в рамках которого достигнута максимальная лояльность элит друг другу, так как риски предательства высоки. Поэтому и роль правящего клана усиливается. Хотя если*

⁴⁷ Waters G. The Lion and The Eagle: The Syrian Arab Army's Destruction and Rebirth // The Middle East Institute. 18.07.2019. URL: <https://www.mei.edu/publications/lion-and-eagle-syrian-arab-armys-destruction-and-rebirth>

⁴⁸ Dukhan H. State and Tribes in Syria: Informal Alliances and Conflict Patterns (1st ed.). Routledge. 2018. 182 p.

⁴⁹ Pierret T. Religion and State in Syria: the Sunni Ulama from Coup to Revolution. New York, Cambridge University Press. 2013. 276 p.

мы возьмем случай Алжира, то роль силовиков хоть и выросла, но никакого ядра правящей коалиции, которое основывалось бы на семейных связях, не было. И даже то, что произошло уже при Абдельазизе Бутефлике, когда во многом власть была связана лично с ним, а в последний период — с его братом Саидом Бутефликой, здесь не может служить аргументом. Второй брат президента не принадлежал к верхушке власти, и занимал должность на уровне замминистра. То есть, с одной стороны, это логично, а с другой — это не всеобщее правило.

А. Г. Аксененок: К тому же меняется само понятие источника власти. Абдельазиза Бутефлику выбрали еще и потому, что его имя символизировало преемственность после «черного десятилетия». Но после 2019 г. трудно сказать, что источник власти — движение за национальное освобождение, — остался прежним.

В. А. Кузнецов: Конечно.

А. Г. Аксененок: Если взять Сирию, то с 1963 г., когда военные, в большинстве своем члены или связанные с партией «Баас», пришли к управлению страной, источником власти все-таки была армия. Затем, после семилетнего периода межфракционной борьбы в самой партии, наступил период тридцатилетней стабильности при Хафезе Асаде, и источником власти уже стала партия, несмотря на возросшую роль других центров силы.

В. А. Кузнецов: Мы сейчас говорим про политические элиты и системы именно как про механизмы. Но эти механизмы наполняются каким-то живым содержанием, о котором мы отчасти говорили в прошлый раз. Если мы проведем анализ элит Сирии и Алжира, можно ли составить их сравнительный социально-психологический портрет? Видя то, как эти элиты реагировали на те вызовы и угрозы, с которыми они сталкивались, можно сделать вывод, что это зависело как от общих политических механизмов, и от того, как выстроена архитектура политических систем, так и от их социально-психологических черт. Кто были эти лидеры, как они принимали решения, и исходя из каких посылов?

А. Г. Аксененок: Этот круг вопросов мы затрагивали, но как бы вскользь, в привязке к другим обсуждениям. Поставленная Вами тема при всей ее сложности и личностной деликатности представляется исключительно актуальной не только для академических исследований, но и для практической дипломатии. Обобщающей картины того, как эволюционировало мировоззрение, политическое мышление и социальная психология этих лидеров и в целом правящих элит, если я не ошибаюсь, мы пока не имеем. Неизвестно и соотношение их собственного опыта, их проб и ошибок во внутри-

политической борьбе и меняющейся внешней среде, то есть трансформации мировых процессов в их проекции на регион.

Тем не менее попытаюсь поделиться некоторыми представлениями на этот счет применительно к Сирии и Алжиру. Хотя и имеются исторические различия в происхождении сложившихся в обеих странах политических систем, их руководителей изначально объединял менталитет победителей, одних — в долгой борьбе за независимость, других — в борьбе за власть. То есть сам способ прихода к власти выработал уверенность в возможности монопольного правления под квазидемократическим прикрытием, рассчитанным на внешнее потребление. Политическое мышление алжирских военных и политиков за последние три десятилетия претерпело, на мой взгляд, более заметные метаморфозы. Правящий класс после «черного десятилетия» и событий 2019 г. стал более открытым для диалога, хотя о тенденции к разделу власти и формированию механизмов консенсусных решений говорить пока рано. В Сирии процесс «работы над ошибками» происходит медленно, если вообще происходит. В то же время нельзя не отметить, что после того, как в ноябре 1970 г. Хафез Асад сумел потеснить леворадикальное крыло в своей партии во главе с Салахом Джадидом⁵⁰ и провел «Исправительное движение», под его руководством произошел переход к довольно прагматичной внутренней и внешней политике.

Став главой государства, Хафез Асад проявил способность мыслить стратегически, принимать поворотные решения в критические моменты истории и добиваться поставленных целей дипломатическим искусством. С национализацией и аграрными реформами в раннесоветском стиле и с революционными призывами к народной войне за освобождение Палестины было покончено. Вместо этого был взят курс на сближение с арабскими монархиями Персидского залива, частичную либерализацию экономики, примирение с суннитской буржуазией и религиозными кругами. Это позволило расширить социальную базу режима при доминировании алавитов на ключевых позициях и начать модернизацию государства с развитой инфраструктурой, современной армией и разветвленными силовыми структурами. И тем самым заложить основы «авторитарной стабильности» на сорок лет вперед. Хафез Асад не пошел вслед за Анваром Садатом по пути заключения мирного договора с Израилем, справедливо посчитав, что израильтяне не смогут удовлетворить требования

⁵⁰ Салах Джадид — сирийский военный и государственный деятель. В 1963–1966 гг. был начальником генерального штаба, в 1966–1970 гг. — заместителем генерального секретаря партии «Баас». После переворота 1966 г. Салах Джадид был фактическим руководителем Сирии.

палестинцев, и с точки зрения престижа в арабском мире гораздо выгодней оставить за Сирией роль стойкой защитницы палестинского дела. Однако это не помешало ему выступить против Ясира Арафата, который вел свою рискованную для Сирии игру в ходе гражданской войны в Ливане, и в 1990-х гг. принять американское посредничество в переговорах с Израилем. Свержение баасистского режима в Ираке в 2003 г. и вынужденный вывод сирийских войск из Ливана вскоре после убийства Рафика Харири в 2005 г. стали тяжелыми ударами не только по престижу Сирии, но и по баасизму в целом.

В. А. Кузнецов: *Обсудим другой вопрос — проблему инклюзивности. Все, о чем мы ранее говорили — это, по большому счету, об эксклюзивности политических систем. Мы с Вами когда-то обсуждали понятие «арабской исключительности», которое связано с тем, что демократическая волна обошла арабский мир стороной. С инклюзивностью там тоже есть проблемы, по крайней мере в Сирии и Алжире. При этом проблемы наблюдаются на разных уровнях — и на уровне конкретных политических систем, и на уровне региональной архитектуры, которая часто строится по принципу «дружбы против кого-то» — например, Израиля или Ирана. Как Вам кажется, эта неспособность к инклюзивности — универсальная черта арабских режимов? И можно ли ее преодолеть?*

А. Г. Аксененко: Ответ на этот вопрос очень важен не столько для исследователей, сколько для самих арабских политологов и политиков. Сейчас ведется много дискуссий как раз на тему «хассыя арабийя», т. е. «арабской исключительности». Есть она, как таковая, или нет? Или арабскому миру в исторической перспективе все же суждено пойти по пути западных демократий? А может быть, режимы пойдут по пути «мягкого авторитаризма» или «нового консерватизма»? Мне представляется, что в конечном счете многое будет зависеть от того, какое мироустройство возобладает в течение ближайших двух — трех десятилетий. Глобальная политика находится на перепутье. В то же время выстраивание политических структур арабского мира в эпоху биполярной конфронтации больше находилось под воздействием внешних условий, хотя ведущие лидеры региона избегали полного копирования политических моделей у Запада и у Востока, и брали скорее то, что не нарушало традиционных общественных устоев. Кроме, конечно, социалистов Южного Йемена. При нынешнем разломе в системе ценностных ориентаций в регионе образовался политико-идеологический вакуум. Нет образцового государственного устройства, которому можно было бы следовать. Если идеология коммунизма потерпела неудачу в мировом масштабе,

а эволюционная модель постсоветской России не дала пока привлекательной альтернативы, то в системе либеральной демократии на Западе, включая Соединенные Штаты, также вскрылись серьезные дефекты и институциональные сбои. Все это вызывает у арабских лидеров чувства разочарования и неопределенности. Вместе с тем новое поколение освобождается от идеологических привязанностей и строгих политических обязательств.

В. А. Кузнецов: *С арабским миром есть серьезные проблемы в том плане, что устремления общественности носят скорее демократический характер. Сегодня сложно представить какого-нибудь арабского общественного деятеля, активиста или философа, который выступал бы против демократии. С другой стороны, есть объективная жесткая политическая реальность, которая, даже когда к власти приходят люди, разделяющие идеалы демократии, вынуждает их отказываться от этих идеалов. Такая проблема тоже есть.*

А. Г. Аксененок: Полностью согласен. Отсюда перед теми, кто стоит у власти, возникает вопрос, как пройти между Сциллой и Харибдой — между естественной потребностью сохранить стабильность и провести институциональные реформы. В этой рискованной дихотомии даже правителям, пришедшим к власти с намерением провести реформы, приходится принимать сложные решения или не принимать их вообще, избегая риска и полагаясь на силовые рычаги. Это наводит на мысль — а возможны ли в арабском мире реформы сверху?

В. А. Кузнецов: *Снизу пока не получается. Да и в принципе «реформы снизу» — это своего рода оксюморон.*

А. Г. Аксененок: Тогда альтернатива — революции снизу? Мы, конечно, имеем дело с кризисом инклюзивности, о чем все больше говорят многие политики и эксперты-ближневосточники. Например, об этом говорил бывший министр иностранных дел Иордании Марван Муашшир. Этот кризис ведет в свою очередь к кризису легитимности, разрешить который трудно без политического насилия — того, с чего мы, собственно, и начали.

Механизмы власти: универсальные принципы и паттерны культуры

В. А. Кузнецов: *Мне кажется, что здесь также есть две проблемы. Что касается первой, у меня есть гипотеза, что племенная модель консолидации во многом стала частью политической культуры в арабском мире и экстраполируется на нынешнюю реальность. На этом и основана эксклюзивность — когда объединение*

происходит на основе противопоставления какому-то противнику, когда все борются против, допустим, Израиля или исламистов. Вторая проблема — методологическая. Вы правильно заметили, что сейчас обсуждается кризис инклюзивности, но тут возникает вопрос — а что мы называем инклюзивностью? Взять в качестве примера, допустим, Сирию 2012–2014 гг. Что предполагает инклюзивность в этой ситуации с точки зрения сторонников этой теории? Включение радикалов в систему управления государством? Как туда вообще можно включить силу, которая изначально не признает легитимности оппонента и даже его право на жизнь? Получается довольно странная ситуация. Повторю то, что мы уже говорили в прошлый раз. Если сравнивать алжирский случай с сирийским — это очень разные истории стран, разный опыт государственного строительства и устройства режимов, при том, что какие-то вещи совпадают. Но они совпадают и с целым рядом других арабских стран. Внешние обстоятельства менялись по-разному: в одном случае реформы прошли, в другом — нет. В результате мы пришли к массовому кровопролитию и насилию в обеих странах. Означает ли это, что в любом случае систему ожидает худший вариант, что бы ни делалось?

А. Г. Аксенонок: Я бы сказал, что это одно из проявлений той самой арабской исключительности. В то же время есть нечто печально общее, с чем сталкиваются любые реформаторы в любой части света. В России ведь тоже указы об отмене крепостного права пылились на полках в течение двух-трех десятилетий. В 1812 г. партизанская война состояла из крепостных крестьян, которые бились с Наполеоном, но не получили за это ничего. А если говорить об арабском мире, то «хассыя», исключительность в социально-политическом развитии, заложена в исламе, которому при всей его универсальности не удалось создать сколько-нибудь целостную концепцию государственности — по крайней мере такую, которая бы работала на практике, а не оставалась теорией. В то же время демократизация в том или ином виде нуждается в придании ей, если так можно выразиться, религиозной легитимации. Вокруг этого разворачивается много дискуссий после провала экспериментов с приходом исламистов к власти через всеобщие выборы с одной стороны (Алжир, Палестина, Тунис, Египет), и через террор — с другой (образование так называемого Исламского государства*).

Вы сказали правильно — разве можно было говорить об инклюзивности в 2012–2014 гг., когда боевики-исламисты были на поро-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

ге Дамаска? В рамках ООН позднее был проведен опрос — каковы критерии, по которым можно относить ту или иную исламистскую структуру к террористическим организациям? Джихадистов, разумеется, не брали в расчет. Эти критерии показали полный разброд мнений как среди западных, так и среди арабских экспертов. Единых критериев так и не было найдено, что стало одной из причин, помешавших взаимопониманию между Россией и США по этому вопросу.

В арабском мире — на родине ислама — влияние религии в обществе мне кажется значительным. Хотя и здесь проходят заметные трансформационные процессы, звучат призывы к обновлению ислама, к проведению разграничения между устройством государственной власти в изменившихся исторических условиях и твердыми нормами ислама (*акхьям*), обязательными для каждого мусульманина в его личной жизни. Нерешенность этого круга ключевых вопросов в мышлении и практике арабских политиков и тех, кто относит себя к умеренным исламистам, образует эту исключительность.

В. А. Кузнецов: *И в этом источник насилия?*

А. Г. Аксененок: В том числе.

В. А. Кузнецов: *Тогда такой вопрос. Оливье Руа в своей известной книге «Джихад и смерть», рассуждая об исламистах, писал, что то, что мы видим — не радикализация ислама, а исламизация радикализма⁵¹. Существует две основные тенденции в научной оценке политического ислама в арабском мире. Одна из них гласит, что есть политические системы, которые обладают «хассыя», изначально эксклюзивистские, и в этих условиях протест, который связан с особенностью социальной структуры (молодое население, много проблем, в т. ч. гендерные), выбирает идеологию. Ранее, например, в 1950-е гг., он выбирал национальную идеологию, а сейчас, начиная с 1990-х гг. — исламистскую. Другая точка зрения заключается в том, что политический ислам сам по себе представляет проект альтернативной общественно-политической жизни, и он изначально не может быть интегрирован никуда. Хотя фактически мы видим, что исламистские партии во всех странах, где есть парламенты (кроме, собственно, Сирии), так или иначе участвуют в работе законодательных органов власти.*

А. Г. Аксененок: Даже в Кувейте и в Иордании такое было и, кажется, до сих пор существует.

В. А. Кузнецов: *Мне кажется, роль религиозного фактора в этих двух конфликтах — алжирском и сирийском — была разной.*

⁵¹ Roy O. Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State. Translated by Cynthia Schoch. London: Hurst & Co. 2017. P. 41.

Как Вы думаете, насколько структуры этих конфликтов сравнимы друг с другом, насколько они похожи?

А. Г. Аксененок: Я вижу различия в том, что в Алжире конфликт изначально был между светским режимом и оппозицией со стороны той же светской части общества (например, Фронт социалистических сил). И тут вдруг на волне форсированной внутренней демократизации и ухудшения экономического положения поднялась исламистская волна — «джинн был выпущен из бутылки». Подъему воинствующего ислама в регионе также во многом способствовали военное вмешательство Советского Союза в Афганистане в 1979 г. и позднее американская оккупация этой страны в 2001 г.

Другое различие видно в том, что внутренний гражданский конфликт в Алжире не вышел на международный уровень и был локализован, не став предметом обсуждения в ООН. Закулисно действовали многочисленные посредники, даже Ватикан, и все безуспешно. В конечном счете военным удалось добиться решающего перелома в основном собственными силами. В Сирии все сложилось иначе. Большую роль в интернационализации конфликта изначально сыграла ЛАГ.

В. А. Кузнецов: *Поскольку речь зашла про ЛАГ, важно отметить, что по Ливии обращение в Совет Безопасности ООН, по итогу которого была принята резолюция 1973, тоже исходило от этого объединения. Здесь есть интересный момент для будущих исследователей — в 2011 г., когда доминирующие роли в ЛАГ вдруг начали играть страны Залива, прежде всего Катар, когда пытались инструментализировать этот институт, это ни к чему не привело. ЛАГ осталась пассивной организацией.*

Историческая справка.

Роль ЛАГ и Катара в ливийских событиях 2011 г.

Принятию резолюции Совета Безопасности ООН 1973, которая санкционировала введение бесполетной зоны над Ливией, предшествовали действия ЛАГ. На экстренном заседании в Каире 23 февраля 2011 г., через 8 дней после начала протестов в Ливии, ЛАГ приостановила участие представителей Джамахирии в своих заседаниях. Примечательно, что на тот момент Ливия председательствовала в ЛАГ⁵². В марте 2011 г. Совет ЛАГ обратился в Совет Безопасности ООН с просьбой закрыть воздушное пространство над Ливией в целях защиты гражданского

⁵² ЛАГ приостановила участие Ливии в заседаниях организации // МИА «Россия сегодня». 22.02.2011. URL: <https://ria.ru/20110222/337568271.html>

населения⁵³. Данное решение было принято вопреки всеобщему консенсусу членов ЛАГ. В частности, против данного решения высказались Алжир и Сирия, которые считали, что закрытие неба над Ливией может быть использовано внерегиональными державами в качестве повода вмешаться в ливийский конфликт. Однако Катар сумел добиться необходимого результата, уговорив остальных членов ЛАГ поддержать требование объединения. В этом контексте показательна перепалка на заседании Совета ЛАГ главы МИД Катара Хамада бин Джасима с министром иностранных дел Алжира Мурадом Медельси.

По итогу, в резолюции Совета Безопасности ООН 1973 была дана прямая ссылка на решение Совета ЛАГ: «принимая к сведению также решение Совета ЛАГ от 12 марта 2011 г. призвать к введению бесполетной зоны для ливийской военной авиации и создать зоны безопасности в местах, подвергающихся обстрелу, в качестве меры предосторожности, которая позволяет обеспечить защиту ливийского населения и иностранных граждан, проживающих в Ливийской Арабской Джамахирии»⁵⁴.

Важно отметить, что Катар стал первой арабской страной, которая стала участвовать в обеспечении бесполетной зоны⁵⁵. Другой страной стали ОАЭ, но они только предоставили военные самолеты, в отличие от Дохи, чьи военные участвовали в боевых вылетах. Таким образом, Катар начал претендовать на новую роль в региональной политике.

Другим показательным шагом Катара стала попытка выдвижения своего дипломата, экс-генсека ССАГПЗ (2001–2011 гг.) Абдуррахмана аль-Аттыя на пост генерального секретаря ЛАГ в 2011 г.⁵⁶ Традиционно эту должность занимают египетские дипломаты (единственным исключением стал случай, когда штаб-квартира ЛАГ была перенесена в Тунис в 1979 г., и тунисский дипломат Шедли Клиби возглавил организацию). Однако Доха не смогла достичь поставленной задачи и пост занял Набиль аль-Араби.

А. Г. Аксененок: Исключив Сирию, ЛАГ потеряла возможность конструктивно воздействовать на ситуацию. И тогда, конечно, «на высоте» оказался маленький Катар.

⁵³ ЛАГ попросит СБ ООН закрыть воздушное пространство над Ливией // МИА «Россия сегодня». 12.03.2011. URL: <https://ria.ru/20110312/348995167.html>

⁵⁴ Резолюция 1973 (2011) // ООН.

URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/s/res/1973-%282011%29>

⁵⁵ Qatar first Arab state to patrol Libya no-fly zone // Reuters. 25.03.2011.

URL: <https://www.reuters.com/article/us-libya-qatar-idUSTRE72O50D20110325/>

⁵⁶ Top Qatari diplomat to be nominated as Arab League chief // Arabian Business. 05.04.2011. URL: <https://www.arabianbusiness.com/politics-economics/top-qatari-diplomat-be-nominated-as-arab-league-chief-392172>

Алжир, Сирия и другие: насилие, конфликт, урегулирование

В. А. Кузнецов: Возвращаясь к вопросу о структуре конфликтов, хотелось бы обратить внимание на различия как между оппозицией, так и между политическими режимами в Сирии и Алжире. Если говорить о режимах, то в Алжире происходила консолидация элит вокруг военных, которые потом делегировали полномочия и установили свою гражданскую власть. В Сирии, в свою очередь, происходила консолидация вокруг гражданского правительства, которое потом усилило свою военную составляющую. Мне кажется, принципиально важное отличие состоит в том, как эти режимы потом менялись. Второй важный момент — это различие в формах организации и деятельности оппозиции. В Сирии сначала сформировалась, если так можно выразиться, более гражданская оппозиция, которая затем начала радикализироваться, но осталась очень раздробленной. И тоже интересно понять — почему? Иногда мне кажется, что ненависть разных групп сирийской оппозиции друг к другу подчас была более сильной, чем ненависть к правительству. А в Алжире оппозиционное движение было довольно консолидированным, но затем стало размываться. Прав ли я?

А. Г. Аксенонок: Да, тенденция была именно такой. Единственное, хотел бы сделать уточнение насчет военного компонента. Дезертирство из армии наблюдалось в первые несколько месяцев войны, а затем оно прекратилось. Вы правы, консолидация была, но нельзя не сказать о прямой поддержке Россией законного правительства Башара Асада в решающий момент. Никто не знает, что было бы, не будь этого вмешательства. Вспоминается, что Рами аш-Шаер⁵⁷ в одной из своих статей писал, что Дамаск ранее 12 раз обращался к Москве с просьбой о таком вмешательстве в соответствии с договором о дружбе и сотрудничестве, хотя в этом договоре нет никакого упоминания о прямой военной помощи⁵⁸. Что касается оппозиции, то там сложилась, можно сказать, экстраординарная ситуация. Ее разношерстность связана и со спецификой сирийского гражданского общества, и с западным и региональным вмешательством, и с

⁵⁷ Рами аль-Шаер — палестинский дипломат и военный атташе. В 1983–1986 гг. он был послом Палестины в СССР. В настоящее время — писатель, политолог и российский общественный деятель. Автор четырех книг о конфликте в Сирии и ситуации на Ближнем Востоке.

⁵⁸ «Это включало признания и скандалы». Советник МИД России раскрывает содержание 40 писем, которыми обменялись Башар и Москва (на араб. *تضمنت اعترافات وفضائح.. مستشار في الخارجية الروسية يكشف مضمون 40 رسالة متبادلة بين بشار وموسكو*)// Orient. 15.03.2021. URL: https://orient-news.net/ar/news_show/188658

внутренними разрывами — между теми, кто остался в Дамаске, и теми, кто вел безбедную жизнь за рубежом, а также между гражданским крылом и боевиками непосредственно «на земле». Радикализация оппозиции, избрание в состав ее руководящих органов террористических элементов, попадание оружия «не в те руки» — все это стало полной неожиданностью для самих американцев.

В. А. Кузнецов: *Это Вы говорите про «Братьев-мусульман»* в Переходном национальном совете?*

А. Г. Аксененок: Да, и не только про них. В то время между различными отрядами вооруженной оппозиции шла постоянная борьба за получение доходов от контрабанды, а также за распределение поставок вооружения и финансовых потоков. Оппозиция раздиралась на части внешними акторами. Саудовская Аравия поддерживала одни группы, Турция — другие, Катар — третьи.

В. А. Кузнецов: *Да, это широко известный факт. Хорошо, что мы вышли на эту тему, так как она и меня очень интересует. Вы уже говорили, что роль внешних игроков в этих конфликтах совершенно разная. Если алжирский конфликт 1990-х гг. еще не был так сильно интернационализирован, хотя в примирении враждующих сторон участвовали внешние игроки, то в сирийском конфликте роль внешнего фактора изначально была весьма велика. Как я понимаю, это было связано и с географией, и с эпохой как таковой. Все же 1990-е гг. — не 2010-е гг. Меня давно интересует вопрос экзистенциального характера. К урегулированию конфликтов, особенно сирийского, прикладывались бесконечные усилия. Вы упомянули усилия Ватикана и других внешних акторов по урегулированию ситуации в Алжире. Но, наверно, Вы согласитесь, что это не сравнимо с тем, сколько различных форматов и треков существовало в связи с Сирией. Мне кажется, что целое поколение ближневосточников за эти 10 лет выросло на различных инициативах по урегулированию ситуации в Сирии. Вопрос — насколько это все эффективно? Как Вы считаете, если бы не были написаны миллионы томов policy papers, рекомендаций и идей, которые, конечно, представляют собой колоссальный историографический материал, были бы мы дальше от завершения конфликта?*

А. Г. Аксененок: Частично вопрос о неэффективности международных усилий я затрагивал в «Валдайских записках» (№ 104, июнь 2019 г.)⁵⁹. Этот вопрос очень многомерный. Связан он не только с внутренними особенностями обоих конфликтов и с большими раз-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

⁵⁹ Аксененок А. Г. Сирийский кризис: тернистое движение от войны к миру // Валдайские записки № 104. Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2019.

URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/28076/>

личиями в сложившейся вокруг них внешней обстановке. Действует и такой фактор, как стремление конфессионального меньшинства, находящегося у власти, любой ценой сохранить за собой ведущие позиции. Альтернативой этому считается истребление алавитского населения, как это было, например, с езидами. Были серьезные основания ожидать, что в случае, если вооруженная оппозиция, в которой уже в 2013–2014 гг. начали доминировать радикальные исламисты, взяла бы Дамаск, без резни бы не обошлось. Этим можно объяснить тот факт, что сирийские власти не проводят различий между оппозиционными группировками, относя их к террористическим по принципу «кто не с нами, тот против нас». Исключение составляют, пожалуй, племена, за влияние на которые идет острая борьба.

В. А. Кузнецов: Но восток страны менее населен, он скорее пустынный.

А. Г. Аксенонок: Такие провинции, как Хасака, Ракка, Дейр эз-Зор, и весь регион восточнее реки Евфрат еще задолго до 2011 г. получали гораздо меньше инвестиций по сравнению с «алавитским коридором» вдоль Средиземного моря, хотя именно он был источником нефтегазовых доходов и продуктов сельскохозяйственного производства. Этот фактор — боязнь конфессионального меньшинства потерять рычаги власти — серьезно осложняет усилия по мирному урегулированию. Что касается внешнего аспекта, то здесь вопрос, вероятно, стоит поставить более широко.

В международной практике конфликтного урегулирования институциональные реформы обычно начинаются после завершения военной фазы победой одной из сторон. В сирийском случае широкомасштабные военные действия завершились, но конфликт далек от разрешения. Национального примирения можно достичь только путем межсирийского согласия о проведении политических реформ, рамки которых определены резолюциями Совета Безопасности ООН. Однако правительство Сирии исходит из того, что победа в гражданской войне уже одержана, и оппозиция должна признать свое поражение. В этих условиях международные посредники, какими бы гениальными и искусными дипломатами они ни были, обречены на неудачу, поскольку все они работают на международно-правовой базе, положения которой победившая сторона не разделяет.

И здесь я невольно перекидываю мостик к своему опыту в Боснии и Герцеговине. Международный посредник в Дейтоне, представитель Евросоюза, действовал в рамках полномочий от Дейтонских соглашений, причем довольно жестких. Он имел в руках инструмент принуждения в виде многонациональных сил НАТО, в которых некогда участвовала и Россия. В Восточной Славонии успешная миро-

творческая операция по ее реинтеграции в состав Хорватии проходила уже под полным контролем ООН. Согласно резолюции Совета Безопасности ООН, политический и военный компоненты этой операции возглавлял американский генерал, который в сотрудничестве с Россией успешно выполнил свою миссию. Такого механизма миротворчества и миростроительства нет в конфликтах ни в Сирии, ни в Ливии. При этом базовая резолюция 2254 Совета Безопасности ООН не работает, что девальвирует политический капитал международного посредничества. По всей видимости, необходим какой-то механизм разрешения кризисных ситуаций, который включал бы в себя внятную систему взаимных обязательств. Разумеется, этот механизм должен быть выработан на коллективной основе, как и Устав ООН, и стать частью международного права.

В. А. Кузнецов: *Возвращаясь к сирийскому и алжирскому конфликтам, хотелось бы заметить, что отсутствие механизмов воздействия на игроков кажется очень важным. Тем не менее, конфликтов на Ближнем Востоке за последние несколько десятилетий было много. У меня есть ощущение, что по большому счету урегулированы были только те конфликты, в которых одна из сторон одержала военную победу в той или иной степени. Да, к примеру, в ирано-иракском конфликте не было очевидной победы, но в подавляющем большинстве случаев она была. Там же, где не было военного решения конфликта — ни в палестинском, ни в западносахарском, ни в новых конфликтах в Сирии, Ливии, Йемене — полного урегулирования нет. Можно говорить о деэскалации, но не об урегулировании. Если сравнивать с Алжиром 1990-х гг., на каком этапе сейчас ситуация в Сирии? На том же, который был в Алжире в 2000 г.?*

А. Г. Аксененок: Мне кажется, мы находимся сейчас на том же этапе, что в 2012 г., когда в Сирии была принята новая конституция.

В. А. Кузнецов: *После чего произошла эскалация.*

А. Г. Аксененок: Нет, эти поправки были приняты уже после начала эскалации, то есть слишком поздно.

В. А. Кузнецов: *То есть существуют риски возобновления насилия?*

А. Г. Аксененок: В перспективе — безусловно, как один из возможных сценариев. В сборнике интервью «10 лет в глобальном мире», выпущенным РСМД⁶⁰, я предложил три сценария развития событий в Сирии, и один из них включал возобновление военных действий и расширение насилия.

⁶⁰ 10 лет в глобальном мире: сборник интервью / гл. ред. И. С. Иванов; [сост. А. В. Кортунов, И. Н. Тимофеев, Е. О. Карпинская]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2021. С. 144–148.

В. А. Кузнецов: Вернемся к вопросу об урегулировании. Мы говорили о том, что те конфликты на Ближнем Востоке, которые были урегулированы, завершились военным путем, победой.

А. Г. Аксененок: Причина политического тупика кроется в самой психологии враждующих сторон, связанной с природой современных конфликтов в условиях нового глобального противоборства. Возможно, Вы, как ученый, хорошо знающий историю исламского мира, меня поправите. Даже в эпоху арабских халифатов, несмотря на многочисленные войны, существовал принцип «ни победителей, ни побежденных». Но сейчас трудно говорить о культуре компромисса. Вы затрагивали этот вопрос в уже упомянутой нами статье о насилии. По всей видимости, восторжествовал другой принцип — «победитель получает все». Эту логику мышления мы видим и на примере сирийского конфликта. Сирийские руководители не стесняются говорить примерно следующее: «О каком урегулировании может идти речь? Мы одержали победу». Насколько эта победа долгосрочна — еще предстоит посмотреть, но факт остается фактом — мышление изменилось. Утрата культуры политического компромисса — это вопрос, который требует серьезного обсуждения.

В. А. Кузнецов: Да, об этом надо подумать. У нас в Центре арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН был совместный проект с учеными-историками, цель которого заключалась в выявлении общей логики социальных, экономических и политических конфликтов в истории Ближнего Востока и Западной Европы (Средневековье и Новое время). В Европе, как правило, подобные ситуации максимально обостряются и доводятся до апогея конфликтности, а затем проблематизируются. В какой-то момент ситуация начинает восприниматься как дискомфортная, после чего противостоящие друг другу стороны ищут компромисс, и конфликт урегулируется. Это можно увидеть на примере прав женщин в Европе. Сама эта проблема вошла в повестку дня в конце XIX в. — «Кукольный дом» Генрика Ибсена — это 1879 г. А во Франции женщины получили избирательное право после Второй мировой войны, в Швейцарии — и того позже. Однако затем начинается быстрое переосмысление этой проблемы, и сегодня мы уже видим позитивную дискриминацию женщин. Общество переходит к равноправию, а гендерная проблематика сегодня воспринимается совсем иначе, нежели несколько десятилетий назад.

Другой пример — межнациональные и межконфессиональные отношения. Единственное меньшинство, которое сохранялось долгое время — это евреи, судьба которых печальна. Это и гетто XIX в., и трагедия XX в., после чего тема антисемитизма стала

на долгое время табуированной. А если посмотреть на Ближний Восток, то, как мне кажется, там принцип решения конфликтов был совсем другим. Это то, о чем Вы говорили — «ни победителей, ни побежденных». Решением конфликтов становится, как правило, компромисс, который со временем кажется весьма спорным. Например, положение конфессиональных меньшинств — иудеев и христиан, то есть зимми, затем — система миллетов в Османской империи. Хороший ли это принцип? На тот момент времени, когда он существовал — да, прекрасный. Однако то, что не было ни победителей, ни побежденных, приводило к тому, что ситуация зависала в таком компромиссе. В результате сегодня нам кажется, что те ограничения, которые накладывались на зимми (например, необходимость носить отличительные знаки), были по нынешним меркам дискриминационными. Хотя для Средних веков это способствовало сосуществованию общин. Но конфликт не был разрешен на раннем этапе, и в результате его нельзя было разрешить и в дальнейшем. Это означало «зависание» конфликта до определенной поры. То же можно сказать и про гендерные отношения. Можно сказать, что на протяжении долгого времени женщины в исламском мире обладали гораздо большими правами и возможностями, чем женщины в Европе в Средние века и в Новое время.

А. Г. Аксененок: Например, в Сирии жен называют «министерством внутренних дел», и не без оснований, если знать отношения в большинстве семей.

В теории конфликтологии между эскалацией и деэскалацией существует такое понятие, как пик вооруженного противостояния. На этом пике, когда ни одна из сторон долгое время не может взять верх, а цена продолжения конфликта становится неприемлемой, посредник имеет наибольшие шансы на успех. В сирийском кейсе пик был пройден в 2015–2017 гг., хотя в то время возникла проблема, с кем вести переговоры. Не с террористами ведь. Затем последовал период деэскалации 2018–2020 гг. через военные действия и параллельные переговоры. Перевес одной из сторон в конфликте дало только вмешательство внешней силы. Сейчас произошло, по Вашему выражению, «зависание» конфликта. Победитель есть, но он не может получить то, что он хочет, а другая сторона отказывается считать себя побежденной. При таком положении межсирийские переговоры, каким бы ни было посредничество, оказываются еще и заложниками мировых катаклизмов.

Эта фаза не означает, что конфликт исчез неким чудесным образом. Однако он приобрел новое содержание и претерпевает внутреннюю трансформацию. Меняются политический контекст,

психологические ожидания, материальные возможности, люди. Такое состояние в Сирии может продлиться достаточно долго, если не пролетит какой-то «черный лебедь».

В. А. Кузнецов: *Да, это и есть то самое «зависание» ситуации, о котором я говорил. Эта тенденция проявляется очень во многом, в частности, в политике, как в случае описанной Вами сирийской ситуации, или в упомянутых мной палестинском и западносахарском случаях. Это проявляется и в экономике, когда реформы проводятся, но не в полной мере. Тенденция проявляется и в общественной, и в частной жизни. Когда внутри дома женщина всевластна, а вне дома у нее нет никаких возможностей, в общественной жизни она очень ограничена. И это тоже пример «зависания» системы. Во всех этих ситуациях общество может существовать очень долго. Вместе с тем принцип «победитель получает все» работает в странах, переживших опыт национализма. К примеру, партия «Баас» в Сирии и в Ираке придерживалась идеологии арабского национализма, в Египте был насеризм. Алжир тоже был к этому близок, пусть и со своей спецификой. По Вашему мнению, специфика сирийской политической культуры тоже определяется опытом баасистского национализма, или чем-то иным?*

А. Г. Аксененок: Полагаю, не в меньшей степени речь идет о конфессиональном компоненте.

В. А. Кузнецов: *Имеется в виду, что Сирией правит конфессиональное меньшинство?*

А. Г. Аксененок: Да, именно этот фактор имеет, на мой взгляд, решающее значение. В Ираке ведь та же самая история, хотя конституция 2004 г. была адаптацией западных образцов, положенных на местную конфессиональную почву, где шииты составляют большинство. Политическая система оставалась нефункциональной. Вспомните период, когда премьер-министром Ирака был Нури аль-Малики⁶¹, который пришел к власти путем выборов, но при этом управлял Ираком авторитарными методами. Даже американцы в беседах с нами в рамках дипломатии «второго трека» высказывали большую обеспокоенность тем, что дальнейшая поддержка его режима будет стоить им потери влияния в этой стране. Это то, о чем Вы и говорите — наличие конфессионального фактора, а также исторически сложившаяся структура общества, где меньшинство рискует не удержаться у власти демократическим путем. Кроме того, и в Сирии, и в Ираке сказались традиции «Баас» как партии, образованной в подполье и приходившей к власти путем военных переворотов.

⁶¹ Нури аль-Малики — иракский государственный деятель, премьер-министр (2006–2014 гг.) и вице-президент (2014–2015 гг.; 2016–2018 гг.) Ирака.

В. А. Кузнецов: Да, наверно, эта баасистская традиция заслуживает особого внимания, над ней предстоит еще много думать, так как это удивительное явление. «Баас» — это партия, идеологическое направление которой оказалось настолько влиятельным в арабском мире, что в какой-то отдельный период оно определило не только политический процесс, но и во многом политическую культуру стран на долгие годы вперед, даже после того, как сами движения пришли в упадок. Как это получилось? Это интересный вопрос. Есть точка зрения, что после того как конфликт подходит к завершению, после его урегулирования происходит усложнение политической системы — если он действительно урегулирован. Она никогда не возвращается к тому же состоянию, в каком была накануне конфликта. Если она совсем упрощается, то далее может произойти обвал политической системы. Если же он не происходит, то система становится более сложной, несколько более инклюзивной. Увеличивается тонкость ее настройки. Это очевидно на примере Алжира.

А. Г. Аксененок: Это интересный пример.

В. А. Кузнецов: Но в Сирии пока нет ощущения такой ситуации. В связи с этим вопрос. Насколько реально усложнение политической системы без институционального оформления? Насколько оно вообще возможно?

А. Г. Аксененок: Ответ на Ваш вполне уместный вопрос требует дополнительного анализа и глубокого размышления. Первое, что приходит в голову — да, усложнение системы действительно происходит, но где-то идет и ее упрощение. Чего больше — трудно сказать. Если взять Алжир, то тут, безусловно, можно говорить об усложнении при сохранении за Фронтом национального освобождения возможностей влиять на развитие ситуации, оставаться во главе властной структуры путем фрагментации своих оппонентов, получения большинства в парламенте в союзе с более мелкими политическими объединениями. Вы очень хорошо описали все это в своей статье «Алжир: политическое участие в условиях трансформации режима после 2019 года»⁶². Что касается Сирии, то я сомневаюсь, что при Башаре Асаде произошло усложнение политической системы, если сравнивать с эпохой его отца Хафеза Асада. Центров влияния стало больше — и в самих властных структурах в Дамаске, и на периферии. Все это регулируется сетевыми связями, но правильно ли считать это усложнением? Может, на закулисном уров-

⁶² Кузнецов В. А. Алжир: политическое участие в условиях трансформации режима после 2019 года // Новая и новейшая история. 2023. Т. 67. № 1. С. 209–219.

не — да. Но в правовой структуре усложнения не произошло. Вы в своей статье сделали очень правильный вывод — «фокусировка на правовой структуре власти кажется бесполезной при определении того, что считать трансформацией политических систем на Ближнем Востоке»⁶³. Это тот самый случай. Все-таки именно правовая структура и характер политического режима является показателем того, насколько политическая система усложнилась или упростилась, и на каком уровне — поверхностном ли, или глубинном.

В. А. Кузнецов: У меня есть предположение по поводу одного из путей решения вопроса о том, как оценивать политическую трансформацию. Предположим, мы исходим из того, что правовое оформление в Сирии и до конфликта было менее существенным и не соответствовало реальному способу функционирования системы, и осталось таким и после конфликта. И если мы считаем, что ключевым элементом в принятии решений и в выборе путей политического развития была система личных договоренностей внутри элит и личные связи, то, наверно, здесь могла бы помочь разобраться политическая социология. Условно говоря, если бы мы могли посчитать размеры социальных сетей, в которых действуют политические элиты, посчитать, со сколькими людьми регулярно общаются и взаимодействуют те или иные политические лидеры, не только лично президент... Если бы мы могли провести такое исследование, то могли бы выяснить, насколько усложнилась система. Если связей стало больше, то да, она усложнилась. Если их стало меньше, значит, упростилась. Но вряд ли возможно это реально сделать.

А. Г. Аксенонок: Для этого надо находиться внутри этих социумов и долго жить в них.

В. А. Кузнецов: Да, как и во всех системах такого рода, извне сложно сказать, что происходит внутри.

А. Г. Аксенонок: Я встречал интересную фразу. Сейчас, когда США находятся в состоянии глубокого политического кризиса, что называется, *divided society* (англ. «разделенное общество»), многие американские эксперты говорят: «Я встретил врага, и это я сам». Это очень интересная мысль. Она обращает внимание общества на то, что не надо искать виноватых вовне. Достаточно посмотреть на самих себя. У китайцев есть такая же поговорка: «Понять, что плохо — уже хорошо». К арабскому миру это имеет прямое отношение, хотя до такого понимания дело пока не дошло.

⁶³ Кузнецов В. А. Алжир: политическое участие в условиях трансформации режима после 2019 года // Новая и новейшая история. 2023. Т. 67. № 1. С. 209–219.

В. А. Кузнецов: Как-то раз мы с одним моим знакомым обсуждали глобальную экономическую ситуацию, и он сказал: «Люди твоей профессии всегда пытаются найти в огромных минусах маленькие плюсы, а потом выдать их за большие».

А. Г. Аксененок: Правильно. Такова нормальная человеческая природа, не говоря уже о мышлении политиков.

В. А. Кузнецов: Мы уже упомянули с Вами, что алжирский конфликт оказал колоссальное влияние, до сих пор не до конца осмысленное, на то, что происходило с арабским миром в 2000-е гг. Конфликт фактически обеспечил карт-бланш целому ряду арабских авторитарных режимов — Зин аль-Абидина Бен Али, Хосни Мубарака и другим, по крайней мере на 10 лет, так как после 1990-х гг. в Алжире они могли всегда сказать и западным партнерам, и своей же общественности: «Вы же не хотите, как в Алжире? Поэтому давайте жить, как жили». В то же время, сами алжирские военные признали, что выбранная ими линия поведения в первый период конфликта, когда избирательный процесс был в грубой форме прерван, оказалась неверной. Арабские лидеры 2000-х гг. как бы не обращали внимания на эту часть алжирского опыта, однако в конечном счете, в 2010-е гг., как в АНДР десятилетием раньше, в большинстве арабских стран произошло как разделение исламской оппозиции на умеренную и радикальную, так и частичная интеграция умеренных в политические системы. Мы видели это в Марокко, Тунисе, Египте, Иордании и других странах. Это и есть влияние алжирского конфликта на регион. Как, на Ваш взгляд, повлиял и еще повлияет на арабский мир, в частности, на поведение политических элит, сирийский конфликт, который привлекал острое внимание всего мира?

А. Г. Аксененок: По крайней мере, текущий момент, когда Сирию вернули в ЛАГ, дает основания полагать, что примат силы при решении внутригражданских конфликтов негласно получает региональное одобрение. С этим, видимо, связана и реакция большинства арабских государств на ситуацию на Украине и вокруг нее. Ведь большинство стран региона, несмотря на давление извне, воздержались от осуждения России и высказали понимание тех вынужденных мотивов, которые побудили ее прибегнуть к военному решению. Здесь можно проследить поддержку применения силы в политике в качестве крайнего средства. Ведь в жесткой расправе с «Братьями-мусульманами»* Абдель Фаттах ас-Сиси пошел по пути Гамалы Абдель Насера и Хафеза Асада, а также алжирских военных.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

В. А. Кузнецов: Я думаю о том, насколько идея примата силы, к которой мы пришли, расходится с теми политическими идеалами, которые на протяжении многих лет воспитывались и в нас, и в западном, и в арабском обществе. Как Вам кажется, эта идея — сущность политической составляющей общественной жизни, или просто специфика нынешней ситуации, когда происходит глубокая трансформация международных отношений, и когда все системы упрощаются настолько, что остается только последний силовой аргумент? Вернемся ли мы к новой сложности политических систем через какое-то время или это теперь навсегда?

А. Г. Аксенок: Можно совершенно однозначно ответить: не навсегда. Но на данный момент внешнее окружение арабского мира, новая конфронтация на стыке эпох, примат силы — это объективная реальность, от которой никуда не деться. Арабский мир находится в состоянии неопределенности, старается оградить себя от последствий противоборства крупных держав. Если говорить о более далекой перспективе, то потрясения 2011 г. вряд ли пройдут бесследно. Уже видны ростки «нового». Вы много писали о гражданском обществе и о том, как оно развивается в странах Магриба. В Сирии также существует очень развитое гражданское общество в районах, контролируемых правительством, где оно, правда, зависит от доминирующей партии. Но есть и другое гражданское общество среди старой и новой сирийской эмиграции, тоже зависимое, но от европейских и американских грантов. Это сильно заметно и в США, и в Европе. В рамках дипломатии «второго трека» мы встречались с этими людьми, представляющими образованную научную интеллигенцию, не лишенную собственного мышления. При этом нельзя сказать, что у них антироссийские, проамериканские или проевропейские настроения.

В. А. Кузнецов: Даже Абдель Фаттах ас-Сиси при том, что начал свое правление с очень жестких законов, ограничивших свободу гражданского общества, в последние годы изменил подход. И это довольно любопытный пример. Ведь Египет — огромное государство, с мощными и динамичными общественными элитами. И, сначала ограничив деятельность гражданского общества, выросшего снизу, президент пытается создать новые механизмы, которые позволят гражданскому обществу существовать и развиваться, одновременно не создавая угрозы действующей власти. И снова перед нами специфическая ситуация «зависания».

А. Г. Аксенок: Еще Анвар Садат до «Осени гнева», когда он разогнал все политические партии, и до перехода к полному авторитаризму, придерживался идеологии «управляемой демократии». Видимо, прежде чем проводить реформы, нужно понять, что не следует

реформировать. Проблема существует как в темпах проведения реформ, так и в том, с чего их начинать. Эти дилеммы стоят перед всеми реформаторами — и в арабском мире, и в США, и в других странах. С чего начинать? Как проводить реформы? Мне представляется, если говорить о перспективах, то здесь еще встает и поколенческая проблема. Новое поколение проявило себя в 2011 г. и дальше себя проявит. Может, не в таком виде, как в 2011 г., когда сменились политические режимы, но в каком-то ином. Во всяком случае, опыт уже есть. Существует система коммуникаций, освоены новые технологии. Не только рупор и мечеть. Даже ИГИЛ* достаточно успешно освоил современные средства массовых коммуникаций. Поэтому мне кажется, что то, как президент США Джозеф Байден сейчас пытается противопоставить демократию авторитаризму, для арабского мира абсолютно не подходит. И недаром этот призыв не получил в арабском мире понимания и поддержки.

В. А. Кузнецов: *Мне кажется, что проблема с этим призывом заключается в том, что в нем есть нечто «нафталиновое». Все же важным аргументом в пользу демократии всегда была ее эффективность. Но в ситуации, когда Китай становится ведущей мировой державой и когда есть опыт успешных автократий в Восточной Азии, этот демократический идеал теряет свою привлекательность.*

А. Г. Аксененок: Арабы это особенно ощущают. В американской официальной печати были опубликованы данные о том, что среди участников «саммита демократий» треть стран трудно назвать демократическими⁶⁴.

В. А. Кузнецов: *Полагаю, что одна из проблем, связанных с дихотомией авторитаризма и демократии, помимо ее изначальной идеологизированности и упрощенности, не соответствующей политическим реалиям современности, состоит в том, что эта дихотомия, как правило, не принимает в расчет факторы географии. В реальности, когда мы говорим об организации политической власти в арабском мире, гораздо большей проблемой, чем необходимость интеграции в систему тех или иных политических движений и групп, является необходимость включения в нее представителей тех или иных локализованных элит. С этим связан вопрос о централизации и децентрализации управления. Впрочем, это широкая тема, давайте обсудим ее в следующий раз.*

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

⁶⁴ Brown M. How democratic are the countries at Biden's democracy summit? // The Washington Post. 30.03.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/03/30/biden-democracy-summit-countries-invited/>

Диалог № 3: Централизация, децентрализация, местное самоуправление в арабском мире (Ливия, Ирак, Йемен, Сирия)

В. А. Кузнецов: Мы продолжаем наши встречи, посвященные политическому развитию арабского мира. Хотелось бы поговорить с Вами об актуальной и значимой проблеме централизации и децентрализации. Не каждый читатель сразу осознает, что это такое, и почувствует остроту темы. По Вашему мнению, почему про это нужно говорить?

А. Г. Аксененок: В последнее десятилетие дискуссии на эту тему вновь оживились на Западе и среди арабских политологов, особенно в связи с гражданскими конфликтами в арабском мире. Проблематика централизации и децентрализации также часто фигурирует на встречах в рамках дипломатии «второго трека» не только в научном дискурсе, но и в попытках предложить какое-то практическое решение. На самом деле это условные понятия, обозначающие часть более широкой проблемы. С точки зрения конституционного права, то есть в широком смысле, это вопрос о формах государственного устройства, которые разнятся во всем мире. В Европе, к примеру, нет единых форм государственного устройства. Европейские страны претерпевали естественную эволюцию по ходу исторического развития «государства-нации». Соединенные Штаты, напротив, сразу после окончания гражданской войны пошли по пути федерализации. То есть на Западе не возникало противопоставления унитаризма и федерализма. В арабском мире децентрализация в рамках суверенного государства рассматривалась как альтернатива сильной верховной власти. Исключения, может быть, составляют племенные союзы или своего рода конфедерации, которые складывались, распадались и менялись вне территориальных границ одного государства. Это, хотя и в меньшей степени, было до сих пор характерно для крупных племенных объединений на части территорий Ирака, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии, а также некоторых стран Северной

Африки, где существовала некая дихотомия между гражданственностью и трайбалистской принадлежностью.

В. А. Кузнецов: *Интересен сам термин «децентрализация». В русском и арабском языках сама форма этого слова разная. По-русски она обозначает процесс, а на арабском «ля-марказийя» — не процесс, а констатация факта: что-то было централизовано, а теперь стало другим. Однако что мы имеем в виду под децентрализацией?*

А. Г. Аксененок: Возможно, мы действительно имеем в виду не совсем то же, что и наши арабские коллеги. Когда мы говорим о децентрализации, мы подразумеваем опыт, наработанный во всем мире в разных формах и применимый сообразно историческим традициям и местной специфике. На практике местные органы власти и самоуправления имеют те полномочия, которые им делегированы сверху, а их объем и содержание соответственно зависят от характера политического режима. Для арабского мира та или иная степень децентрализации определяется также тем, насколько однородно общество с точки зрения состава населения. К примеру, вряд ли возможно представить Египет как федерацию.

В. А. Кузнецов: *В Древнем Египте, кстати, был подобный опыт. Но в целом это сложно.*

А. Г. Аксененок: Да, это трудно представить. Этот вопрос особенно актуален для государств с мультиконфессиональной и мультиэтнической структурой, таких как Сирия, Ирак, Ливан, Алжир и Ливия.

В. А. Кузнецов: *Или трайбалистской.*

А. Г. Аксененок: Или со смесью того и другого. Унитарные государства ведь тоже могут быть децентрализованными, поскольку унитаризм не обязательно подразумевает централизацию. Но федерализм как таковой не прижился в арабском мире. Такой опыт имел место в прошлом, во время перехода от колониальной зависимости к независимости, но он потерпел неудачу. Вопрос в том, почему.

В. А. Кузнецов: *Вы упомянули, что федерализм в арабском мире не прижился, но, наверно, надо начать с того, что и в Европе сама идея территориального государства в Вестфальской системе международных отношений формировалась достаточно сложно. Территориальное государство не возникло внезапно в середине XVII в.: в реальности на его формирование ушло несколько веков. В арабском мире оно возникло позже, а его идея прививалась с большими трудностями. Если говорить о колониальном захвате территорий, то мы ясно чувствуем, с какими трудностями местное население и правители воспринимали западную концепцию государственности.*

После того как французы вторглись в Алжир в 1830 г., наступил длительный период вооруженного противостояния, связанный с Абд аль-Кадиром и другими лидерами сопротивления. Затем в Алжире было установлено французское правление. Были заключены договоры с Марокко, в частности, Лалла-Магнийский договор о разграничении алжиро-марокканской границы. Исходя из французского и арабского текста данного соглашения, как показывала наша молодая коллега А. И. Василенко в своих исследованиях⁶⁵, для марокканской стороны понимание государства как ограниченной территории было неприемлемо. Государство в целом воспринималось как совокупность населенных пунктов, прежде всего городов, каждый из которых распространяет свое влияние на какую-то территорию, а также племен, которые дают присягу тому или иному монарху и платят ему налоги. А те территории, где проживают только кочевники, разграничивать было в принципе бессмысленно. Насколько я понимаю, так было и в Магрибе, и в Машрике.

А. Г. Аксененок: Все же мне кажется, что в Машрике идея образования арабского территориального государства имела более широкое распространение в конце XIX — начале XX в. Под этими лозунгами разворачивалось арабское национальное движение известное в истории как «Ан-Нахда»⁶⁶. Недаром англичане дали обещание создать арабское государство шерифу Мекки Хусейну бен Али, чтобы привлечь аравийские племена к активным военным действиям против Турции. Характерно, что после окончания Первой мировой войны Всеобщий сирийский конгресс, созванный его сыном эмиром Фейсалом бен Хусейном, принял решение о том, что арабское государство с центром в Дамаске должно быть парламентской монархией с децентрализованной системой правления, гарантирующей права этноконфессиональных меньшинств. То есть идея децентрализации существовала уже в то время. На эти два пункта сирийские правоведы и сейчас обращают особое внимание в контексте работы Конституционного комитета Сирии. Проекту единого арабского государства на принципах децентрализации не суждено было осуществиться.

⁶⁵ «Французская политическая культура и мусульманская государственность Магриба...» - А.И. Василенко // ИВ РАН. 09.12.2021.
URL: <https://video.ivran.ru/novosti?artid=210595>

⁶⁶ «Ан-Нахда» — период возрождения арабской истории и мысли, который пришелся на вторую половину XIX — начало XX в. «Ан-Нахда» была вызвана процессами, которые происходили в некоторых арабских странах, прежде всего — в Египте и Сирии. Среди этих процессов — вступление арабских стран на капиталистический путь развития и вмешательство Запада во внутрирегиональные дела на Ближнем Востоке. Просветители «Ан-Нахды» уделяли большое внимание осмыслению причин отставания арабских государств от стран Запада, а также определению возможностей для его преодоления.

Франция видела децентрализацию по-другому, всячески поощряя образование на территории Леванта квазигосударственных образований, сформированных по конфессиональному и этническому принципам. Сирию разделили на пять частей: «Государство алавитов», «Государство Дамаск», «Государство Алеппо», Санджак Александретта и Джабаль ад-Друз.

После обретения независимости, только в 1957 г. был принят закон о создании муниципалитетов и местных советов в провинциях, городах и деревнях, согласно которому они получили значительный объем полномочий в рамках процесса административной децентрализации по конституции 1950 г. В те годы шла ожесточенная борьба за власть, фактически — за выбор модели государственного устройства. Эта борьба завершилась с приходом к власти партии «Баас» в 1963 г. Принятие конституции 1973 г. оформило дальнейшее развитие Сирии на принципах жесткой централизованной власти при однопартийном правлении.

В. А. Кузнецов: В этой связи вспоминаются работы сирийского исследователя Филипа Хури⁶⁷ по истории политической системы в Сирии, в которых много внимания уделяется вопросам централизации и децентрализации. В них он показывает, что политическая культура в Сирии формировалась, с одной стороны, в отдельных городах, таких как Алеппо, Дамаск, Хомс и др. С другой стороны, на формирование сирийской политической культуры влиял также племенной фактор. Таким образом, в Сирии наблюдалось как противостояние городов и племен, так и конкуренция между городами. И этот элемент децентрализации власти изначально был заложен в сирийскую политическую культуру.

А. Г. Аксененок: Совершенно верно. Вы к месту упомянули интереснейшие статьи сирийского исследователя Филипа Хури, в которых он на базе богатого исторического материала убедительно показывает наличие в Сирии в XIX–XX вв. урбанистической политической культуры, сформировавшейся в оттоманский период. С приходом европейцев она сохранилась без особо больших изменений и просуществовала в той или иной форме еще около двух десятилетий после провозглашения независимости. Интересно, что Турция не держала в Сирии большие военные гарнизоны. В Сирии в сравнительно небольшом количестве присутствовали янычары. Кроме того, были турецкие губернаторы. Однако власть на местах находилась в руках коммунальных общин, состоявших из крупных

⁶⁷ Khoury P. S. Continuity and Change in Syrian Political Life: The Nineteenth and Twentieth Centuries // The American Historical Review. 1991. No 5. Pp. 1374–1395.

землевладельцев и племенной аристократии. Филип Хури называет это «политикой нотаблей». Такая политическая культура представляла собой смешение оттоманской административной практики, местных арабских традиций и европейского интеллектуального влияния.

В. А. Кузнецов: *Накануне получения независимости у арабских стран был очень разный опыт и разное понимание децентрализации. Так, в Сирии, Ливане, Тунисе и, вероятно, Палестине по разным причинам был очень высокий уровень децентрализации. В этих странах была развита городская и коммуналистская культура. С другой стороны, есть государства с очень сильной традицией централизованного управления. Наиболее яркий пример — Египет. Кроме того, есть страны, где с традицией государственного управления все довольно сложно — Ливия, государства Аравийского полуострова (за исключением Йемена и Омана), где традиции государственности фактически отсутствовали. В них существовала традиция племенных княжеств, которая предполагала децентрализацию и существование неких слабых союзов, т. к. централизовать племена невозможно, и возникнуть центральной власти там довольно трудно. И все эти страны получили независимость. При том, что в арабском мире исторического опыта нецентрализованного управления до распада колониальной системы количественно больше, чем централизованного, при обретении независимости история федерализма не складывается. Какие из этих стран возникли как федерации или вскоре после возникновения обрели опыт федерализма?*

А. Г. Аксененок: Такие примеры имеются, хотя они не были итогом естественного внутреннего развития, а стали в большей степени проектом внешних сил.

В порядке последовательности следует вначале упомянуть союз семи эмиратов Персидского залива, известный в историографии как государства Договорного Омана. Позднее к торгово-политическим соглашениям с Великобританией присоединились Бахрейн, Кувейт и Катар. Договорной Оман состоял из крупных племенных объединений. Это аморфное образование сложилось и просуществовало, в основном номинально, только благодаря серии военных и коммерческих соглашений и политических договоров, заключенных Великобританией с правителями эмиратов Персидского залива на протяжении XIX в. и первой половины XX в. После Второй мировой войны Великобритания пыталась модернизировать систему протекторатов различными проектами федераций в регионе Персидского залива. Последней такой попыткой стало подписание в 1968 г. соглашения в Дубае о создании федерации, состоящей из девяти эмиратов (Кувейт к тому времени уже получил независимость). Однако тради-

ционное соперничество между их правителями, боязнь малых эмиратов лишиться своих семейных привилегий, исторические территориальные споры — все это помешало федерализации на широкой основе. Свою роль сыграли и внешние факторы. Великобритания и США поддержали притязания правящих семейств Катара и Бахрейна на независимость. Некоторые западные историки к числу препятствий на пути к широкой федерализации также относят позицию Саудовской Аравии и шахского Ирана. Таким образом, в 1971 г. на карте Аравийского полуострова появилось три новых государства. Одно из них, ОАЭ, сформировалось на федеративной основе и оказалось жизнеспособным, вполне удачным опытом государствовроительства, хотя изначально и было внешним проектом.

В то же время другой такой проект — ливийская федерация — просуществовал сравнительно недолго: с 1951 по 1963 г. Особенность оформления Ливии как независимого государства в составе трех территорий (Триполитания, Киренаика, Феццан), между которыми было больше противоречий, чем точек соприкосновения, также состояла в особой роли внешних акторов. В данном случае они действовали под эгидой ООН. Ливийский вопрос обсуждался в этом формате как часть послевоенной проблемы, связанной с судьбой колониальных владений Италии. ООН в лице ее верховного комиссара была наделена обширными полномочиями в ключевых вопросах разработки конституции Ливии. Государственное устройство в форме федерации стало продуктом двойного компромисса — между противоборствующими течениями внутри каждой из ее составных частей с одной стороны, и между державами-победительницами — с другой. В свою очередь, Советский Союз и арабские государства выступали за образование Ливии как унитарного государства. В итоге ливийская федерация была создана на основе концепции «ограниченной централизации» и уже тогда, согласно Докладу Комиссара ООН, рассматривалась как «первый шаг на пути к достижению в будущем цели унитарного государства»⁶⁸.

В. А. Кузнецов: *Что это означало?*

А. Г. Аксененок: Конституция Ливии, принятая в 1951 г., представляла собой компиляцию из основных законов множества стран с разными формами и степенью «централизации–децентрализации» — европейских (ФРГ, Швейцария, Великобритания), арабских и других азиатских (Египет, Ирак, Иордания, Сирия, Ливан, Индия, Бирма), и даже латиноамериканских (Аргентина, Бразилия) государств. Ин-

⁶⁸ Экономические и финансовые положения, относящиеся к Ливии // ООН. 15.12.1950. URL: [https://undocs.org/ru/A/RES/388\(V\)](https://undocs.org/ru/A/RES/388(V))

интересно, что многие положения главы о парламенте Ливии (Национальное собрание) были заимствованы даже из конституционных актов Великобритании, определяющих правовой статус британского парламента.

Такое конституционное творчество привело к складыванию своего рода двухуровневой и внутренне противоречивой системы управления. Король как глава законодательной и исполнительной власти имел, по сути, неограниченные полномочия, выходящие за рамки парламентских монархий. По конституции законодательная власть осуществлялась совместно королем и двухпалатным парламентом, которому отводилось подчиненное положение. Верхняя палата (сенат) целиком назначалась королем, а палата депутатов избиралась тайным голосованием на основе всеобщего избирательного права. Женщины получили это право только в 1964 г. В отсутствие политических партий, которые были запрещены специальным законом, кандидатуры в парламент выдвигались в индивидуальном порядке. В то же время в каждой провинции существовали свои органы исполнительной и законодательной власти. Взаимоотношения и разграничение полномочий между центральными и провинциальными органами отличались крайней расплывчатостью.

В. А. Кузнецов: *А как распределялись эти полномочия?*

А. Г. Аксенонок: Конституция содержала три категории статей, относящихся к сферам регулирования. Первая категория включала в себя вопросы исключительной компетенции центрального правительства, вторая — проблемы местного значения, переданные исполнительным советам провинций, а также круг вопросов совместного ведения. Третья категория — это вопросы, не включенные конституцией в компетенцию федерального правительства. Этими проблемами имели право заниматься провинции. Все это затрудняло работу государственного механизма в целом. Возникало соперничество и разногласия в толковании статей конституции, а также неоправданный параллелизм, что создавало благоприятную почву для усиления центробежных тенденций. Появились даже расхождения в законодательной практике: законы, принимаемые провинциальными советами, зачастую не соответствовали общенациональному законодательству. Разбухание государственного аппарата в центре и на местах ложилось тяжелым бременем на скудные государственные финансы. Как известно, в 1950-е гг. значительная часть ливийского бюджета формировалась британцами и американцами⁶⁹.

⁶⁹ Treaty and Agreement with Libya. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. C. (53) 364. 30 December 1953 // The National Archives. CAB 129/64.

При принятии решения о переходе к унитаризму немаловажное значение имели изменения, происходившие в социально-экономической структуре ливийского общества. С началом добычи и экспорта нефти в этой слаборазвитой аграрной стране с архаичными устоями ускорилась социальная дифференциация, урбанизация населения. Кроме того, начался бурный рост национальной буржуазии. Вначале этот рост происходил в областях экономики, связанных с обслуживанием деятельности иностранных нефтяных компаний. Нефтяной бум, опережающий по темпам рост нефтедобычи в Иране, Ираке, Саудовской Аравии и Кувейте, быстро стал источником беспрецедентных поступлений в бюджет, что дало толчок к развитию транспортных коммуникаций и деловых связей между провинциями. Местничество и региональная обособленность стали представлять угрозу самой государственности и интересам сохранения монархии.

В. А. Кузнецов: *Как мне кажется, здесь было еще две проблемы. Во-первых, три территории Ливии имели разный опыт политического управления. Если в Киренаике существовал опыт сенуситской государственности⁷⁰, то в Триполитании такого опыта не было. Но последняя, с другой стороны, в большей степени восприняла и итальянский колониализм, т. к. именно там он был более активен, и османскую модель, потому что османы в большей степени правили именно там, и англосаксонскую — в период после Второй мировой войны. Получается довольно парадоксальная ситуация. С одной стороны, опыт государственности в Киренаике был больше и более автохтонный, а степень модернизации, судя по всему, была выше все же в Триполитании, хотя она везде была относительной.*

А. Г. Аксененок: Это и сейчас, по прошествии стольких лет, торозит все попытки восстановить разрушенное государство.

В. А. Кузнецов: *Наконец, есть Феццан, где очень сложно обстоит дело с какой-либо государственностью. Там существовала племенная структура под французским управлением. Вторая проблема, которая тоже оказала влияние — это то, что король Идрис пользовался разной степенью авторитета на трех территориях. Если для Киренаики монархическая модель была своей, хотя и там к Идрису были вопросы, то для Триполитании и Феццана она была совсем чужая.*

⁷⁰ Во второй половине XIX в. на территории Киренаики распространил свое влияние тарикат Сенусия. Последователи тариката — сенуситы — боролись против турецкого правления в Магрибе, а также против французских и итальянских колонизаторов. В ходе этой борьбы орден сенуситов сумел распространить свое влияние на территории Киренаики. Впоследствии политическое управление регионом перешло к шейхам тариката Сенусия, а единственным ливийским королем стал эмир Киренаики, шейх ордена сенуситов Идрис I.

А. Г. Аксененок: Да, сенусизм не сумел пустить корни в Триполитании, но сторонники короля Идриса, надо сказать, открыто действовали и там, особенно в первые десятилетия после провозглашения независимости. И, конечно, в Киренаике, близкой географически к Египту, далеко не все поддерживали короля, власть которого все больше выглядела анахронизмом на фоне взлета национализма под влиянием процессов, которые разворачивались в соседних странах.

В. А. Кузнецов: *Есть еще один важный момент, который описывает американская исследовательница Лиза Андерсон⁷¹. Очень любопытно, что общеливийская армия была по своему численному составу меньше, чем ополчения трех провинций. Эта федерация фактически никогда не была реальной, и с самого начала была довольно рыхлым образованием. А что произошло в 1963 г.?*

А. Г. Аксененок: Мы затронули две причины развала федеративного устройства. Первая — дефекты государственного управления, вторая — то, о чем Вы говорили, исторические особенности провинций и различия в путях их развития. Третья причина заключалась в социально-экономической трансформации, связанной с открытием нефтяных богатств. Кроме того, нефтяным компаниям США, Великобритании, Франции и Италии было выгоднее иметь дело с одним центральным правительством.

В. А. Кузнецов: *Здесь есть еще один момент, который я редко видел в публикациях, но он важен. Какова, на Ваш взгляд, была связность ливийской территории в экономическом плане после возникновения независимого государства? Я не очень понимаю, насколько мы можем говорить о какой-то единой экономической системе в Ливии? Или там были три разные экономики? Необходимо обратиться к исследованиям по данной теме, потому что вопрос о разделении доходов от нефти — центральный. На Ваш взгляд, объединяло ли эти три территории хоть что-то, кроме внешнего суверенитета, данного от ООН, и внешних обязательств? Была ли там единая экономическая система?*

А. Г. Аксененок: Да, вопрос о том, была ли Ливия когда-нибудь в истории единым целым в политико-антропологическом, социально-экономическом, культурном и даже конфессиональном отношении, всегда был предметом больших споров. Три эти территории с разной численностью населения и общественными укладами развивались разными путями, а в период колониального господства Италии даже управлялись какое-то время отдельно. В период оккупационного

⁷¹ См.: Anderson L. The State and Social Transformation in Tunisia and Libya, 1830–1980. Princeton: Princeton University Press, 2016. 352 p.

режима (1943–1952 гг.) в Триполитании и Киренаике британцы учредили отдельные военные администрации, почти полностью изолировав их друг от друга введением таможенных пошлин и ограничением передвижения частных лиц. Феццан с численностью населения около 50 тыс. человек находился под управлением французских военных властей. Часть его территории была присоединена к военному округу Алжира и южным областям Туниса.

Вместе с тем, несмотря на все трудности в функционировании государственного механизма, за время короткого периода развития в виде федерации в Ливии начали складываться внутриэкономические связи, прокладывались транспортные коммуникации, налаживался торговый обмен. Федеративное устройство тормозило эти интеграционные процессы.

В 1963 г. были приняты поправки в конституцию Ливии, согласно которым провинциальные правительства и институт губернаторов упразднились, а законодательные советы подлежали роспуску. Преобразованные местные органы были наделены лишь административными полномочиями и полностью подчинены правительственному контролю. Конституционная реформа повлекла за собой реорганизацию всего государственного аппарата и пересмотр законодательства. Между прочим, вопрос о разделении нефтяных доходов при короле Идрисе не стоял так остро, как в Ираке. Муаммару Каддафи также удавалось купировать возникающие на этой почве раздоры силой своего авторитета и закулисными сделками, в том числе на межплеменной основе.

В. А. Кузнецов: Прежде чем мы будем говорить о периоде правления Муаммара Каддафи, я бы хотел отметить, что события 1963 г. можно интерпретировать двумя противоположными способами. С одной стороны, об этом писали и российские исследователи — отход от федерализма к унитарному государству фактически был связан с укреплением позиций короля и королевской семьи, с усилением nepотизма, клановости и т. д. Так были заложены те пороки системы, которые привели к перевороту 1969 г. С другой стороны, это можно назвать и прогрессивным ходом, т. к. он был направлен на то, чтобы укрепить государственность Ливии, которая в период федерализма оставалась очень рыхлой и фактически разваливалась.

А. Г. Аксененок: В своей диссертации «Становление и развитие национальной государственности Ливии»⁷² я избежал таких противопоставлений. Одно совсем не исключает другого. Переход к унитар-

⁷² Аксененок А. Г. Становление и развитие национальной государственности Ливии // Дис.... канд. юрид. наук. — М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений. МИД СССР, 1973. — 206 с.

ризму был вызван практикой более чем 10-летнего государственного и экономического строительства. В то же время немалую роль сыграло и стремление укрепить основы монархии перед лицом нараставших внешних и внутренних угроз.

Другой, двадцатилетний опыт федерализации, оказался также неудачным. Это Ирак. В 2003 г. после того, как был свергнут Саддам Хусейн, федерализация рассматривалась как панацея от возвращения к авторитаризму и Западом, и теми силами, которые были приведены американцами к власти.

***В. А. Кузнецов:** Здесь тоже есть важный момент: в Ираке эта идея ложилась не на «сухую почву». У Ирака уже был некоторый опыт условного «федерализма», в частности, османский опыт трех вилайетов. Эта идея, вероятно, сохранялась. И если я правильно понимаю историю Ирака в XX в., то насилие, которое было фактически при всех правителях, в значительной степени было связано с тем, что каждый из них пытался как-то интегрировать три эти совершенно разные территории в рамках одной страны. Причем этнические, конфессиональные и социальные различия между этими территориями гораздо глубже, чем, например, в Ливии. К тому же у Ирака при Саддаме Хусейне был опыт автономии Курдистана. Что про него можно сказать?*

А. Г. Аксенонок: Да, в Ираке, образованном на базе трех оттоманских провинций (Мосул, Багдад и Басра), этот клубок завязывался гораздо туже и был более кровавым. По-прежнему остается нерешенным вопрос, какая форма государственного устройства в наибольшей степени соответствует историческим особенностям Ирака, составу его населения и географическому распределению по провинциям. Курды, как наиболее многочисленное из всех этнических меньшинств Ирака, имели два преимущества. Во-первых, это компактное проживание на севере страны. Во-вторых, они имели свои вооруженные силы. После многолетних военных действий между курдскими отрядами Пешмерга и иракской армией Саддам Хусейн был вынужден пойти в 1970 г. на подписание соглашения о создании курдской автономии. Хотя это соглашение действовало чуть больше трех лет. Много позже правительственные войска, завязшие в кувейтской авантюре, были вынуждены покинуть Иракский Курдистан. Статус столь широкой автономии был дан курдам только по конституции 2005 г.

Если учесть, что конституция разрабатывалась и принималась в условиях американской оккупации, авторам основного закона страны было присуще некое раздвоение правового и политического сознания. В этой конституции им пришлось совместить западные

демократические ценности с многоукладностью арабского общества и привыканием к деспотической центральной власти, сосредоточенной к тому же в руках конфессионального меньшинства. Такую власть общественное сознание не рассматривало как авторитарную. Скорее, оно воспринимало ее как историческую традицию и способ национально-государственного существования. Федерализация рассматривалась, с одной стороны, как панацея от авторитаризма, с другой, — существовало понимание того, что целостность Ирака может быть сохранена только через перераспределение полномочий между центром и периферией при условии гарантий от сецессии, а также через рассредоточение власти в самом центре. В теории эта идея была сама по себе неплохой. Но политическая практика обернулась по-другому. Передать полномочия на места не получилось из-за быстрого и трагического развития внутривластной обстановки. В течение последующего десятилетия Ирак был ареной стремительно разворачивающихся событий: вооруженное сопротивление оккупации, суннитско-шиитская рознь, появление ИГИЛ*, захват Мосула, подъем курдского сепаратизма, захват курдами территорий за пределами Иракского Курдистана, в том числе нефтеносного Киркука, распространение влияния Ирана на шиитском юге страны и др.

В. А. Кузнецов: *Я хотел бы вернуться к 2005 г. и к тому, как принимали конституцию. Правильно ли я понимаю, что она была написана американцами?*

А. Г. Аксененок: Сами американцы этого не отрицают. Там работала команда «верховного правителя» Ирака Пола Бремера⁷³, на которого сейчас вешают все ошибки и наивные заблуждения администрации Джорджа Буша-мл.

В. А. Кузнецов: *Есть два вопроса. Та идея федерализации, которую они принесли, основывалась на каком опыте? Это был скорее балканский опыт? Возможно, кто-то об этом писал. Второй вопрос — мне кажется, что в этой конституции сама идея распределения доходов от нефти пропорционально численности населения регионов страны изначально порочна, особенно учитывая, например, опыт Ливана. Ведь численность населения и его пропорции могут меняться. И те споры, которые потом имели место между центральными властями и с Иракским Курдистаном, во многом были связаны именно с этим. Как Вы считаете, эта проблема не осознавалась, или эта мина была заложена специально? Что это было?*

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

⁷³ Пол Бремер — американский дипломат, глава Коалиционной временной администрации в Ираке в 2003–2004 гг.

А. Г. Аксенонок: Балканский опыт, думаю, тоже учитывался, хотя иракский и балканский кейсы имеют свои различия. Босния и Герцеговина — скорее конфедерация, чем федерация, склеенная присутствием многонациональных сил, которые до сих пор находятся там под флагом ЕС. Если в Боснии и Герцеговине сербы, хорваты и мусульмане проживали компактно, то в Ираке имеются территории как с более или менее компактным (на севере и юге), так и со смешанным ареалом проживания (в центральных и западных провинциях). Отсюда возникают трудности с определением границ между провинциями.

Мне представляется, что западная федеративная модель с элементами европейского парламентаризма была призвана уравновесить этноконфессиональную структуру общества, чтобы каким-то образом компенсировать выпавший стержень правящей партии «Баас». Хотя существует мнение, что об этой особенности иракского общества американцы в то время и не думали.

В. А. Кузнецов: *Последняя Ваша фраза вызывает ассоциации с опытом другой страны. Той страны, где убрали руководящую роль партии. И тогда у нас дело быстро пришло к развалу СССР.*

А. Г. Аксенонок: Аналогия здесь очевидна. Вспоминается мудрое высказывание лорда Кромера, генерального контроллера, а затем генерального консула Египта в конце XIX в. Смысл его в том, что прежде, чем проводить реформы, нужно понять, что не следует сразу реформировать. После распада Советского Союза энергия перемен зашкаливала, и мало кто думал об их последствиях. Правда, долгое промедление с назревшими реформами под предлогом эволюционного развития также может тормозить общественный прогресс. Хороший пример тому — Саудовская Аравия, где Мухаммед бин Сальман все-таки решился на реформы сверху, прервав многолетний застой.

Хотел бы вернуться к такому деликатному вопросу, как разделение нефтяных доходов. Согласен, что этот принцип, принятый в Ираке и до сих пор остающийся камнем преткновения в Ливии, таит в себе семена раздора. В то же время его можно считать одним из условий децентрализации и определенной страховкой от сепаратизма. Кроме того, новая конституционная конструкция должна была, по расчетам американцев, обеспечить сменяемость власти на принципах западного парламентаризма, положенного на конфессиональную почву. Но это не прижилось. Система правления при премьер-министре Ирака Нури аль-Малики была авторитарной, а после парламентских выборов 2021 г. в стране на многие месяцы затянулся политический кризис.

В. А. Кузнецов: *И это второй момент, на который я хотел обратить внимание. Очевидно, что сторонники федерализации в Ираке могли указать, например, на опыт Индии. Это довольно успешный опыт федерализма и парламентаризма на Востоке, причем тоже в многоконфессиональной стране.*

Так что же случилось в Ираке? Я думаю, что это была попытка перенесения на систему управления в государстве западного опыта, притом, что и в странах Востока существовал позитивный опыт федерализма. Вопрос, который мы с Вами уже затрагивали в ходе прошлых встреч, — это проявление какой-то вечной «арабской исключительности», или это что-то другое? На практике мы видели подобный опыт и в случае с Ливией. Весь федерализм там сводился к тому, чтобы сколотить воедино то, что распадается. Ни в Ираке, ни в Ливии предлагавшиеся проекты не были связаны с совершенствованием каких-либо институтов управления. Подобному подходу не отвечала бы степень институционализации политической системы, потому что политическая система Ирака при Саддаме Хусейне была абсолютно персоналистской. Равно как совершенно персоналистской она была, разумеется, и в Ливии при Муаммаре Каддафи. И непонятно, насколько в этих странах сохранился опыт государственного управления, существовавший до этого (да и был ли такой опыт в той же Ливии?). В конечном счете, федерализм в Ливии и в Ираке предполагал определенный подход к разделению национальных ресурсов и ренты. Кроме того, у нас есть пример йеменского федерализма.

А. Г. Аксененок: При чем не менее актуальный. При монархии вопрос о децентрализации естественно не стоял, хотя власть на местах существовала, но была скорее родоплеменной и традиционной, а не институционализированной.

В. А. Кузнецов: *Согласен. Наверно, надо отметить, что в целом йеменский опыт государственности предполагал сосуществование двух структур — Северного Йемена с традиционной системой имамата, которая опиралась на племенные общины и коммуну, и Южного Йемена, который в принципе никогда не был единым. Кроме того, существовал опыт Федерации Южной Аравии, о котором мы поговорим позже. Получается двухуровневая система, где есть Северный и Южный Йемен. И на каждом из этих уровней система достаточно «рыхлая», распадающаяся на разные региональные и племенные группы.*

А. Г. Аксененок: В современный период, после свержения монархии, Север и Юг преобразовали в два разных государства со своими путями развития. Если говорить о Северном Йемене, то с 1978 г. и

до начала протестного движения в 2012 г. Али Абдалла Салех⁷⁴ вел дело к созданию централизованного государства и однопартийного режима, используя алжирский и сирийский опыт режимов с доминантной партией.

В. А. Кузнецов: *Но при этом Али Абдалла Салех взаимодействовал, например, с партией «Ислах»⁷⁵, с которой у него были сложные отношения. И все же он в какой-то степени давал им волю, хотя и пытался консолидировать государство.*

А. Г. Аксенонок: Тактически Али Абдалла Салех хотел использовать «Ислах» и его влияние в интересах построения централизованного государства. Тогда тоже существовал закон о местном самоуправлении, который тем не менее не означал децентрализации. Планы федерализации появились уже после 2012 г. как результат протестного движения, свержения Али Абдаллы Салеха и избрания Абд-Раббу Мансура Хади президентом Йемена. Его реакцией стало исправление ошибок, которые в его представлении были допущены предшественником. На волне «демократизаторства», охватившего в тот период арабский мир, в 2013–2014 гг. под эгидой ООН проходила Конференция по национальному диалогу. Абд-Раббу Мансур Хади предлагал разделение на шесть регионов, но хуситы и население Южного Йемена выступили против. Возникли разногласия по количеству и разграничению федеральных округов и провинций, а также местных органов власти. Хуситы считали, что путем манипуляций с административно-территориальными границами их интересы хотели каким-то образом ущемить, разделив те регионы на севере, где они составляли большинство. Поэтому это был вопрос не юридический, а политический. Это был вопрос о том, насколько территориальная структура государства соответствует этноконфессиональному и племенному составу общества. Однако центральная власть в то время была довольно слабой, чтобы проводить такого рода реформы. Абд-Раббу Мансур Хади не смог удерживать бразды правления в условиях широкого протестного движения, чем воспользовались хуситы. Недаром сейчас некоторые западные политологи, рассматривая вопросы централизации и децентрализации, говорят, что предпосылкой к децентрализации должна быть упорядоченность и укрепление системы власти сверху. При строительстве структуры

⁷⁴ Али Абдалла Салех — йеменский государственный и военный деятель. Президент Северного Йемена (1978–1990 гг.), а после объединения Йеменской Арабской Республики (Северного Йемена) и Народной Демократической Республики Йемен (Южного Йемена) — председатель Президентского Совета единого Йемена (1990–1994 гг.) и позднее президент Йемена (1994–2012 гг.).

⁷⁵ «Ислах» — йеменская политическая партия, близкая к «Братьям-мусульманам»* (организация, деятельность которой запрещена в России).

государственных органов следует идти не снизу вверх, а сверху вниз. Я бы даже сказал, что вопрос о государственном устройстве в 2013–2017 гг., был одним из драйверов переворота, совершенного хуситами, и последовавшей за этим многолетней гражданской войной.

В. А. Кузнецов: *В Йемене все, как обычно, очень запутано. Но мне кажется, что здесь еще нужно учитывать специфику хуситского движения, т. к. его политическая, родоплеменная, конфессиональная и территориальная идентичность во многом носит специфический характер. Западные исследователи чаще рассматривают хуситов как прокси Ирана, а российские ученые в основном с такими оценками не согласны. Точку зрения российских исследователей подтверждает, среди прочего, тот факт, что еще до событий 2011 г. хуситы выступали в оппозиции к Али Абдалле Салеху. Были протесты, а в 2000-е гг. на севере шла война с ними. Все это привело к большому количеству жертв. Как я понимаю, если сравнивать три случая — ливийский, иракский и йеменский — то в каком-то смысле мы идем в сторону усложнения, т. к. при всех трудностях Ливии, социальная система там в целом организована гораздо проще, чем в Ираке. А при всех сложностях Ирака, система там организована проще, чем йеменская. Вы абсолютно правы, что в Йемене получается пересечение и наложение друг на друга самых разных иерархий и разделений — территориальных, конфессиональных, родоплеменных, политических и т. д. В результате получается, что во всех трех случаях децентрализация так или иначе могла бы отражать в административной системе существующую социальную структуру общества. Если социальная структура настолько запутана, как в Йемене, и если разные линии разделения перекрывают друг друга, то не совсем понятно, как это могло бы быть организовано.*

А. Г. Аксененок: Есть очень интересное исследование Брукингского института по поводу Ливии и ее нынешнего государственного устройства, когда вопрос о парламентских и президентских выборах по сути подвешен, а вокруг принятой конституционной декларации нет консенсуса. Называется эта работа *“Building peace through the subnational governments”*⁷⁶. Там высказывается идея о двух вариантах решения ливийской проблемы. Это может быть интересно и для других стран региона, которые сталкиваются со схожими проблемами.

Первый вариант — унитарное государство с сильной децентрализацией. Это полупрезидентская форма правления, с передачей

⁷⁶ Ross S., Wolff S., Marc A. Building peace through subnational governance: The case of Libya // Brookings. 26.01.2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/building-peace-through-subnational-governance-the-case-of-libya/>

полномочий местным органам власти, но под контролем со стороны центра в той или иной форме. Вторым вариантом — «мягкая федерация». Это значит, что трем регионам предоставляется автономия, и разделение полномочий происходит в самом центре. Киренаика в качестве компенсации получает больше мест в парламенте, поскольку по большому счету суть разногласий в том, что Триполитания составляет 2/3 населения. Это наиболее развитая часть Ливии, в то время как основные нефтяные богатства находятся в Киренаике. «Мягкая федерация» может помочь сбалансировать эту систему. По мнению авторов данного проекта, некоторое увеличение мест в парламенте для Киренаики и Феццана следует уравновесить конституционными гарантиями от сецессии для Триполитании и передачей части нефтяных доходов в пользу Киренаики и Феццана. То есть это два довольно нейтральных варианта.

***В. А. Кузнецов:** Интересно, что при этом фактически правительство Абдель Хамида Дбейбы, установленное в рамках Форума национального диалога, уже было федеративным, т. к. в Ливии появился президентский совет, куда входят представители трех регионов. Т. е. элементы федерализма уже существовали. Проблема в том, что правительству Абдель Хамида Дбейбы не удалось сформировать единый бюджет и найти способ для политического объединения вооруженных сил страны. Ту же проблему мы видим в Ираке и, как я понимаю, в Йемене. Все-таки федерализация требует консолидации вооруженных сил, а в каждой из провинций это воспринимается как потенциальная угроза: «сегодня так пообещают, а завтра все пересмотрят». В результате мы имеем то, что имеем.*

В итоге, мы рассмотрели три случая, и так получается, что они совпадают с тремя конфликтными государствами Ближнего Востока. Четвертое государство — Сирия.

А. Г. Аксененок: Сирийцы оглядываются вокруг, изучая опыты федерализации в арабском мире, и приходят к своим выводам. Раздел власти на федеративной основе воспринимается ими как путь к разрушению страны. На эту тему было много официальных высказываний от президента и его ближайшего окружения. Например, Бусейна Шаабан⁷⁷ в своем выступлении на Валдайском форуме утверждала⁷⁸, что автономизация означает разделение Сирии. Все граждане равны перед законом, а курды, как часть сирийского на-

⁷⁷ Бусейна Шаабан — сирийский политик, государственный деятель и советник президента Башара Асада.

⁷⁸ Бусейна Шаабан: Россия — партнер, который борется с терроризмом и помогает Сирии окончить эту войну // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 24.02.2016. URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/buseyna-shaaban/>

рода, должны подчиняться тем же законам, что и все другие граждане. Все очень просто и ясно. Валид Муаллем⁷⁹ в 2020 г. на сессии Генассамблеи ООН заявил⁸⁰, что Автономная администрация северо-восточной Сирии (ААСВС) — сепаратистское движение. Больше обоснований такого подхода содержало заявление министра национального примирения Али Хайдара. Он заявлял⁸¹, что северо-восток Сирии не получит особого управления, поскольку нельзя давать какой-то одной сирийской провинции то, что отличало бы ее от других провинций и этнических меньшинств, и что нельзя создавать прецедент, который может вызвать всплеск сепаратизма. Сирийские проправительственные политологи не видят разницы или какой-то середины между федерализмом и децентрализацией, объявляя децентрализацию иностранным проектом.

В. А. Кузнецов: *Да, существует этот деликатный момент, связанный со словоупотреблением. Действительно, концепции федерализации и автономизации вызывают в Дамаске резко негативную реакцию — и небеспочвенно. Эти концепции ассоциируются с негативным иракским опытом. Схожим образом воспринимается и идея децентрализации («ля-марказийя»), поскольку западные авторы понимают под ней, в основном, именно политическую децентрализацию. В то же время сирийцы вполне благосклонно рассматривают вопросы о развитии местного самоуправления («идара махалийя»), которые по сути своей близки к идее административной децентрализации. Вместе с тем, здесь есть еще и логика трансформации политических режимов. В ходе конфликта, особенно если он выигрывается военным путем, а не через политический компромисс, происходит усиление центростремительных сил и административно-командной системы управления. Именно это наблюдается в Сирии — перевод экономики на военные рельсы, реализация мобилизационной экономики и т. д. В таком контексте любые разговоры о децентрализации также воспринимаются через призму негативного опыта. Возникают понятные опасения, что децентрализация создает возможности встроиться во власть тем, чье инкорпорирование нежелательно.*

А. Г. Аксененок: Соглашусь. Кроме того, именно механизмы военной экономики создают препятствия на пути к выходу из затянув-

⁷⁹ Валид Муаллем — министр иностранных дел и экспатриантов Сирии (2006–2020 гг.).

⁸⁰ Statement by H. E. Walid Al-Moualem, Deputy Prime Minister, Minister of Foreign Affairs and Expatriates of The Syrian Arab Republic at The General Debate of the 75th Session of the United Nations General Assembly. September 26, 2020 // UN. 26.09.2020. P. 5. URL: https://estatements.unmeetings.org/estatemnts/10.0010/20200926/zRoJPMqtsmnf/T6vFeae0M0fh_en.pdf

⁸¹ Syria's Kurdish-led northeast to be treated like rest of country — Syrian minister // Reuters. 04.09.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKCN1LK2HM/>

шегося конфликта, в том числе через какую-то форму децентрализации де-юре. На этой почве во власти и на территориях, неподконтрольных правительству, де-факто процветают влиятельные центры силы и теневые бизнес-структуры, незаинтересованные в переходе к мирному развитию. Хотя в сирийском обществе, в кругах бизнесменов из секторов реальной экономики и среди части государственного аппарата, сформировался запрос на проведение политических реформ, суть которого сводится к тому, что «Сирия не может быть такой, какой она была до войны».

То есть за время войны децентрализация, по сути, произошла, но в своеобразных неконституционных формах. Де-факто сложились четыре или пять гибридных систем местного управления. На территориях, которые находятся под контролем правительства — это более 65% территории Сирии — вопросы местного значения не всегда решаются силами, находящимися в прямом подчинении Дамаска. Эти структуры, связанные с крупным бизнесом и армейскими кругами, содержат контрольно-пропускные пункты, занимаются контрабандой и различными видами сборов, а также сопровождением транспортных конвоев и прочими видами официальной и нелегальной экономической деятельности. Так работает механизм военной экономики с его бенефициарами, заинтересованными в сохранении статус-кво. При этом подобное положение в зеркальном отражении существует и на территориях, неподконтрольных сирийскому правительству. Оппозиция, со своей стороны, считает децентрализацию неотъемлемой частью нового социального контракта и непременным условием политического урегулирования. Тем не менее, курдский вопрос, надо сказать, вызывает у нее меньше всего расхождений с правительством.

Возможно, здесь нам стоит перейти к обсуждению перспектив курдской ААСВС. Это территории к востоку от Евфрата — город Камышлы на северо-востоке, часть провинций Ракка и Дейр эз-Зор. Говоря о том, что возвращения к 2011 г. быть не может, оппозиция в чем-то права. Курды при нынешнем политическом и военном раскладе вряд ли с легкостью отдадут ту власть, которую они сейчас сосредоточили в этом регионе Сирии. Гражданская война и борьба с ИГИЛ* дала им редкую возможность утвердить себя в качестве политического игрока. Большой проект не удался. Сейчас актуален малый проект, и вряд ли они сейчас от него откажутся при всей готовности к компромиссам.

В. А. Кузнецов: *Что собой представлял проект Рожавы?*

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

А. Г. Аксененок: Это курдское название подразумевало формирование курдской «Демократической автономной администрации» вдоль границы с Турцией на севере Сирии вплоть до Ирака и к востоку от Евфрата. Изначально теоретической основой была концепция «демократического конфедерализма», впервые озвученная Абдуллой Оджаланом в 2005 г. с тем, чтобы как-то закамуфлировать проект большого независимого Курдистана. В принципе, нынешняя ААСВС построена на основе этой концепции. Это целая сеть органов местного самоуправления, состоящая из советов разных уровней, которая формируется на выборной основе. В ней действуют все ветви власти — законодательная, исполнительная и судебная. Структура и взаимоотношения между ними регулируются так называемым Уставом «общественного договора», заменяющим конституцию.

В. А. Кузнецов: *Оставаясь в составе своих государств? Или предполагался сецессионизм?*

А. Г. Аксененок: Термин «Рожава» не выглядел открыто сепаратистским, хотя такой вариант, безусловно, не исключался в зависимости от развития военно-политической обстановки. В любом случае, даже если изначально некие иллюзии по этому вопросу и существовали, то уже в середине 2010-х гг. от них в основном отказались. Потом речь шла о широкой автономии в территориальных границах Сирии, но по сути близкой к федеративной форме.

В. А. Кузнецов: *Но ведь формально там все было хорошо?*

А. Г. Аксененок: Формально — да. С началом гражданской войны в Сирии и разрастанием ИГИЛ* курдское движение впало в состояние эйфории. Вновь распространились иллюзии о возможности воспользоваться историческим моментом для осуществления вековых чаяний курдского народа. И, действительно, для курдов все складывалось неплохо и в Сирии, и в Ираке, и даже в Турции, где курдская партия добилась крупных успехов на парламентских выборах. Но в результате целой серии неудач после 2015–2016 гг. (подавление курдов в Турции и ее три успешные операции в Сирии, провал референдума о независимости в Ираке, партийные расколы, поражения курдских отрядов в Иране) первоначальные иллюзии рассеялись. Термин «Рожава» почти не упоминается после того, как территория Сирии под автономным управлением курдской администрации значительно сократилась. Турция обеспокоилась своей безопасностью и, по-видимому, не без оснований. Во многих работах, в том числе исследовательского центра *OMRAN*, не говоря уже о западных исследованиях, отмечается, что представители Курдской рабочей партии

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

очень широко представлены в системе ААСВС, фактически в статусе политических комиссаров, несмотря на то что многие из них даже не сирийцы. Они полностью контролируют принятие решений местными выборными органами, что вызывает большое недовольство не только арабского населения, но и сирийских курдов.

В. А. Кузнецов: *Как Вы думаете, насколько с политической точки зрения реалистична концепция демократического конфедерализма, которую создал и развивал в своих работах Абдулла Оджалан?*

А. Г. Аксененок: С тех пор как эта концепция впервые появилась, она претерпевала значительные изменения. До конца 1980-х — начала 1990-х гг. Демократическая партия Курдистана и ее ответвления в Турции, Ираке, Сирии и Иране придерживались планов образования независимого «Великого Курдистана». Затем на следующем этапе, до начала 2000-х гг., шел процесс пересмотра конечных целей курдского движения как слишком максималистских.

С начала 1990-х гг. Абдулла Оджалан находился под влиянием известного американского радикального ученого-социолога либертарианской направленности Мюррея Букчина, который был антикапиталистом, ярким защитником децентрализации и урбанизации. Основой его воззрений была прямая демократия в организации общества и государства. Абдулла Оджалан озвучил свою концепцию демократической конфедерации в 2005 г., уже будучи в заключении. Суть ее сводилась к тому, что курдская система управления отличается от классической государственности и рассматривается как сеть независимых муниципалитетов.

Однако затем начинается новый этап. В 2016 г. принимается декларация о федерализме, так называемый проект *Рожава*. В рамках этого проекта создается целая сеть автономных администраций на большей части территорий, прилегающей к границе с Турцией вплоть до иракской границы, а затем и на северо-востоке, в Ракке и Дейр эз-Зоре, с общей численностью населения около 3 млн человек. Тогда в истории Курдистана и всего курдского движения наступил крайне важный исторический момент. Возможно, он не привел бы к образованию независимого государства, но по крайней мере курдское движение могло превратиться во влиятельную силу в регионе. Но этого не произошло из-за целого ряда ошибок и разрозненности в рядах курдского руководства.

В Турции в это время курдская партия действовала легально, одерживая внушительные победы на парламентских и муниципальных выборах, в том числе в двух крупных городах — в Стамбуле и Измире. В Ираке сложилась сильная региональная автономия, а правительство Иракского Курдистана, по существу, стало полуне-

зависимым государственным образованием. В это же время в Иране курды перешли к тактике вооруженной борьбы. Что произошло дальше?

После 2015 г. кардинально меняется политика Турции. Курдская партия была фактически распущена, ее лидер Селлахаттин Демирташ оказался в тюрьме, а ряд курдских деятелей вынуждены были эмигрировать. В 2017 г. был проведен референдум о независимости Курдистана в Ираке, ставший результатом крупного стратегического просчета. Проект *Рожавы* в Сирии после трех военных операций Турции оказался безуспешным. Единственное, чем пришлось довольствоваться — ААСВС, образованной при поддержке США в целях борьбы с ИГИЛ*.

То есть Курдистан вполне имел шансы из географического понятия стать понятием политическим, но исторический момент был упущен.

В. А. Кузнецов: *И культурным понятием тоже.*

А. Г. Аксененок: Да, причем в трех государствах. В Иране — в меньшей степени, там политика жестче. Иракские курды многое потеряли: их территория сократилась на 40%, произошло ослабление в военном и политическом плане. Кроме того, прекратились поставки нефти в Турцию, доходы от которых раньше шли в бюджет регионального правительства Курдистана. Поставлялось приблизительно 300 тыс. баррелей в день. Кроме того, был упразднен закрепленный за курдским меньшинством пост вице-президента, а курдские чиновники были уволены из многих местных администраций и из иракского правительства. Фактически, Курдистан уменьшился до Эрбиля и Сулеймании.

В Сирии ошибок было сделано меньше. Тем не менее, проект федерализации, как мне представляется по тому, как идут переговоры курдов с Дамаском, постепенно отходит на задний план. Но курды крепко держатся за концепцию автономии в рамках сирийского государства. То есть сейчас речь идет о том, какая это будет автономия. Между прочим, закон № 107 о местном самоуправлении от 2012 г. значительно расширил полномочия местных органов власти, в том числе в финансовой сфере, но на базе этого закона по всей Сирии выборы так и не проводились. Как он будет применяться на практике пока неизвестно. По опыту отношений с Дамаском доверие курдов к сирийскому правительству практически нулевое, и они прекрасно знают, что в Сирии много проблем именно в правоприменительной области.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

Что касается механизма власти внутри ААСВС, то там есть черты автономии и что-то от проекта «демократического конфедерализма» Абдуллы Оджалана. Сама ААСВС в настоящее время на территории трех сирийских провинций (Хасека, Ракка и часть провинции Дейр эз-Зор) представляет собой единое квазигосударственное образование, имеющее свои выборный Законодательный совет, правительство (Исполнительный совет) и местные органы власти с их низшей ступенью — «народными муниципалитетами»⁸². Политический контроль сверху вниз осуществляется через партию «Демократический союз». Военной основой ААСВС являются Сирийские демократические силы и отряды народных милиций. Причем, как отмечается в исследовании центра *OMRAN*, в качестве политических комиссаров в Автономной администрации работают люди несирийского происхождения — иракские и даже иранские курды из подпольных организаций Рабочей партии Курдистана, что вызывает наибольшее возмущение сирийских курдов.

Что хотят курды в Сирии? Они считают, что пересмотр границ между провинциями по этноконфессиональному признаку для Сирии не подходит. Причина заключается в особенностях географического распределения населения по территории. В отличие от Ирака, в Сирии нет районов с гомогенным составом, за исключением друзов в южной провинции Сувейда. В Сирии нет гомогенного центра и мультиэтнической периферии. Поэтому предложения Дамаска о новом административном делении на 5–7 провинций, где один регион мог быть с курдским большинством, но в рамках закона № 107, они считают нереалистичным.

В. А. Кузнецов: *Что касается проекта Абдуллы Оджалана по созданию автономии через сеть муниципалитетов, политического образования нового типа, то была и другая попытка реализации похожего проекта. Хотя я не уверен, что ее авторы обращались к творчеству Абдуллы Оджалана. Я имею в виду Кабилию начала 2000-х гг., когда там было восстание. Фактически эта область вышла из-под контроля Алжира, и автономия там была представлена советом деревенских комитетов. В отличие от Рожавы, этот опыт не получил такой известности и мало исследован, но, в сущности, идея была очень похожей и сводилась к созданию политического устройства на основе традиционного коммунизма.*

А. Г. Аксенов: По-моему, слова «коммуна» и «коммунальность» больше всего подходят для этого устройства. Это даже не совсем автономия.

⁸² Al Lou S. The Autonomous Administration: A Judicial Approach to Understanding the Model and Experience. Omran Center for Strategic Studies. 2022. 151 p.

В. А. Кузнецов: Основные темы мы уже обсудили, но есть еще два сюжета, которые важны для того, чтобы подытожить наш разговор о децентрализации и федерализации. Если посмотреть на Ирак, то там сначала было противостояние шиитов и курдов против суннитов, потом противостояние между собой всех трех групп. Однако после этого не было консолидации ни в рамках шиитского ареала, ни в суннитском ареале, ни в курдском, где Эрбиль постоянно находится в конфликте с Сулейманией. Возникает вопрос — насколько механизмы федерализации и автономизации в арабском мире и на Ближнем Востоке в целом играют позитивную роль? Или, наоборот, они становятся негативным фактором? Может быть, официальное сирийское правительство небезосновательно считает, что прекраснодушные разговоры о децентрализации — на самом деле просто способ развала политических единств?

А. Г. Аксененок: Есть доводы в пользу и того, и другого. Дело, скорее, в том, как эти доводы соотнести между собой, кто ими пользуется и в чьих интересах. В конечном счете это вопрос о природе власти, о чем мы говорили в первой части наших бесед. Может быть, Башар Асад и прав, но возврат к централизации, существовавшей до 2011 г., будет, более, чем когда-либо раньше, постоянным источником внутренней напряженности. Хотим мы того или нет, но курдский вопрос уже стал неотъемлемой частью сирийского урегулирования.

В опросах общественного мнения в Ираке часто упоминается, что среди молодежи до 35 лет, которая составляет около 70% населения страны, большинство высказывается за децентрализацию. Аналитические исследования различных центров, в т. ч. *Arab Reform Initiative*⁸³ и *OMRAN*⁸⁴, показывают, что проекты децентрализации не отторгаются большинством населения. Однако существует недоверие к государственным институтам. Политическая система, созданная после 2003 г. как альтернатива диктаторскому правлению, не работает на иракской почве. На протяжении двух десятилетий Ирак остается ареной не только межконфессиональных столкновений, но и политической борьбы за доступ к рычагам власти в рамках одной конфессии. Это стало особенно явным после парламентских выборов в октябре 2021 г., итоги которых вызвали уже внутриконтфессиональную фрагментацию, на этот раз среди шиитских партий,

⁸³ Decentralization // Arab Reform Initiative.
URL: <https://www.arab-reform.net/tag/decentralization/>

⁸⁴ Centralization and Decentralization in Syria: Concepts and Practices // Omran Center for Strategic Studies. 2018. URL: <https://omranstudies.org/index.php/publications/books/centralization-and-decentralization-in-syria-concepts-and-practices.html>

милиций и организаций. Муктада ас-Садр, получивший наибольшее количество мест в парламенте по сравнению с его политическими конкурентами и даже противниками из того же «шиитского блока», не смог сформировать правительство, и политический процесс зашел в тупик. В результате к августу 2022 г. Ирак вновь оказался на грани гражданской войны, которую удалось предотвратить огромными усилиями, в том числе путем внешнего посредничества. В этих условиях любые проекты децентрализации, конечно, выглядят контрпродуктивными.

В. А. Кузнецов: *Есть еще один вопрос, который я хотел задать. Он коррелирует с тем, о чем вы сейчас говорили. У испанского философа Хосе Ортега-и-Гассета есть довольно известная работа — «Бесхребетная Испания»⁸⁵. Она начинается с рассуждения, которое на меня когда-то произвело большое впечатление — о происхождении государства. Автор говорит о том, что существует миф о происхождении государства из единого центра. Оно якобы распространяется из одной точки, присоединяя к себе новые территории. Но на самом деле, если мы посмотрим историю всего нескольких государств, то увидим, что это совершенно не так. Большое государство начинается не с импульса из центра, а с объединения нескольких локальных групп. Древний Египет начинался с объединения номов, Рим — с объединения сообществ, живущих на нескольких городских холмах, Испания — с объединения королевств Арагон и Кастилия. Так начиналась и Русь. Мы видим, что в ряде арабских стран государство действительно росло снизу вверх. Так появлялись Йемен и Ливия — через объединение нескольких сообществ, хотя и при участии внешних сил. Но насколько вообще такая схема укрепления и развития государственности применима к арабским странам? Или мы все-таки должны говорить о некоем властном импульсе из единого источника, который потом всех к себе привязывает?*

А. Г. Аксененок: Мне кажется, что если посмотреть на историю образования единых государств в России, в Европе и в Америке в Новое время, то такое объединение происходило все-таки при наличии какого-то главенствующего начала и далеко не мирным путем. Без насилия нигде не обошлось. В России главенствующей силой было Московское княжество, в Германии — Пруссия, в Америке окончательное объединение произошло в результате гражданской войны и победы Севера над Югом. То же самое и в Алжире — после

⁸⁵ Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания: [Сборник: Пер. с исп.] / Хосе Ортега-и-Гассет. — М.: АСТ: Ермак, 2003. — 269 с.

победы национально-освободительного движения Кабилии все же не удалось создать свое независимое государство амазигов.

В. А. Кузнецов: *Более того, даже тем кабилам, которые были в составе Фронта национального освобождения и создали Фронт социалистических сил, пришлось уйти в глубокую оппозицию. Они были маргинализированы.*

А. Г. Аксененок: Мне представляется правильным подход, который содержится во многих исследованиях на этот счет. Децентрализация невозможна без более демократического перераспределения полномочий между ветвями власти внутри самого центра. Чтобы объединение, достигнутое силой, было децентрализовано, нужно пройти определенный этап спокойного исторического развития. То есть вначале должна происходить перенастройка центра на новой, не авторитарной основе, а затем — движение в сторону передачи части полномочий на периферию. Применительно к арабским странам, переживающим последствия социально-политических потрясений после 2011 г., такой подход вряд ли возможен, по крайней мере в среднесрочной перспективе.

В. А. Кузнецов: *Это долгая история на несколько поколений.*

А. Г. Аксененок: В арабском мире перемены происходят на какой-то другой основе. Это не то, что было в период националистического подъема 1950-х — 1960-х гг. Сейчас это уже особая парадигма, которую, возможно, мы еще до конца не уловили.

В. А. Кузнецов: *Получается, что мы снова возвращаемся к вопросу об арабской исключительности. Существует ли она? Если существует, то в чем она заключается, и где ее пределы? Или все разговоры о ней — это просто попытка закрыть глаза на объективную логику политического развития? Мне кажется, чтобы лучше ответить на эти вопросы, нам надо уйти от проблем организации политических систем в функциональном плане, как мы их рассматривали в наши первые встречи, или в территориальном отношении, как мы говорили о них сейчас, и обратиться к совершенно специфической теме, весьма важной для ближневосточного мира, но почти не характерной для мира западного. Я имею в виду вопрос о религии и политике.*

А. Г. Аксененок: Да, это интересная тема для обсуждения.

Диалог № 4: Ислам и политика

Ислам, политический ислам, исламизм: истоки теоретические и исторические

В. А. Кузнецов: Переходим к следующей части нашего диалога — «Ислам и политика, или политический ислам». Первый вопрос очень простой — что такое политический ислам?

А. Г. Аксененок: Ответить на этот вопрос вне контекста самого ислама и термина исламизм было бы затруднительно. Поэтому сначала лучше определить содержание и соотношение таких понятий, как исламизм и политический ислам. Несколько интересных монографий на эту тему опубликовал в последние годы американский исследователь египетского происхождения Шади Хамид. Это «Искушения властью. Исламисты и нелиберальная демократия на новом Ближнем Востоке» (2014 г.)⁸⁶, «Исламская исключительность. Как борьба вокруг ислама переформатирует мир» (2016 г.)⁸⁷ и «Проблема демократии. Америка, Ближний Восток, подъем и падение идеи» (2022 г.)⁸⁸. После того, как исламистские партии показали впечатляющие успехи на парламентских выборах (и президентских в Египте), получив поддержку десятков миллионов избирателей в арабском мире, развернулись дискуссии о попытках ответить на ряд вопросов. Во-первых, почему этот опыт потерпел неудачу? И, во-вторых, как так получилось, что «западные демократии» отторгли те силы, которые пришли во власть в результате свободных выборов?

Что из этого всего можно вынести? Например, Шади Хамид считает, что исламизм и политический ислам — разные явления. В этом есть своя логика, потому что сам термин «исламизм» приобрел негативную коннотацию, в то время как политический ислам — это несколько другое явление. В то же время, возникает вопрос, могут

⁸⁶ Hamid Sh. *Temptations of Power: Islamists and Illiberal Democracy in a New Middle East*. New York, Oxford University Press, 2014. 269 p.

⁸⁷ Hamid Sh. *Islamic Exceptionalism: How the Struggle over Islam is Reshaping the World*. New York, St. Martin's Press, 2016. 320 p.

⁸⁸ Hamid Sh. *The Problem of Democracy: America, the Middle East, and the Rise and Fall of an Idea*. New York, Oxford University Press, 2022. 312 p.

ли представители политического ислама отречься от шариатских канонов, и до каких пределов? Одно дело, когда шариат присутствует в обыденной жизни мусульман, и совсем другое, когда эти нормы распространяются на систему государственного устройства. Сторонники политического ислама не заходят так далеко. Подход Шади Хамида мне представляется правильным. Нельзя представителей политического ислама относить к традиционным исламистам или к радикалам. В то же время, если убрать шариат из политического ислама, то он перестанет быть политическим исламом. Встречаются и другие классификации, которые включают умеренных исламистов, неоисламистов, центристских исламистов и др.

В. А. Кузнецов: Если использовать обобщенное определение, то под политическим исламом мы подразумеваем всю совокупность разных партий и движений, которые стремятся организовать общественно-политическую жизнь на исламских началах. Это самое общее определение.

А. Г. Аксененок: Скорее, общественную жизнь, а не политическую. Потому что, если организовывать политическую жизнь на исламских началах, то это будет традиционный ислам. Я писал об этом в своей статье⁸⁹. Что отличает традиционных исламистов от людей, разделяющих идеи нынешнего политического ислама? Разница между традиционным исламом (духовенством, богословами, проповедниками, философами) и политическим исламом в том, что представители последнего готовы играть по современным правилам в европейских демократиях, то есть в системе светского государства. В свою очередь, в доктринальном плане мусульманская юриспруденция не признает верховенство конституции, а политический ислам — признает. Речь идет лишь о том, до каких пределов распространяется роль шариата в законодательстве. В этом я вижу отличие и между течениями в самом политическом исламе. Одни склонны к большим уступкам, другие — к меньшим в том, что касается формулировок соответствующих статей в конституциях.

Согласно классической трактовке мусульманских правоведов-традиционалистов, конституционная база исламских обществ заложена в самом Коране и определяется системой исламского законодательства, т. е. шариатом. Помимо Корана есть и другие источники шариата, которые тоже должны соблюдаться — Сунна, то есть хадисы, а также принципы консенсуса и аналогии. Эти нормы исламского права образуют в их представлении свод основных демократиче-

⁸⁹ Георгиев (Аксененок) А.Г. Ислам и проблемы развития в государственно-политических систем в мусульманском мире (На примере стран Ближнего и Среднего Востока) // Советское государство и право. № 11. 1982. С. 99–107.

ских прав и обязанностей граждан. А поскольку считается, что они освящены волей Аллаха, то имеют божественное происхождение и сильнее по своему действию, чем созданные человеком. Институт всеобщих выборов отвергается, в основу политического управления положены принципы «шурь» (совещательность) и достойных представителей. Мусульманские правоведы признают равные права всех граждан участвовать в выборах правителя. С другой стороны, они считают это право уделом шариатских богословов (*ахль аль-халь валь-акад*). Именно они наделены полномочиями давать советы правителям, присягать на верность их преемникам от имени мусульманского сообщества, принимать решения о компетенции главы государства и т. д. Часть этого подхода заложена и в иранской концепции «вилаят аль-факих»⁹⁰.

Но дело в том, что в истории исламской государственной практики во времена Арабского халифата эти положения действовали недолго. На этот счет интересны оценки известного востоковеда В. В. Бартольда⁹¹. По его мнению, с конца VII–VIII вв. в Арабском халифате начался отход от теократического характера власти, который существовал при первых праведных халифах. На поверхности поддерживалась фикция того, что халифу принадлежит верховная власть в исламском мире, и все султаны обязаны были получать от него инвеституру. Тем самым власть получала «религиозное обаяние», превращаясь в восточную деспотию⁹².

В. А. Кузнецов: *Это абсолютно верно. Интересно, что спустя несколько десятилетий после того как В. В. Бартольд опубликовал «Работы по истории Ислама и Арабского Халифата», британская исследовательница Патриция Кроун написала две работы, которые вызвали большой скандал⁹³, поскольку в них пересматривались устоявшиеся в историографии представления о раннесредневековом отношении к пророку и халифам. Линия ее размышлений была продолжена американским историком Чейзом Робинсоном. С опорой на источники авторы показали, что в Омейядском халифате уже в VII в., через 50 лет после смерти пророка Мухаммеда, говорилось, что «халиф Аллаха на его земле любезнее ему, чем*

⁹⁰ «Вилаят аль-факих» — шиитская государственно-правовая доктрина, предполагающая верховенство религиозных полномочий факиха (исламского правоведа).

⁹¹ См.: Бартольд В. В. Работы по истории Ислама и Арабского Халифата. — М.: Вост. лит., 2002. — 784 с.

⁹² Бартольд В. В. Работы по истории Ислама и Арабского Халифата. — М.: Вост. лит., 2002. С. 309.

⁹³ Crone P. Slaves on Horses: The Evolution of the Islamic Polity. Cambridge, Cambridge University Press, 1980. 302 p.; Crone P., Hinds M. God's Caliph: Religious Authority in First Centuries of Islam. Cambridge, Cambridge University Press, 1986. 155 p.

пророк»⁹⁴, или «через халифа мы молимся о дожде»⁹⁵. Эти мысли во времена праведных халифов казались бы безумными. Таким образом, идея В. В. Бартольда об отходе от теократического характера власти нашла подтверждение.

Хотел бы обратить внимание на еще один интересный момент, который часто упускают из внимания читатели и аналитики. У нас есть некое устоявшееся восприятие истории политического ислама, которая начинается с того, что Халифат распался, а вся мусульманская умма по нему тоскует и мечтает его воссоздать. В значительной степени это так, но будем смотреть правде в глаза. Хотя Османский халифат был упразднен в 1924 г., король Марокко фактически сохраняет халифский титул до сих пор. Были и другие правители, периодически принимавшие этот титул, причем повсеместно — от Сиджильмасы до Бухары. Т. е. за эти, прошедшие с распада Арабского халифата до сегодняшнего дня, столетия произошла значительная девальвация статуса халифа. А та сакрализация, которая существовала в XX в., была уже ретроспективной — все вспоминали великую Османскую империю и Османский халифат. В реальности, если смотреть на историю халифства как таковую, то она была гораздо сложнее и гораздо менее линейная, чем представляется сейчас.

А. Г. Аксененок: Это действительно так. В этой связи я вспоминаю одну работу другого крупнейшего востоковеда — Бернарда Льюиса. Он тоже изучал эти вопросы с точки зрения того, «что пошло не так в исламе», пытаюсь понять, как вестернизация влияет на психологию арабского мира и как она там воспринимается. Согласно его рассуждениям, традиционные исламисты склонны винить в превосходстве Запада над Востоком, в угнетении мусульман колонизаторами и других бедах мусульманского общества всех, кроме себя самих. Вначале винули монголов, потом турок, империализм, а позже — Израиль и сионизм. Отсюда берет истоки другая школа мысли: а, может быть, сам ислам требует реформации? Но ведь обвинять ислам — харам, никто в арабском мире не может говорить об этом открыто. Это считается ересью.

На эту тему я нашел в кувейтском журнале «Аль-Арабий» интересную дискуссию между исламскими юристами конца 1970–1980-х гг.⁹⁶ В ней приводятся аргументы в пользу течения, названного позднее политическим исламом. Многие просвещенные арабские юристы и сегодня признают, что для ислама нужен переход

⁹⁴ AlBalazuri A. Phrases From The Lineage Of The Nobles (на араб. كتاب جمل من انتساب الاشراف). Vol. VI. P. 295.

⁹⁵ Robinson Ch. F. 'Abd al-Malik. Oxford, Oneworld, 2005. P. 91.

⁹⁶ Журнал «Аль-Арабий» (на араб. العربي). 1980. № 260.

от психологического замыкания на прошлом к более ясному видению будущего. Египетский ученый Камаль Абу Магд писал об этом так: «На наш взгляд, это невозможно без решения целого ряда проблем исламской теории и практики, которые сотни лет остаются в подвешенном состоянии. Одной из таких важнейших проблем является вопрос о системе правления в исламе»⁹⁷.

В. А. Кузнецов: Мы сейчас говорим об общей картине — что такое политический ислам, как он возник и как развивался. А какую эволюцию пережил политический ислам? На мой взгляд, он стал важной политической силой примерно в 1970-е гг., а до этого был довольно маргинальным явлением. И даже в публикациях отечественных востоковедов 1960-х гг. отмечается, что политический ислам — феномен уходящего прошлого, рудимент арабской общественно-политической жизни, а сейчас актуален арабский национализм. Правда, имела место Шестидневная война 1967 г., после которой арабский национализм утратил свою популярность. Эта тенденция продолжилась и в 1970-е гг., в связи с событиями в Афганистане и Иране, нефтяным шоком, обогащением монархий Залива, реформами президента Египта Анвара Садата. Тогда политический ислам выходит на авансцену арабского политического процесса. Но, наверное, главным событием, впервые продемонстрировавшим данное явление во всем могуществе, стало убийство Анвара Садата и захват мечети аль-Харам в Мекке в 1979 г.

А. Г. Аксененок: Но это уже терроризм, воинствующий исламизм. В исламистском движении, представленном сегодня десятками партий и различных организаций, со времени основания движения «Братья-мусульмане»* в 1928 г. не прекращается борьба между сторонниками и противниками насилия, между ниспровергателями власти и теми, кто придерживается постепенного вращивания в социальную ткань общества и его политические структуры. «Братья-мусульмане»* в Египте известны целой серией политических убийств и кампаниями террора, но в то же время они участвовали в парламентских выборах, открывали школы, больницы и кооперативы, а также занимались благотворительной деятельностью. Уже в 1940-е гг. движение превратилось в массовую политическую организацию, распространив свою сеть на Сирию, Иорданию и Палестину.

В. А. Кузнецов: При этом политический ислам стал системным фактором в связи с событиями в другой стране — Алжире — и появлением Исламского фронта спасения.

⁹⁷ Журнал «Аль-Арабий» (на араб. العربي). 1980. № 260. С. 20

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

А. Г. Аксененок: Истоки теоретической базы политического ислама можно найти еще раньше. Думаю, здесь стоит остановиться на некоторых теоретических рассуждениях мусульманских юристов и богословов о том, что необходимо четкое разграничение между твердыми основами исламского устройства государственной власти и мобильными, которые подвержены изменениям. Например, это касается предложения четко отделить нормы в политическом наследии ислама, которые носят обязательный характер для современных мусульман, от тех, которые существовали только в силу исторических обстоятельств и теперь потеряли силу. Основной посыл этого предложения состоит в том, что в исламе существуют только основополагающие принципы государственного устройства. Ислам не создал собственную концепцию государственного устройства, а мусульманская умма не может быть примером. Поэтому неправомерно говорить о возвращении в наше время к какой-то готовой модели, например, системе Арабского халифата.

Хотя Вы правы в том, что, если говорить о политическом исламе как о системном факторе, это, вероятно, было связано с алжирским Исламским фронтом спасения.

В. А. Кузнецов: *Давайте обратимся к нему чуть позже, а сначала несколько слов скажем о самой первой в XX в. исламистской организации — движении «Братья-мусульмане»*. Что это за феномен?*

А. Г. Аксененок: По моему мнению, весь исламизм, при всей его неоднородности, «вышел из шинели» «Братьев-мусульман»*. Если говорить о появлении современного политического ислама, то обычно отсчет ведется от «арабской весны», которая открыла возможности для множества исламистских течений, партий и движений. Всего их, по различным оценкам, насчитывалось до 50 самых разных направленностей. Эти движения участвовали в выборах и получили голоса десятков миллионов избирателей по всему ближневосточному региону. Исламисты этого толка — сохранившие свою религиозно-политическую идентичность, но попытавшиеся добиться власти конституционным путем, через выборы — произвели в то время весьма памятное потрясение, которое, однако, продлилось недолго. Некоторые политологи на Западе даже сравнивали по значимости подъем политического ислама в период «арабской весны» с распространением панарабизма в 1950–1960 гг. Умеренные исламистские партии приравнивались тогда к христианским демократам в Западной Европе. Впоследствии международный интерес к этому феномену замет-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

но упал. Неожиданный взлет ИГИЛ* — международного терроризма под лозунгами джихада и построения «исламского халифата» — сослужил умеренным исламистам, да и исламу в целом, дурную службу. Но до сих пор в Алжире, Марокко, Иордании, Кувейте, Ливане, Ливии и ряде иных стран политический ислам представляет легальное политическое течение, хоть и в значительной степени маргинальное.

Если говорить об истории и эволюции движения «Братья-мусульмане»*, думаю, не будет преувеличением отметить, что оно, при всей имеющейся страновой специфике, наложило свой отпечаток на Исламский фронт спасения в Алжире, а также на исламистские движения в Египте, Сирии, Тунисе и Марокко. История «Братьев-мусульман»* и вышедших из него исламистских партий и течений — это история непрерывного внутреннего противоборства в самом движении. Здесь было многое — насилие, теракты, самоуверенность и наивность, искренняя вера в социальную справедливость, революционный идеализм и попытки мирным путем войти во власть. Примечательно, что в Египте представитель «Братьев-мусульман»* впервые стал президентом страны. Мне представляется, что в описании этого многомерного противоречивого явления, этой трагической истории вечной борьбы противоположностей не может быть черно-белых оценок.

В. А. Кузнецов: *Насколько понятия «политический ислам» и «насилие» взаимосвязаны, и насколько одно предполагает другое? Возможен ли политический ислам без насилия?*

А. Г. Аксененко: Из опыта 25 лет работы за рубежом на дипломатической службе, а также из литературы о революциях, насилии и политическом исламе, у меня сложилось представление, что связь политического ислама и насилия не во всем зависит от исламистов. Многое зависит еще и от действий самой власти, а также от ее реакции на те или иные события. Возьмем, к примеру, Египет в первые два года после революции «Свободных офицеров» в 1952 г. и сравним его с ситуацией в этой стране в 2013–2014 гг., после нового прихода армии к власти. В первом случае репрессии были ответом властей на переход «Братьев-мусульман»* к тактике террора. Во втором же случае руководство «Братьев-мусульман»* призывало своих сторонников к ненасильственным действиям.

Разгром «Братьев-мусульман»* в 1954 г. был прямым следствием их неправильной оценки текущей обстановки, общественных настроений, а также возможностей египетских «Свободных офицеров».

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

Поначалу многим даже казалось, что «Свободные офицеры» представляли интересы «Братьев-мусульман»*, которые на тот момент были единственной организованной и массовой политической силой. После Июльской революции в Египте в 1952 г. «Братьям-мусульманам»* предложили участие в правительстве. Они, в свою очередь, потребовали, чтобы верховный руководитель движения имел право санкционировать законодательные акты нового режима с тем, чтобы обеспечить его «исламскую ориентацию». О том, как складывались отношения «Братьев-мусульман»* с президентом Египта Гамалем Абдель Насером, писал, в частности, советский востоковед Олег Ковтунович⁹⁸ в своей монографии «Революция Свободных офицеров в Египте»⁹⁹.

В. А. Кузнецов: *То есть фактически верховный руководитель движения должен был быть поставлен на место конституционного судьи?*

А. Г. Аксененок: Да, именно так. Кстати, потом президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси в 2013 г. искусно использовал конституционные рычаги против нового поколения тех же «Братьев-мусульман»*.

В 1952–1954 гг. исламисты, конечно, преувеличили свои возможности, полагая, что можно манипулировать неискушенными в политике офицерами, которые совершили военный переворот. Их чрезмерные требования были решительно отклонены, а в правительство вошел только Хасан аль-Бакури как министр по делам вакфов. После своего назначения, он, правда, порвал с «Братьями-мусульманами»*. Это и есть искушение властью.

Тем временем печальная история отношений Гамала Абдель Насера и «Братьев-мусульман»* продолжалась. В декабре 1952 г. новые власти отменили конституцию и назначили Конституционную ассамблею из 100 человек, среди которых было три представителя «Братьев-мусульман»*. Верховный руководитель ассоциации Хасан аль-Худайби потребовал провести плебисцит, во время которого население Египта должно было высказаться по вопросу о том, какое законодательство оно предпочитает — по мусульманскому образцу или по западному. Одновременно «Братья-мусульмане»* предложили

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

⁹⁸ Олег Витальевич Ковтунович — известный советский арабист и дипломат. Он был личным переводчиком Н. С. Хрущева во время его визита в Египет на торжественную церемонию открытия Высотной Асуанской плотины. Много лет проработал в Каире, Багдаде и Дамаске. В 1979–1986 гг. О. В. Ковтунович работал в Институте востоковедения АН СССР.

⁹⁹ Ковтунович О. В. Революция Свободных офицеров в Египте. — М.: Наука, 1984. — 161 с.

создать комитет, в который вошли бы члены ассоциации, и который рассматривал бы все законы до их вступления в силу. Гамаль Абдель Насер, естественно, отклонил эту инициативу. Буквально через год после неудавшейся попытки покушения на Гамалю Абдель Насера в Александрии в отношении руководства движения были приняты жесточайшие меры. Начались репрессии: около десяти человек было казнено. Кроме того, были обнаружены колоссальные склады оружия. Движение на долгие годы оказалось подавлено.

В. А. Кузнецов: *Мне кажется, что склады оружия было не так уж и сложно обнаружить, учитывая, что многие члены организации «Свободные офицеры» были прочно связаны с «Братьями-мусульманами»* и могли обладать такой информацией. Та конфигурация власти, которую предлагали «Братья-мусульмане»*, была очень необычной. С одной стороны, они предлагали ввести выборы, конституцию и другие демократические институты. С другой стороны, они планировали поставить над этими институтами руководителей движения «Братья-мусульмане»*, которые должны были следить за их соответствием фикху¹⁰⁰, шариату и т. д.*

Интересно, что политическая система, которая была введена в Иране после Исламской революции 1979 г., базируется на тех же основаниях. В Иране действует избирательная система, над которой стоит «вилаят аль-факих». В какой степени иранские власти заимствовали опыт «Братьев-мусульман»?*

А. Г. Аксененко: Эта ассоциация по своей логике вполне уместна. Ведь в политической системе Ирана действительно существуют формальные элементы демократической формы правления, такие как выборы, парламент, институт президентства, и даже политический плюрализм. Но на вершине властной пирамиды стоит рахбар — лидер с практически неограниченными полномочиями. Он избирается пожизненно Советом экспертов, формирующимся путем прямых общенациональных выборов. Президент в этой системе — фактически второе лицо в государстве. Другая страховка от нарушения исламского характера власти — Наблюдательный совет, состоящий из двенадцати членов, который рассматривает законы, принятые Меджлисом, на предмет их соответствия положениям шариата и конституции¹⁰¹.

Механизм власти, выстроенный в Иране во всех его сложных переплетениях, как Вы правильно заметили, по содержанию переключи-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹⁰⁰ Фикх — мусульманская доктрина о нормативной части шариата.

¹⁰¹ Манучихри А. Политическая система Ирана. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. — 240 с.

кается и развивает на современный лад то, на чем настаивали египетские «Братья-мусульмане»*, — сохранение теократического характера государственности не только силой, но и легалистским путем.

В. А. Кузнецов: *Подавление «Братьев-мусульман»* в Сирии вписывается в логику отношений с властями по принципу «на каждое действие есть противодействие», о которой Вы говорили ранее?*

А. Г. Аксененок: Конечно, жестокость и непропорциональное применение силы не подлежат оправданию, но взятие Хамы в 1982 г. и подавление исламистского восстания произошли не спонтанно. Еще с середины 1970-х гг. сирийские «Братья-мусульмане»* вели кампанию политических убийств и других актов террора, пиком которой стало убийство в 1979 г. кадетов артиллерийского училища в Алеппо, большинство из них были алавитами. В ответ на это сирийский спецназ под командованием брата президента Рифаата Асада казнил около тысячи исламистов в тюрьме Пальмиры. На севере Сирии, в свою очередь, развернулось повстанческое движение. То есть решение применить армию с танками и артиллерией Хафез Асад принял не спонтанно. Похоже, что в 1982 г. другого способа прервать порочный круг насилия у сирийских властей уже не было. И здесь во главе угла была не проблема терроризма, а защита жизненных интересов алавитского меньшинства.

В. А. Кузнецов: *Какую реакцию это тогда вызвало в сирийском обществе?*

А. Г. Аксененок: Сирийское общество находилось в подавленном состоянии, погрузившись в атмосферу страха. К тому же напряженная внутренняя обстановка отягощалась событиями в Ливане, где Сирия участвовала в гражданской войне, а также начавшимися прямыми столкновениями с Израилем. Но, пожалуй, самым сильным испытанием для президента Сирии стал конфликт с претендовавшим на власть Рифаатом Асадом, который завершил его «почетной ссылкой» за границу. Современных информационных технологий тогда не существовало, но по Дамаску ходили тревожные слухи. Любые признаки раскола в верхах воспринимались правящей элитой как экзистенциальная угроза.

В. А. Кузнецов: *Почему и в случае с Египтом, и в случае с Сирией власти приняли решение уничтожить противников, а не попытались их кооптировать?*

А. Г. Аксененок: Первая попытка такой кооптации была предпринята в Алжире. Президент Шадли Бенджедид в конце 1980-х гг. ввел многопартийность, тем самым фактически обозначив курс на

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

создание коалиции с участием умеренного крыла Исламского фронта спасения. Как партия это движение было зарегистрировано только в 1989 г., незадолго до парламентских выборов. Кстати, то, что сейчас происходит в Алжире, похоже на ту кооптацию, которая в то время не удалась. Президент Египта Гамаль Абдель Насер в первые два года после Июльской революции 1952 г. тоже пытался привлечь исламистов к сотрудничеству, в частности, предлагал им войти в правительство. Ассоциация «Братья-мусульмане»* не попала под запрет политических партий, а многие ее члены даже были амнистированы. Но когда в ответ на отклонение их требований исламисты начали кампанию против нового правительства и приступили к созданию своих ячеек в армии, полиции и профсоюзах, сподвижникам Гамалю Абдель Насера стало понятно, что все партии, которые остались от старого режима, представляют опасность.

В. А. Кузнецов: *И в этом противостоянии не было пространства для политического торга?*

А. Г. Аксененко: Гамаль Абдель Насер быстро исчерпал возможности для торга и пошел по пути создания собственной массовой опоры в виде авангардной политической организации. Этот процесс прошел несколько этапов. И даже потом, когда появился Арабский социалистический союз¹⁰², он продолжал оставаться большим аморфным объединением и частью государственной бюрократической машины. В 1970-е гг. Анвар Садат попытался реформировать этот демократический фасад в рамках объявленной им политики «открытости» и «управляемой демократии». Трибуны, созданные внутри Арабского социалистического союза, уже при Хосни Мубараке преобразовались в партии. Правящая Национально-демократическая партия, наследница Арабского социалистического союза, в результате парламентских выборов 2010 г. практически полностью монополизировала законодательную власть, но быстро теряла свой политический вес. Так продолжалось вплоть до известных событий на площади Тахрир в январе–феврале 2011 г.

В Сирии ситуация была несколько иная. Там кооптация была невозможна в силу природы самой партии «Баас», которая по своему характеру была монополистом власти. Это один из основополагающих принципов правления партии. Даже сейчас, по завершении активной фазы боевых действий, у сирийских властей есть желание реабилитировать старую систему Прогрессивного национального фронта с фактической монополией на власть.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹⁰² Арабский социалистический союз — правящая и единственная легальная политическая организация Египта в 1962–1977 гг.

Пока в Сирии не видно признаков того, что этот образ мышления и эти способы сохранения власти меняются. Есть также пример несколько иной связи власти и обязательности применения насилия — это события в Египте в 2013 г. У египетских военных все-таки тогда не было достаточно оснований для того, чтобы применять насилие на площади у мечети Рабиа аль-Адавия. За несколько дней на этой площади было убито больше тысячи человек. Об этом, и о действиях американской дипломатии в то время, подробно рассказывал Уильям Бернс в своей книге «Невидимая сила. Как работает американская дипломатия»¹⁰³, который в то время занимал пост заместителя Государственного секретаря США по политическим вопросам и в этом качестве выполнял в Каире посредническую миссию. Он писал, что Абдель Фаттах ас-Сиси «упрямо не соглашался с компромиссными предложениями о мирном разрешении внутреннего конфликта, не доверяя “Братьям-мусульманам”^{*} и не желая поступаться своим положением»¹⁰⁴. В том конкретном случае насилие было действительно неоправданным и чрезмерным.

Моя мысль сводится к тому, что физические законы действия и противодействия или симметричного ответа применимы и в политике. Если проследить историю «Братьев-мусульман»^{*}, то эти законы все время работали то в одну, то в другую сторону. Поэтому вряд ли корректно представлять их отношения с властями в черно-белом свете.

В. А. Кузнецов: Большой исследовательский интерес представляют связи египетского руководства середины XX в. с «Братьями-мусульманами»^{} до революции 1952 г. Насколько эти связи были тесными? Можно ли сказать, что «Свободные офицеры» и «Братья-мусульмане»^{*} были просто союзниками, или это были более крепкие отношения?*

А. Г. Аксененок: По молодости Гамаль Абдель Насер, Анвар Садат и многие другие члены организации «Свободных офицеров» находились под влиянием мировоззрения «Братьев-мусульман»^{*}. Например, Халед Мохи эд-Дин, ближайший друг и сподвижник Гамалья Абдель Насера левого толка, в своих воспоминаниях писал, что Насер в 1940-х гг. недолго был членом не только организации «Братья-мусульмане»^{*}, но и ее так называемого секретного аппарата. Он ссылается на рассказ самого Гамалья Абдель Насера: «Нас провели в

¹⁰³ Бернс У. Невидимая сила. Как работает американская дипломатия. — М.: Альпина паблишер, 2020. С. 217–218.

¹⁰⁴ Там же.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

темную комнату, где мы слышали голос и где мы положили руку на Коран и винтовку и повторяли вслед за этим голосом клятву верности “в хорошее или плохое время, в радости или в горести” соблюдать верность Хасану аль-Банне¹⁰⁵ (муршиду¹⁰⁶), присягая Корану и Сунне Пророка»¹⁰⁷. Анвар Садат, который в 1970-х гг. проводил репрессивную политику в отношении «Братьев-мусульман»*, в молодости тоже имел с ними тесные связи. Как писал Шади Хамид, в 1940 г., в день рождения пророка Мухаммеда, Хасан аль-Банна впервые встретился с молодым Анваром Садатом, который и после этого, в отличие от Гамалея Абдель Насера, поддерживал более длительную связь с движением. Сам Анвар Садат вспоминал, что в молодости восхищался Хасаном аль-Банной, и что этот человек был для него, как «святой». Для него было очень странным то, что аль-Банна «был теологом с чувством реальности, человеком религии, который не отрывался от фактов»¹⁰⁸. В то время Хасану аль-Банне было 33 года, а Анвару Садату только 21.

В. А. Кузнецов: *Если на момент той встречи в 1940 г. Хасану аль-Банне было 33 года, значит, в марте 1928 г., когда он основал организацию...*

А. Г. Аксенонок: Ему был всего 21 год.

В. А. Кузнецов: *Хотелось бы сделать замечание. Я не подвергаю сомнению то, что писали Халед Мохи эд-Дин и Анвар Садат, но мне кажется, что образ политически мыслящего и прагматичного теолога восходит к образу самого пророка. Это, вероятно, связано с тем, что самому Мухаммеду нельзя было отказать в политической трезвости. Это некий образец, с которым соотносился в т. ч. и Хасан аль-Банна.*

В контексте нашего разговора про «Братьев-мусульман» стоит упомянуть, что в Египте был президент, который представлял это движение. Возникает вопрос — как мы можем оценивать столь короткий период пребывания «Братьев-мусульман»* у власти? С одной стороны, это и по российскому, и по нынешнему египетскому законодательству — экстремистская организация. С другой стороны, нельзя отрицать, что эта экстремистская организация при-*

¹⁰⁵ Хасан аль-Банна — египетский политический деятель, исламский проповедник, основатель религиозно-политической ассоциации «Братья-мусульмане» (организация, деятельность которой запрещена в России).

¹⁰⁶ Муршид — духовный наставник (в суфизме).

¹⁰⁷ Moheiddin K. *Memories of a Revolution: Egypt 1952*. Cairo, The American University in Cairo Press, 1995. P. 22.

¹⁰⁸ El Sadat A. *Revolt on the Nile*. New-York, John Day, 1957. P. 29.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

шла к власти в результате свободных демократических выборов, к чему российское руководство вполне адаптировалось и оказалось способно развивать отношения с новым египетским правительством. Сейчас в Египте по понятным причинам есть тенденция негативно оценивать и Мухаммеда Мурси, и период его правления в целом. Но все же, что это был за период, и что за президент был Мурси?

А. Г. Аксененок: Очень интересный вопрос. Оценки разбросаны в самом широком диапазоне — от «узурпатора власти» (несмотря на то, что он пришел к власти в результате демократических выборов) до «мученика». Мне кажется, что вся палитра взглядов на его личность, история его прихода к власти и особенность того политического момента еще недостаточно изучены. Ведь по прошествии десяти лет, уже после того как «Братья-мусульмане»* были загнаны в подполье, а Мухаммед Мурси умер в тюрьме, среди членов этой организации в изгнании идут дискуссии — почему все это произошло, какие ошибки совершило движение? Эти дискуссии идут в том числе вокруг соотношения между умеренностью и радикализмом и о противоречиях внутри движения «Братья-мусульмане»*. Умеренное крыло руководствовалось концепцией градуированности, выраженной в словах Хасана аль-Банна еще в 1939 г.: «Я не соглашусь с тем, кто хочет собрать фрукты, пока они не созрели, или сорвать цветы, пока они не расцвели»¹⁰⁹. После разгрома движения в 2013 г. произошел разрыв между теорией градуированности и политической практикой. Это уже упомянутое нами искушение властью. «Братья-мусульмане»* об этом говорят, ретроспективно анализируя ошибки тех лет. Они видят противоречие между понятиями «движение» и «партия». Цель движения заключается в постепенном вращении в социальную ткань общества, которое достигается терпеливой работой с людьми из всех слоев общества и на всех уровнях. В свою очередь, цель любой оппозиционной партии — приход к власти. И одной из своих ошибок «Братья-мусульмане»* считают погоню за победой на выборах и свое увлечение сбором как можно большего числа голосов. Тот же выбор в свое время стоял и перед партией «Ан-Нахда» в Тунисе. Но ее руководство приняло мудрое решение и отказалось выдвигать своего кандидата в президенты Туниса.

В. А. Кузнецов: В Тунисе среди сторонников «Ан-Нахды» до сих пор очень популярна версия, что лидер партии Рашид аль-Ганнуши после египетской революции, которая произошла в январе 2011 г., посетил Египет, чтобы убедить «Братьев-мусульман»* не монополизи-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹⁰⁹ Hamid Sh. Islamic Exceptionalism: How the struggle over Islam is reshaping the world. New York, St. Martin's Press, 2016. 90 p.

ровать власть, и ссылаясь на стратегию Хасана аль-Банни, а также на свой собственный политический опыт. Он говорил, что в случае попытки монополизировать власть «Братья-мусульмане»* все потеряют, и поэтому нужно согласиться на *power sharing*¹¹⁰. Но у Рашида аль-Ганнуши, согласно этой версии, не получилось их уговорить.

На многих экспертных встречах в России наши коллеги после январской революции в Египте высказывали предположение, что «Братья-мусульмане»*, скорее всего, не будут претендовать на абсолютное большинство в парламенте. Затем высказывалась точка зрения, что это движение, вероятно, не будет выдвигать своего кандидата на должность президента страны. В этом, безусловно, была своя логика, так как в случае монополизации власти данным движением возникало очень много вопросов. Во внешней политике они касались Израиля и ХАМАС, во внутренней — отношений с армией, из-за чего, «Братья-мусульмане»*, собственно, и потеряли власть. Но самый главный вопрос касался экономических реформ, и выхода из той экономической ситуации, в которой оказался Египет.

А. Г. Аксененок: Приходится признать, что мы ошибались, недооценивая так называемое искушение властью, через которое пришлось пройти «Братьям-мусульманам». Что касается правления Мухаммеда Мурси, то многие из сторонников политического ислама в арабском мире говорят, что опасения либералов в основном объяснялись ожиданием худшего из того, что исламисты могли бы сделать. Но был ли Мурси радикалом? Как руководитель государства он был недостаточно компетентным, не имел управленческого опыта, и даже сами «Братья-мусульмане»*, как известно, считали его выдвижение на пост кандидата импровизацией. Они называли его «запасным колесом» после того как Высшая избирательная комиссия сняла с предвыборной гонки одного из лидеров движения Хейрата аш-Шатера¹¹¹. Мухаммед Мурси также не был харизматичным, что в

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹¹⁰ В пер. с англ. — «разделение власти». Чаще всего подразумевается в контексте урегулирования конфликта посредством инкорпорации различных групп в политическую структуру государства.

¹¹¹ Мухаммед Хайрат аш-Шатер — египетский бизнесмен и политический деятель. Будучи одним из лидеров египетского отделения «Братьев-мусульман» (организация, деятельность которой запрещена в России) аш-Шатер был выдвинут от Партии свободы и справедливости в качестве кандидата в президенты на выборах 2012 г., но был снят с выборов избирательной комиссией. Ранее он занимал пост заместителя председателя организации «Братья-мусульмане» (организация, деятельность которой запрещена в России). Во время правления Хосни Мубарака аш-Шатер был приговорен к тюремному заключению на четыре года, был освобожден после февральских событий 2012 г. без формального снятия с него обвинения. После прихода к власти в Египте Абдель Фатгаха ас-Сиси в 2013 г. аш-Шатер был арестован и приговорен к пожизненному заключению.

глазах многих египтян само по себе считалось минусом. Но он все-таки работал с прежним госаппаратом и армией, которая умело использовала против «Братьев-мусульман»*, находившихся в эйфории, и административный, и конституционный суды. Все же в Египте юриспруденция еще со времен британского мандата оставалась очень влиятельным фактором. Немаловажно и то, что в Египте не было как таковых люстраций, какие были, например, в Восточной Европе. Так же, как не были приняты те шариатские законы, которых так опасалась светская часть общества.

В. А. Кузнецов: Мне кажется, что есть еще один важный момент. Мухаммед Мурси с его опытом работы в НАСА был приемлемой фигурой для Запада. В той или иной мере Мурси был интегрирован в круги мировых интеллектуалов, и он не был просто религиозным лидером. Это тоже существенно. Скорее всего, проблема была в том, что он не до конца понимал, как работает египетский политический аппарат. У меня есть такое ощущение.

А. Г. Аксененок: Совершенно верно. Военные, кстати, понимали это лучше, чем Мурси.

В. А. Кузнецов: Так они и составляли этот политический аппарат.

А. Г. Аксененок: Конечно, они манипулировали этим аппаратом, в том числе судебной системой. В итоге армии удалось переиграть «Братьев-мусульман»* в правовом поле.

Триумф исламистов на парламентских выборах в январе 2012 г. мало что изменил. Реальные рычаги власти по-прежнему оставались в руках Высшего совета вооруженных сил в условиях, когда временные рамки переходного периода и последовательность демократических процедур не были четко установлены. К маю 2012 г. стало понятно, что конституционный процесс зашел в тупик, и противостояние двух центров силы — армии и набравших политический вес исламистов — достигло своего пика. В этот момент Административный суд Каира принял решение о роспуске Конституционной комиссии (Комитет-100) на том основании, что его состав не отражает социально-политического разнообразия египетского общества. В июне 2012 г., накануне второго тура президентских выборов, Высший совет вооруженных сил также распустил нижнюю палату парламента и внес поправки в Конституционную декларацию, которые наделили военных расширенными полномочиями, в том числе правом формировать состав будущей Конституционной комиссии.

Таким образом, в июне 2012 г. Мурси пришел к власти демокра-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

тическим путем, но стал президентом с урезанными и несколько непонятными полномочиями. Парламент, в котором исламисты имели квалифицированное большинство, просуществовал всего около шести месяцев, а страна некоторое время оставалась без конституции. Окончательная передача власти от армии к гражданским институтам планировалась после разработки проекта новой конституции и проведения новых парламентских выборов.

Однако формальное двоевластие продолжалось не более двух месяцев после выборов президента. В августе 2012 г. президент Египта предпринял неожиданный ответный ход. Он издал указы об отставке министра обороны, начальника Генштаба, а также ряда других высших офицеров, и произвел новые назначения среди генералитета. Теми же указами была отменена принятая ранее военными Конституционная декларация, а к президенту перешел контроль за разработкой проекта новой конституции. Объясняя свои решения, Мухаммед Мурси призвал армию сосредоточиться на выполнении своей главной задачи — «священной миссии по защите родины»¹¹². Таким образом, эти указы стали реакцией исламистов как новой власти на неправомерные, по их мнению, шаги военных в правовом поле. Кроме того, исламисты продемонстрировали военным способность вывести людей на улицу: в египетских городах начались массовые выступления. Вместе с тем репрессии, начавшиеся после «второго пришествия» военных к власти в июле 2013 г., носили беспрецедентный характер и были гораздо более масштабными, чем в 1950–1960-е гг. во времена правления Гамалы Абдель Насера.

В. А. Кузнецов: *А почему?*

А. Г. Аксененок: По данным, которые приводит в своей книге Шади Хамид, ближайшее окружение предупреждало Мухаммеда Мурси, что с Абдель Фаттахом ас-Сиси нужно быть осторожнее. Но они часто молились вместе, и Мурси чувствовал, что этот генерал — верующий. Такой была его эмоциональная субъективная оценка. К тому же во время учебы в США, в военном колледже Пенсильвании, ас-Сиси защитил диссертацию, в которой отстаивал тезис об уважении Западом победы исламистских партий в ходе демократических выборов. Он писал, что вызов состоит в том, сможет ли весь остальной мир принять демократию на Ближнем Востоке, основанную на ислам-

¹¹² Аксененок А. Г. Египет: особенности переходного периода. Ближний Восток // Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. — М.: ИВ РАН, 2012. С. 219.

ских ценностях¹¹³. Мухаммед Мурси оказался слишком доверчивым.

В. А. Кузнецов: *Мне кажется, что это свойственно религиозно ориентированным лидерам.*

А. Г. Аксененок: В то же время остается вопрос, почему все-таки Абдель Фаттах ас-Сиси пошел на военный переворот? Я вижу в этом свидетельство того, что он как бывший руководитель военной разведки полностью осознавал степень реального влияния «Братьев-мусульман»* и раскола в обществе. Мухаммед Мурси победил на президентских выборах с разницей всего в 3% голосов. В этих условиях ас-Сиси как военный принял решение действовать жестко и бескомпромиссно, хотя соотношение сил и психологическая атмосфера в обществе за короткий период правления Мурси, всего один год (июнь 2012 г. — июнь 2013 г.), начала меняться не в пользу исламистского правления.

В. А. Кузнецов: *Мне кажется, что здесь есть еще один важный аспект, связанный с биографией Абдель Фаттаха ас-Сиси. Он на протяжении многих лет был военным атташе в Саудовской Аравии и был прочно связан с саудовскими элитами. Ас-Сиси, безусловно, религиозный человек. В этом нет сомнений. Но он религиозен не так, как «Братья-мусульмане»*. С большой вероятностью на него оказали влияние некоторые саудовские традиции.*

А. Г. Аксененок: К тому же известно, какие враждебные отношения связывают ваххабитов с «Братьями-мусульманами»*.

В. А. Кузнецов: *Мне кажется, что эти детали важны, так как они показывают, что Абдель Фаттах ас-Сиси безусловно не мог быть абсолютно «своим» для «Братьев-мусульман»*. Другой вопрос, что, наверное, Мухаммед Мурси видел какой-то путь объединения, потому что пытался стать президентом не только для «Братьев-мусульман»*.*

А. Г. Аксененок: Сразу после избрания Мурси выступил перед многомиллионной толпой с речью¹¹⁴, в которой объявил о своем выходе из партии, чтобы стать «президентом всех египтян». И все же демократически избранный президент Египта был смещен в результате прямого вмешательства армии. Невольно напрашивается параллель с событиями 1991–1992 гг. в Алжире. Но в отличие от Алжира второй приход армии к власти в Египте в июле 2013 г. происходил на

¹¹³ Hamid Sh. Islamic Exceptionalism: How the struggle over Islam is reshaping the world. New York, St. Martin's Press, 2016. 320 p.

¹¹⁴ 'Don't obey me if I don't fulfill promises': President-elect Morsi tells Egyptians // Ahram Online. 24.06.2012. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/36/122/46087/Presidential-elections-/Presidential-elections-news/Dont-obey-me-if-I-dont-fulfill-promises-Presidente.aspx>

фоне многомиллионных выступлений с призывами к армии совершить «революцию против тех, кто украл революцию» и «свергнуть исламскую диктатуру». Разлом между исламизированной частью общества, находящегося под влиянием «Братьев-мусульман»*, и остальным не менее многочисленным населением из мусульман и христиан, не принявшим исламизацию, вылился в «противостояние площадей». Отстранение египетского президента состоялось, как считают «секуляристы», по призыву народа и под сильнейшим давлением снизу, сопоставимым по своей критической массе с январской революцией 2011 г., которая, собственно, и привела исламистов к власти. Действия военных не вписываются в черно-белую парадигму «переворот против демократии» или «движение в защиту демократии» просто потому, что демократии в Египте не было.

В. А. Кузнецов: *Наверное, только мемуаристы и историки когда-нибудь смогут ответить на вопрос, в какой момент ас-Сиси принял решение о том выборе, который он сделал. Но пока это остается неизвестным.*

А. Г. Аксененок: Видимо, совокупность всех факторов, о которых мы говорили, привела в итоге к двум революциям в Египте. Интересно, что от лозунгов «армию в казармы» до требований свержения «исламистской диктатуры» прошел всего один год.

В. А. Кузнецов: *Вопрос, конечно, остается открытым: был ли у ас-Сиси после 2013 г. другой путь в проведении политики в отношении «Братьев-мусульман»* — менее репрессивный и более кооптирующий? Потому что спустя девять лет после прихода к власти, в 2022 г., он объявил о запуске национального диалога, начал отпускать политзаключенных. Но при этом подчеркивается, что в национальном диалоге не предполагается участия «Братьев-мусульман»*.*

Исходя из тунисского опыта, я думаю, что в те нарративы, которые мы сейчас слышим от египетских властей о полном искоренении «Братьев-мусульман», вряд ли можно поверить. Да, это вопрос именно веры. Но схожие тезисы продвигались и в Тунисе по поводу «Ан-Нахды» при Зин аль-Абидине Бен Али. А потом настал 2011 г., и за два-три месяца у «Ан-Нахды» появилось около 500 отделений по всей стране. Они же не из воздуха взялись. То же самое произошло и с «Братьями-мусульманами»* в Египте. За них проголосовали десятки миллионов египтян. Кто-то из них был оппортунистом, но все же считается, что порядка 15 млн граждан — прочное электоральное ядро этого движения. Хотя после событий*

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

в июле 2013 г. кто-то и уехал, большинство осталось. И не только в тюрьмах: многие ушли в подполье или заявили на публику о разрыве связей с организацией.

А. Г. Аксененок: Вся злая ирония этого уникального трехлетнего периода в истории Египта, 2011–2013 гг., состоит в том, что многомиллионные демонстрации египтян привели «Братьев-мусульман»* к власти, и такие же многомиллионные демонстрации позволили военным их свергнуть. Мне это напоминает реакцию людей на объявление о вступлении России в Первую мировую войну, когда народ на Дворцовой площади на коленях благословлял Николая II. Что произошло через три года мы все знаем. А между торжественным вступлением Иисуса в Иерусалим и Голгофой прошло еще меньше времени.

В. А. Кузнецов: Народная любовь изменчива. Когда я задал вопрос про кооптацию, Вы упомянули самый первый и самый яркий пример попытки кооптации исламистов в политическую систему — это опыт Алжира. Складывается ощущение, что в последние годы все драматические последствия ситуации в Алжире в 1990-е гг. исчезли из поля зрения. На самом деле это были очень важные события, и мне кажется, что они сыграли ключевую роль в развитии политической истории в арабском мире в 1990-е и 2000-е гг. Для многих арабских лидеров, таких, как Хосни Мубарак и Зин аль-Абидин Бен Али, чудовищный алжирский опыт «черного десятилетия» стал своего рода прививкой против любых демократических преобразований. И в то же время обращение к алжирскому опыту давало возможность политическим системам этих стран просуществовать до 2011 г., так как всегда была возможность сказать Западу: «Мы, конечно, не идеальны, но неужели вы хотите, чтобы у нас было, как в Алжире?».

Давайте обсудим Исламский фронт спасения и алжирские события. Что это было? С чего начинался Исламский фронт спасения? Это ведь не то же самое, что «Братья-мусульмане».*

А. Г. Аксененок: Здесь есть и сходства, и различия. Исламский фронт спасения — это неоднородное социально-политическое движение алжирских исламистов. Впрочем, такое же неоднородное, как и «Братья-мусульмане»*. Социальная база, у них, похоже, одинаковая — в Алжире это образованная городская молодежь, студенты, интеллигенция, средний класс. В Египте — тоже, хотя средний класс был не так уж и развит. В социальную базу Исламского фронта спасения также входила мелкая буржуазия и бедные мигранты из деревень. По некоторым неофициальным данным, 40%

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

из 24 млн населения Алжира были моложе 15 лет. Городское население составляло более половины, в то время как безработица превышала 20%¹¹⁵. То есть алжирская городская молодежь сталкивалась с большими жизненными трудностями. Алжирское слово «хиттист» относится к молодым людям, которые проводили время, сидя на корточках вдоль городских стен. Меня порой даже ужасал их ожесточенный, злой взгляд. Социальная напряженность начала перерастать в политическую после того как в середине 1980-х гг. резко сократились доходы от нефтегазовой отрасли, которые тогда составляли 95% доходов от всего экспорта и 60% поступлений в бюджет¹¹⁶. В 1986 г. наступил крах нефтяного рынка. Бюджет Алжира снизился примерно в два раза, а вместе с ним и возможности обеспечивать социальный мир. Это же, впрочем, произошло и в Советском Союзе.

В. А. Кузнецов: *Исламский фронт спасения тогда уже существовал?*

А. Г. Аксененок: Он существовал как движение, которое официально оформилось в качестве партии в 1989 г. на волне сильного протестного движения, охватившего всю страну.

В. А. Кузнецов: *Здесь, как мне кажется, следует сделать небольшое отступление. Французский исследователь Жиль Кепель писал, что с крахом социалистической системы алжирская элита оказалась в парадоксальной ситуации. С одной стороны, у алжирцев был запрос на идеологию, в том числе исламистскую, и элите нечем было на него ответить. Тогда власти стали приглашать в страну различных религиозных лидеров, в т. ч. Мухаммеда аль-Газали¹¹⁷ и др. С другой стороны, история политического ислама в Алжире очень давняя. Она началась не в 1980-е гг. и берет свое начало не с возникновения Исламского фронта спасения. Одной из важнейших сил, направляющих борьбу с колониализмом, была организация улемов, которую возглавлял Бен Бадис¹¹⁸. В конечном итоге она была инкорпо-*

¹¹⁵ Algeria: Stabilisation and Transition to the Market. International Monetary Fund. Washington D.C., 1998. P. 4.

¹¹⁶ Willis M. The Islamist Challenge in Algeria. A Political History. New York, 1997. P. 99–100.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹¹⁷ Мухаммед аль-Газали — египетский мусульманский мыслитель и проповедник, преподаватель алжирского Университета исламских наук Абд аль-Кадира.

¹¹⁸ Абд аль-Хамид Бен Бадис — алжирский общественный и религиозный деятель. В 1931 г. он основал Ассоциацию алжирских мусульманских улемов, представлявшую собой объединение исламских ученых. Цель организации заключалась в сохранении алжирских культурных ценностей и противодействии французскому влиянию. Абд аль-Хамид Бен Бадис призывал к единству всех антиколониальных сил Алжира. В 1936–1938 гг. он входил в руководство Мусульманского конгресса, который выступал за ликвидацию колониального режима.

рирована в Фронт национального освобождения. Потом, в 1960-е гг., после обретения независимости, был опыт существования в стране движения «Аль-кийам аль-исламия» («Исламские ценности») ¹¹⁹.

Это подвигло правительство к религиозной реформе. В 1970-е гг., когда президент Алжира Хуари Бумедьен ¹²⁰ проводил различные реформы и, в частности, принял Национальную хартию, в ней уже был отчетливо выражен исламский элемент. Это, по всей видимости, было сделано в ответ на некий общественный запрос. Я думаю, что появление политического ислама как основного оппонента власти не должно было стать для руководства Алжира неожиданностью. Хотя, как мы уже говорили, некоторые наши коллеги считают, что до конца 1980-х гг. алжирское руководство видело главный источник потенциальной опасности в берберях, и поэтому к исламистам власти относились в целом спокойно. Для этих опасений с точки зрения алжирских властей, вероятно, были основания. В 1963 г. состоялась Война в песках с Марокко, которая была связана в том числе с появлением Фронта социалистических сил, а в 1980 г. была «берберская весна». В 1980-е гг. после «берберской весны» появилась вторая берберская партия ¹²¹, и политическое руководство страны пропустило монополизацию оппозиции со стороны исламистов.

Хотелось бы обсудить и другие истоки Исламского фронта спасения, помимо социально-экономических предпосылок. Кем были представители этого движения?

А. Г. Аксененок: Исламский фронт спасения объединил представителей многих течений: как умеренных, так и радикальных. Одно из них, которое Вы упомянули, — Ассоциация алжирских мусульманских улемов и ее лидер Абд аль-Хамид Бен Бадис. В то время он не выдвигал лозунгов об исламизации Алжира, хотя и считался радикальным исламистом. Впрочем, первое время он и не поддерживал борьбу против колонизаторов. Его деятельность была направлена не столько против Франции, сколько против ассимиляции алжирцев в западную культуру, которая, по его мнению, разрушала исламскую идентичность. Здесь стоит заметить, что вопрос о противоречиях между национальной и гражданской идентичностью проходит через всю историю политического ислама. Ассоциация ал-

¹¹⁹ Движение «Аль-кийам аль-исламия» было создано в 1963 г. несколькими улемами, во главе которых стоял ректор Алжирского университета Хашеми Тиджани. Участниками движения стали последователи Сейида Кутба, идеолога ассоциации «Братья-мусульмане» (организация, деятельность которой запрещена в России).

¹²⁰ Хуари Бумедьен — алжирский государственный деятель. Хуари Бумедьен был первым председателем Революционного Совета Алжира (1965–1976 гг.) и вторым президентом АНДР (1976–1978 гг.).

¹²¹ Партия «Движение за культуру и демократию» была зарегистрирована в 1989 г.

жирских мусульманских улемов была распущена при первом президенте Алжира Ахмеде Бен Белле¹²², который, как считали тогда в Советском Союзе, проводил идеологический курс на социалистическую ориентацию. При Хуари Бумедьене началась кампания арабизации и некоторой исламизации страны. Тогда исламисты взяли под контроль образование, благотворительность и культурную среду. Думаю, что власти, т. е. руководство Фронта национального освобождения, действительно недооценило опасность проникновения воинствующего исламизма снизу, особенно когда при Бумедьене среди преподавателей арабского языка появилось много египтян из числа «Братьев-мусульман»*. Там был не только Мухаммед аль-Газали, но и одиозно известный Юсуф Аль-Кардави¹²³, который преподавал в Университете Константины. Власти предполагали, что он будет укреплять их социальную базу, а он вместо этого проповедовал исламское пробуждение в его радикальных формах.

Таким образом, к 1988 г., накануне массовых протестов, в Алжире сложилась прослойка исламистской интеллигенции. Даже многие функционеры Фронта национального освобождения начали переходить в Исламский фронт спасения. Затем был принят закон о многопартийности и наступил конец однопартийной системы. В обстановке безграничного политического плюрализма Фронт социалистических сил вполне мог претендовать на место новой ведущей силы во власти, которая могла быть светской альтернативой Фронту национального освобождения. До 1989 г. исламисты не были организационно оформлены как легальная партия.

В. А. Кузнецов: *Исламский фронт спасения сразу возглавлял Аббаси Мадани?*

А. Г. Аксененок: Нет. Аббаси Мадани появился на политической арене в 1982 г. во время студенческих волнений. Тогда он выступил с призывами к созданию исламского государства, был помещен в тюрьму и через два года освобожден. Позднее эти лозунги он открыто не поддерживал. Еще будучи молодым человеком, Аббаси Мадани уже преподавал в университете.

Другой лидер Исламского фронта спасения, Али Бельхадж, был гораздо моложе. Между ними была разница в возрасте 25 лет. Али Бельхадж был представителем уже другого крыла, которое включа-

¹²² Ахмед Бен Белла — участник национально-освободительного движения, первый президент АНДР (1963–1965 гг.).

¹²³ Юсуф Аль-Кардави — египетский мусульманский богослов, проповедник, президент Международного союза мусульманских ученых, духовный лидер «Братьев-мусульман» (организация, деятельность которой запрещена в России).

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

ло последователей радикального течения Мустафы Буали, провозгласившего себя эмиром. До гибели Мустафы Буали в 1987 г. Бельхадж состоял в его вооруженной ячейке. Исламский фронт спасения был аморфной организацией, где под одной крышей существовало несколько течений. В те годы приобрел известность еще один влиятельный деятель Исламского фронта спасения — Абделькадер Хашани, который тоже входил в число умеренных деятелей движения. Он прозорливо предупреждал: «Победа на выборах гораздо опаснее, чем поражение»¹²⁴. В то время, как позднее и «Братья-мусульмане»* в Египте, алжирские исламисты гнались за голосами избирателей, сделав ставку на получение большинства мест в парламенте. Агитацию вели и Али Бельхадж, и Аббаси Мадани. Известно, что Бельхадж постоянно разъезжал на мотоцикле по беднейшим кварталам Касбы. Мадани, в свою очередь, вел агитацию среди торговой буржуазии, мелких предпринимателей и интеллигенции: все-таки он был преподавателем и считался интеллектуалом. И все они входили в одно движение. В то время, когда шла избирательная кампания, разночтения и противоречия между ними не играли существенной роли: все они были объединены «брендом» Исламского фронта спасения. Ни в алжирском обществе, ни внутри организации не акцентировали внимание на существовании противоположных течений.

В. А. Кузнецов: Но они все же были?

А. Г. Аксененок: Да, были. Но все разногласия перевешивало единство цели — одержать победу на выборах. Сначала на муниципальных выборах, где Исламский фронт одержал убедительную победу, а потом на парламентских.

В. А. Кузнецов: Мне кажется, здесь есть еще один важный момент, который иногда ускользает от внимания исследователей. Для Алжира, как, впрочем, и для всего арабского мира, это была уникальная ситуация быстрого перехода от авторитаризма к демократии. У Алжира еще не было опыта установления и консолидации демократии, не были распространены и известны теории демократических транзитов, не было опыта Восточной Европы, не было такого опыта и в самом арабском мире. Как сказал мне один наш коллега, «наивные были времена». В каком-то смысле изначально это было действительно демократическое движение. Они пришли к власти посредством выборов и т. д.

Какие цели стояли перед исламистами? Стремилась ли они одержать победу на выборах? При ознакомлении с текстами ту-

¹²⁴ Hamid Sh. Islamic Exceptionalism: How the struggle over Islam is reshaping the world. New York, St. Martin's Press, 2016. P. 93.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

нисской «Ан-Нахды» 1990–1991 гг., некоторых идеологов политического ислама 1970–1980-х гг., поражает несколько наивное восприятие возможности построения исламской государственности. Вспоминается, в частности, интервью Али аль-Арайида, которое он дал в тот период¹²⁵. Тогда он был одним из лидеров еще не запрещенной «Ан-Нахды», а в 2013 г. стал премьер-министром Туниса. В том интервью его спросили, как должен выглядеть Тунис как государство в случае победы «Ан-Нахды». Он совершенно откровенно ответил, что отели надо будет закрыть и расстаться с туризмом. По его мнению, это была скрытая форма проституции, и таким образом туризм способствовал безнравственности. Он сказал, что Тунис как аграрная страна должна жить сельским хозяйством.

Такие суждения сегодня производят ужасающее впечатление, и, думаю, интеллектуалы того времени восприняли их так же. Руководство Исламского фронта спасения понимало, как оно видит государство, которое оно хотело построить?

А. Г. Аксененок: Вся слабость исламистских движений в том, что после исламской уммы пророка Мухаммеда у них не оказалось концепции государственности, адаптированной к современности. Джихадизм здесь оставим за скобками. Развернутого политического проекта будущего устройства государства у Исламского фронта спасения тоже не было, и все ограничилось только самыми общими положениями. Первое — это социальная справедливость. Естественно, эта тема звучала в первую очередь, потому что в алжирском обществе существовала колоссальная поляризация.

В. А. Кузнецов: Как исламисты понимали социальную справедливость? Они считали, что не должно быть бедных?

А. Г. Аксененок: По их мнению, не должно быть ни богатых, ни бедных. Как говорил Мухаммед — все люди равны как «зубья одной гребенки». Под социальной справедливостью исламисты подразумевали социальное равенство. В Алжире многие военные обзавелись огромными виллами за высокими стенами, и в общественном сознании это было постоянным раздражителем.

В. А. Кузнецов: Это происходило в процессе экономической либерализации 1980-х гг.?

А. Г. Аксененок: Да, началось с этого.

¹²⁵ Взрывоопасный Тунис: Али Ларайед раскрывает правду о плане «Ан-Нахды» в Тунисе. Эксклюзивные документы (на франц. Tunisie explosif : Ali Larayedh dévoile le véritable projet d'Ennahda en Tunisie, Document rare) // Tunisie Secret. 23.11.2012. URL: https://www.tunisie-secret.com/Tunisie-explosif-Ali-Larayedh-devoile-le-veritable-projet-d-Ennahda-en-Tunisie-Document-rare_a217.html

В. А. Кузнецов: *То есть фактически экономическая либерализация началась еще тогда, когда был социализм?*

А. Г. Аксененок: Конечно. Алжирская нефтяная монополия *Sonatrach* и в «социалистические» времена служила источником коррупции в правящих верхах, что было предано гласности в ходе событий 2019 г., которые привели к отставке Абдельазиза Бутефлики. В число нуворишей входили также многие деятели из руководства Фронта национального освобождения.

Второе положение, которое продвигал Исламский фронт спасения — построение рыночной экономики с акцентом на поощрение торговой буржуазии, предпринимательства и пресечение незаконного обогащения. Третье — это примат законов шариата.

В. А. Кузнецов: *Прежде всего, в том, что касается личного статуса — семейного права и т. д.*

А. Г. Аксененок: Именно так. О распространении норм шариата на систему государственной власти речь на том этапе не шла. Если и были лозунги, связанные с построением исламской государственности, то их выдвигали салафиты, но не на уровне партийной программы. По крайней мере, на парламентских выборах 1991 г. Исламский фронт спасения не озвучивал эти требования публично. Хотя в России во многих исследовательских работах им приписывают такой пункт как часть концепции государственностроительства.

В. А. Кузнецов: *То есть в данном случае не было речи о такой модели, которую предлагали «Братья-мусульмане»* Гамалю Абдель Насеру?*

А. Г. Аксененок: Лозунги такого рода слышались, но модели, как таковой не могло быть хотя бы в силу внутренних разногласий в Исламском фронте спасения по стратегическим вопросам. Тактически всех объединяло стремление одержать победу на парламентских выборах, а остальное потом.

В. А. Кузнецов: *Если посмотреть на египетский опыт, то «Братья-мусульмане»* в своей долгой и сложной истории пытались пройти во власть разными путями. И помимо выборов это были попытки поставить под контроль различные крупные организации гражданского сектора, например, профсоюзы. Предпринимались попытки проникнуть во власть через судебную систему и провести туда своих судей. Если я правильно понимаю, то в силу того, как быстро в Алжире развивались события, Исламский фронт спасения такие варианты не рассматривал?*

А. Г. Аксененок: В своей предвыборной агитации Исламский фронт спасения пытался охватить как можно больше социальных

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

слоев и общественных структур путем разделения ролей между представителями различных течений. Это касалось в том числе и государственного аппарата. Исламский фронт спасения придерживался принципа, который сводился к тому, чтобы сообщать различную информацию разным аудиториям. Этот принцип и сработал.

В. А. Кузнецов: *С Исламским фронтом спасения ситуация примерно понятна. Как ее воспринимали алжирские элиты, и на что они рассчитывали? По всей видимости, они сначала недооценивали угрозу, но потом, к концу 1980-х гг., недооценивать ее стало уже невозможно. Был ли какой-то план у Шадли Бенджедиде? Отчасти мы касались этой темы в рамках наших первых встреч, возможно сейчас мы могли бы ее дополнить, на этот раз в контексте проблемы политического ислама.*

А. Г. Аксененок: Можно с уверенностью утверждать, что у президента был план перехода к многопартийной системе при реформировании Фронта национального освобождения и сохранении за ним роли «первого среди равных».

В. А. Кузнецов: *Президент на тот момент представлял высшую партийную бюрократию. Важно упомянуть, что в тот период алжирская политическая система мало отличалась от советской конца 1980-х — начала 1990-х гг.*

А. Г. Аксененок: Тем не менее на начальном этапе идея экономических, а затем и политических реформ не вызывала больших разногласий. Вскоре после избрания Шадли Бенджедиде президентом в 1979 г. началось сокращение доли государства в экономике, и параллельно шла постепенная либерализация политического режима. Многим уже было понятно, что Фронт национального освобождения изжил себя и стал неспособен выполнять роль руководящей силы в обществе. Бенджедид сам был частью системы с 1979 г. и хорошо это чувствовал. Такому пониманию также способствовали бурные перемены, начавшиеся в Восточной Европе, а во второй половине 1980-х гг. — в Советском Союзе. Вполне возможно, что вначале Шадли Бенджедид пользовался поддержкой части армии, государственного и партийного аппарата. Вряд ли кто-либо мог предположить, что события столь быстро выйдут из-под контроля.

То есть между переходом к многопартийности и дворцовым переворотом, когда Бенджедид был обвинен военными в пособничестве радикальным исламистам и в сговоре с террористами, прошло всего три года — с 1988 по 1991 г. Это было время моментальных перемен. В Египте тоже решающими были три года. При М. С. Горбачеве также наступил конец однопартийной системы, хотя августовский путч произошел не сразу. Новая конституция, в которой была уза-

конена многопартийность, была принята в Алжире только в 1989 г. К апрелю 1991 г., когда я прибыл в Алжир и вручил свои верительные грамоты, в стране появилось около 50 новых партий.

В. А. Кузнецов: *Расскажите поподробнее про Шадли Бенджедид.*

А. Г. Аксененок: Шадли Бенджедид — выходец из военных кругов. Точнее из военной интеллигенции. Он служил унтер-офицером еще во французской армии, но с началом освободительного движения в 1954 г. дезертировал, чтобы присоединиться к Фронту национального освобождения и вооруженной борьбе за независимость. Он считался выдвигенцем Хуари Бумедьена, хотя его кандидатура на пост президента была компромиссной между Абдельазизом Бутефликой, который считался прозападным политиком, и Ахмедом Уяхьей¹²⁶, известным своей близостью к «социалистам».

Я встречался с Шадли Бенджедидом только во время вручения верительных грамот. Это было в мае 1991 г., за шесть месяцев до его отстранения от власти. Наша беседа вышла за протокольные рамки, поскольку демократические перемены в Алжире и Советском Союзе развивались в одном направлении. По его манере говорить, медлительной и в то же время убедительной, чувствовалось, что решение идти по пути реформ не было спонтанным.

О плане президента мне после первого тура парламентских выборов рассказывал начальник его канцелярии, с которым мне ранее удалось установить доверительные отношения.

В. А. Кузнецов: *Начальник канцелярии президента — это примерно то же самое, что глава администрации?*

А. Г. Аксененок: Да, аналогично.

В. А. Кузнецов: *И какой же был план у Шадли Бенджедид?*

А. Г. Аксененок: Он считал, что необходимо расширить социально-политическую базу власти. Фронт национального освобождения катастрофически терял влияние в массах не только за счет усиления исламистского течения. Это происходило и в светской части общества, представленной берберским движением. Поэтому планировалось обеспечить представительство исламистов в органах власти, при этом удерживая их под контролем, как часть правящей коалиции. Т. е. это та самая кооптация, которая произошла в Алжире в 2019 г. с движением «Хирак». Только Шадли Бенджедиду не удалось это сделать из-за известной резко негативной реакции армии в 1991 г. Однако уже в 2019 г. реакция армии была иной. Так что мне кажется, что алжирские военные все же извлекли урок из событий гражданской войны.

¹²⁶ Ахмед Уяхья — алжирский политический деятель, четырежды занимал пост премьер-министр АНДР (1995–1998; 2003–2006; 2008–2012; 2017–2019 гг.)

В перерыве между первым и вторым туром парламентских выборов я посетил начальника канцелярии президента и задал ему вопрос: каковы дальнейшие планы президента, и как они зависят от результатов выборов? Согласно многим прогнозам, во втором туре исламисты могли получить квалифицированное большинство, тем более что на муниципальных выборах они одержали сокрушительную победу и даже контролировали несколько крупных муниципалитетов. Мой собеседник отреагировал довольно спокойно. По его словам, президент не видел в возможной победе исламистов на выборах трагедии и настроен удерживать события в рамках конституционного поля. Я спросил: «А что это значит, как он себе это представляет? Удерживать события в конституционном поле будет не так просто в ситуации, когда исламисты “оседлали” улицу». Ответ был довольно интересным: «Хорошо, предположим, что Исламский фронт спасения получит 2/3 мест в парламенте. Таким образом, у нас будет исламистский парламент, но Алжир — это президентская республика. И президент исходит из того, что у него есть все возможности использовать конституционные рычаги для того, чтобы исправить ситуацию». По словам начальника канцелярии, эти рычаги состояли в том, что президент имел право распустить парламент. Допустим, правительство на одном из первых заседаний представляет свою социально-экономическую программу. Парламент, обладая конституционным большинством, предположим, ветирует декларацию правительства. И тогда президент имеет право распустить парламент и назначить новые выборы, к которым можно лучше подготовиться. Таковы были планы строительства новой коалиции.

Шадли Бенджедид, третий президент Алжира, вошел в историю как арабский националист-реформатор с тяжелой судьбой, как, впрочем, у многих реформаторов. То, что мне говорил его ближайший соратник в январе 1992 г., позднее, через десять лет, подтвердил и сам бывший президент в одном из своих интервью. В беседе с журналистом *The Guardian* Шадли Бенджедид пояснил, что в 1991 г. он был готов принять результаты выборов и работать с Исламским фронтом спасения. Конституция давала ему право не допустить, чтобы исламисты взяли под свой контроль все государственные институты — предприни они такую попытку, он бы мог распустить парламент. Однако ему не удалось убедить армейское командование в целесообразности своего плана¹²⁷.

¹²⁷ Chadli Bendjedid obituary // The Guardian. 15.10.2012.

URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/oct/15/chadli-bendjedid>

В. А. Кузнецов: *Это интересно. Но в этом плане не очень понятны два момента. Первое — это то, что такой сценарий, предполагавший делегитимизацию исламистов постфактум, предполагал утрату доверия общества к исламистам, общество должно было бы увидеть их как неконструктивную силу. Второе — что правящая элита, Фронт национального освобождения, может, новая коалиция, нашла бы какую-то новую базу для расширения своей социальной поддержки. Не очень понятно, за счет чего это было бы сделано.*

А. Г. Аксененок: Исламисты могли прибегнуть к вооруженному насилию, и тогда реакция властей была бы оправдана.

В. А. Кузнецов: *То есть, с точки зрения алжирских властей, надо было спровоцировать исламистов на насильственные действия?*

А. Г. Аксененок: Скорее всего, это тоже имелось в виду.

В. А. Кузнецов: *Просто иначе этот сценарий не сработал бы.*

А. Г. Аксененок: До первого тура парламентских выборов на улицах алжирских городов слышались какие-то перестрелки. Но тогда власть не перешла к массовому насилию, а армия в мечети еще не врывалась. Это началось уже после отстранения Шадли Бенджедида. Тогда еще действовали призывы Абделькадера Хашани, одного из лидеров умеренного крыла, не прибегать к насилию. После аннулирования результатов выборов и перехода военной власти к политике «искоренения терроризма» при помощи армии и жандармерии ситуация кардинально изменилась.

В. А. Кузнецов: *То есть, по большому счету, вопрос был в том, кто первый запустит волну насилия?*

А. Г. Аксененок: Это то, о чем я и говорил — закон действия и противодействия.

В. А. Кузнецов: *Меня интересует еще один вопрос. В какой-то момент у алжирских властей появляется идея разделения алжирских исламистов на умеренных и радикальных путем кооптации умеренных. И Вы сейчас показали, что предпосылки для этого были внутри Исламского фронта спасения с самого начала. Но это дробление исламистских сил, в свою очередь, приводит к радикализации другого крыла и появлению феномена вооруженных исламских групп.*

А. Г. Аксененок: Именно в этот переломный момент, когда происходил террористический ответ на действия властей, появилась Вооруженная исламская группа (GIA, *Groupe Islamique Armé*). Эта группа, отколовшаяся от Исламского фронта спасения, вела охоту на иностранцев. В основном убийства иностранцев, в том числе российских военных и гражданских специалистов, — это их рук дело.

В. А. Кузнецов: *А это разделение — это был естественный процесс или отчасти инструментальный? У алжирских властей была идея одних кооптировать, а других — ликвидировать. Или размежевание происходило само по себе?*

А. Г. Аксененок: Этот подход практиковался не только в Алжире. В Египте и Сирии, несмотря на то, кто находился у власти, также предпринимались попытки внести раскол в ряды оппозиции. Протесты и уличная охлократия достигли пика в 1988 г., а дворцовый переворот в Алжире был совершен в январе 1992 г. То есть реакция власти была запоздалой. Это говорит о том, что Бенджедид опирался и на какие-то структуры в армии. Единолично он проводить такую политику не мог. Но если смотреть со стороны алжирских исламистов, то здесь мы наблюдаем то же, что и в Египте среди «Братьев-мусульман»*. И там, и там критическими были три–четыре года. В алжирском случае 1989–1991 гг., а в египетском — 2011–2013 гг. Под одной крышей уживались до поры до времени разные течения, и между ними шла борьба.

В. А. Кузнецов: *В Тунисе это продолжается до сих пор.*

А. Г. Аксененок: И преимущественно — это борьба нарративов.

В. А. Кузнецов: *Конечно. Более того, в Тунисе каждый раз, когда представители «Ан-Нахды» про это говорят, они, напротив, подчеркивают это как большое достоинство партии. Существование различных течений, по их мнению, является проявлением внутрипартийной демократии. Примечательно, что такая борьба внутри партии — это не уникальный исламистский случай. Большевики в СССР до чисток 1930-х гг. были такими же: Сталин, Бухарин и Троцкий сосуществовали друг с другом при том, что у них явно были разные взгляды на то, как страна должна развиваться.*

А. Г. Аксененок: Эти разногласия в социально-демократическом движении существовали задолго до Октябрьской революции 1917 г. Плеханов в своих дебатах с Лениным вообще выступал против курса на революционное восстание, считая это преждевременным, и полагал, что сначала нужно поднять культурный уровень народа. Кто знает, может быть, он в чем-то был и прав?

В Алжире исламисты, как и российские большевики, вели дело к «перманентной революции» по иранскому образцу. Но эту атмосферу «перманентности» не удалось постоянно поддерживать.

В. А. Кузнецов: *Почему?*

А. Г. Аксененок: Вспоминая те беседы, которые я вел в Алжире в 1991–1995-х гг., считаю, что алжирским исламистам не удалось

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

сохранить союз между бедной городской молодежью и религиозной буржуазией. Буржуазия испугалась социальных лозунгов радикальной части Исламского фронта спасения, которые воспринимались как позиция всего движения.

В. А. Кузнецов: *Возможно, это связано с тем, что буржуазия была более ориентированной на внешние рынки.*

А. Г. Аксененок: С июня 1990 г. по июнь 1991 г. произошел переломный момент, когда начался отток представителей торговой буржуазии из Исламского фронта спасения. Призывы к армии о поддержке исламистов не возымели действия. К тому же в выборах 1991 г., помимо Исламского фронта спасения, участвовали еще две исламистские партии, которые отняли у него более полумиллиона голосов. Поэтому одна из причин того, что перманентной революции не получилось — отток буржуазии, которая в силу специфики алжирской экономики была, как Вы правильно заметили, более внешне ориентированная.

В. А. Кузнецов: *Есть еще один вопрос по поводу тех исламистских партий, которые тоже участвовали в парламентских выборах и оттянули голоса у Исламского фронта спасения. Были ли эти партии и их руководство как-то связаны с алжирскими властями?*

А. Г. Аксененок: Мне представляется, что создание этих партий не обошлось без участия алжирских спецслужб. Я с Мафхудом Нахнахом имел очень тесные и доверительные контакты. Он был из «Братьев-мусульман»*. И вдруг кооптировался во власть.

В. А. Кузнецов: *Давайте перейдем к Сирии. Когда мы в прошлый раз с Вами встречались, мы не договорили про исламский фактор в войне в Сирии. Очень часто, когда в публицистике описывают сирийский конфликт, его характеризуют как религиозный. Это, на мой взгляд, неправильно. Мне кажется, что там, конечно, имела место конфессиональная составляющая. Однако она была вторична по отношению к другим факторам, в том числе социально-экономическим и политическим. А в некоторых случаях, когда мы говорим о курдской проблеме, — и по отношению к этническим факторам. Что Вы думаете по поводу конфессионального элемента в этом конфликте, роли исламистских сил?*

А. Г. Аксененок: Сирийский конфликт, как мне представляется, возник как типичная гражданская война при внешнем вмешательстве. Ее конфессиональная составляющая проявилась, но не сразу. Если посмотреть на траекторию развития этого конфликта, то изначально акцент на межконфессиональной розни не звучал ни с одной стороны, ни с другой. В Сирии при всех политических режимах со-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

хранялось традиционно бережное отношение к этим деликатным вопросам. И партия «Баас», как светская политическая сила, не была исключением. Суннитская буржуазия в конфессиональных вопросах оставалась либо на стороне законной власти, либо занимала нейтральную позицию.

Конфессиональный оттенок в конфликте стал всплывать на поверхность по мере того как нарастало внешнее вмешательство. К нему относится в том числе военное присутствие в Сирии шиитского Ирана, прямое вступление в военные действия в Сирии отрядов ливанского движения «Хезболла», а на стороне вооруженной оппозиции — вовлечение Турции, Саудовской Аравии, Катара. Внешне общая региональная картина сирийского конфликта выглядела как противоборство на конфессиональной почве. Хотя этот элемент не был главным.

В. А. Кузнецов: *Правильно ли я Вас понимаю, что по мере того как позиции Ирана в конфликте усиливались, конфессиональный фактор стал выходить на первое место? Можно ли сказать, что роль Ирана была большой, если не решающей? И вызвал ли иранский фактор конфессионализацию противостояния? Ведь это не было целенаправленной политикой Тегерана.*

А. Г. Аксененок: Безусловно, не было. Иран имел военное присутствие в Сирии еще задолго до 2011 г., а в ходе гражданской войны оно постоянно нарастало на, так скажем, законных основаниях — по официальной просьбе Дамаска. Связка с конфессиональной составляющей конфликта здесь получилась на умозрительном, региональном уровне, в контексте переноса отношений между шиитским Ираном и суннитской Саудовской Аравией на сирийскую почву.

В. А. Кузнецов: *Эти решения касались событий 2012–2014 гг.?*

А. Г. Аксененок: Пожалуй, несколько позднее. Саудовцы прекратили финансовую поддержку ориентированной на них салафитской группировки «Джейш аль-Ислам» примерно к 2018 г., когда она все чаще стала терпеть поражения, и когда салафитские группировки стали сталкиваться между собой и частично переходить на сторону ИГИЛ*. По государственной линии финансирование этой группировки не велось. Оно имело форму переводов через частные фонды принцев и шейхов, а также исламские пожертвования.

В. А. Кузнецов: *С конфессиональным фактором разобрались. Мы с Вами хотели поговорить о том, что в принципе представляли из себя сирийские исламисты. Отличались ли они чем-то от исламистских сил в других странах и регионах, о которых мы уже говорили?*

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

А. Г. Аксененок: Хорошо, что Вы поставили этот вопрос. Об истории и специфике развития исламистского движения именно в Сирии, а до 2011 г. это преимущественно касалось «Братьев-мусульман»*, не так много объективных материалов и аналитических исследований. По крайней мере это касается российской историографии. Ответ здесь, на мой взгляд, однозначный. Отличия есть, и немалые.

Во-первых, у «Братьев-мусульман»* в Сирии есть разница по сравнению с другими частями арабского мира в особенностях формирования и в структуре организации. В Сирии она выросла из исламских реформаторских течений суфийского и салафитского толка XIX в. Будучи основанной в 1945–1946 гг. в Дамаске на базе религиозно-общественных обществ и ассоциаций (*джам'ият*) османского периода, она не была столь разветвленной и массовой, как в свое время в Египте или Алжире. В 1940–1950-е гг. организация носила элитарный характер, получив распространение в городской среде среди имамов, исламских богословов, мелкой торговой буржуазии, а также профессиональной интеллигенции, включая учителей, юристов, докторов и др. В числе основателей сирийских «Братьев-мусульман»*, ввиду множества исламских ассоциаций и постоянно вытекающих отсюда организационных трудностей, не найти такой лидерской харизматичной фигуры, каким был, например, Хасан аль-Банна в Египте. Основателем сирийских «Братьев-мусульман»* считается Мустафа ас-Сибай, учредитель ассоциации «Молодежь Мухаммеда» в Дамаске, выпускник Университета Аль-Азхар и сторонник Хасана аль-Банна, который в то время имел с ним дружеские отношения. Хотя исследователи называют имена и других лидеров движения, таких как Мухаммед Мубарак, Омар Баха эд-Дин и Иса Байануни¹²⁸.

Во-вторых, в Сирии можно отметить общую атмосферу религиозной терпимости, которая исторически сложилась в Леванте. «Братья-мусульмане»* были организационно связаны со штаб-квартирой в Каире, которая потом перенеслась в Иорданию, а затем — в Лондон. Однако до 1963 г., до прихода к власти баасистов, их политическое поведение в целом оставалось в рамках левантийской культуры, т. е. религиозной терпимости.

И наконец, отличительной чертой сирийских исламистов была сильная фракционность по территориальному признаку и, как следствие, частые смены руководства. У этой фракционности был целый ряд причин, включая особенности формирования организаций,

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹²⁸ Conduit D. The Muslim Brotherhood in Syria. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. P. 25.

социальную среду, а также частую смену политических режимов после отмены французского мандата.

Внутреннее противоборство между исламистами развивалось между центрами в Дамаске, в Алеппо и в Хаме, а затем — в основном по линии Алеппо — Хама. При этом в целом до 1963 г. исламисты проявляли достаточную гибкость и даже прагматизм. Возможно, это было связано с тем, что они не имели ясной идеологии. Например, сирийские исламисты ратовали за приверженность нормам шариата, но в довольно умеренном виде. Они отстаивали конституционное положение об исламе как государственной религии, но это положение подлежало утверждению на всенародном референдуме. Одно время исламисты также поддерживали идеи арабского национализма, и даже социализма с арабской спецификой.

В. А. Кузнецов: У них была своя партия?

А. Г. Аксенов: На выборах они в основном выступали в составе коалиций или как независимые кандидаты от общественно-религиозных объединений. В период «нескончаемых» военных переворотов сирийские «Братья-мусульмане»* шли на компромиссы, старались не противопоставлять себя другим политическим силам, даже левым. Они проводили политику установления временных союзов и закулисных договоренностей с консервативными парламентскими партиями и группировками среди военных, которые их поддерживали. С 1947 по 1963 г. они в том или ином качестве принимали участие в выборах, получая места в парламенте и даже министерские посты. Наибольшего успеха представители «Братьев-мусульман»* и их сторонники добились в 1961 г. в коалиции с консервативной Народной партией. Она получила в парламенте 33 места, а «Братья» — десять. Новый лидер «Братьев-мусульман»* Иссам аль-Аттар¹²⁹ в то время был популярным сирийским политиком. А в 1962 г. четыре исламистских министра входили в состав сирийского правительства¹³⁰.

Однако после прихода баасистов к власти в 1963 г. ситуация коренным образом изменилась. В 1964 г. «Братья-мусульмане»*, как и многие другие политические партии, попали под запрет. В 1980 г. был принят закон о смертной казни за принадлежность к этой организации. На этом эпоха политической легальности для сирийских «Братьев-мусульман»* практически закончилась. Многие

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹²⁹ Иссам аль-Аттар — Верховный наставник сирийских «Братьев-мусульман» (организация, деятельность которой запрещена в России) (1961–1980 гг.). Считается «символом сопротивления» Хафезу Асаду. После хаджа в Мекку в 1963 г. новое баасистское правительство отказало Иссаму аль-Аттару во въезде в Сирию. С 1970 г. он проживал в Германии.

¹³⁰ Mayer T. The Islamic Opposition in Syria 1961–1982. Orient 24, No. 4. 1983. P. 591.

члены руководства движения эмигрировали за границу, а в Сирии организация стала действовать подпольно.

В. А. Кузнецов: *Я так понимаю, сирийские «Братья-мусульмане»* тогда эмигрировали в основном в Саудовскую Аравию?*

А. Г. Аксененок: Было несколько волн эмиграционных потоков в разные страны, но пик пришелся на репрессии конца 1970-х — начала 1980-х гг. Многие действительно уехали в Саудовскую Аравию и неплохо там обосновались, т. к. имели хорошее образование, в том числе в религиозной сфере, а также коммерческие навыки. Один из основателей «Братьев-мусульман»* в Сирии Мааруф ад-Давалиби¹³¹ стал, например, советником короля Саудовской Аравии Фейсала и был известным предпринимателем в текстильной промышленности. Другой представитель этой организации, Мухаммед Мубарак, вел курсы шариата в Мекке и заведовал кафедрой в Университете короля Абдель Азиза Аль Сауда. Другие лидеры организации эмигрировали в Великобританию и Соединенные Штаты. Им это удалось, поскольку сирийские «Братья-мусульмане»* вплоть до 1964 г. не были замечены в подрывной и террористической деятельности.

В. А. Кузнецов: *Насколько я помню, основатели факультета шариата Дамасского университета тоже были представителями «Братьев-мусульман»*. Они его создавали примерно в 1950-е гг., и когда баасисты пришли к власти, они вынуждены были уехать именно в Саудовскую Аравию.*

Как развивались события после 1963 г.? Когда баасисты пришли к власти, они уже знали «Братьев-мусульман». Для них это движение не было совсем новой политической силой, а все их взаимодействие происходило на очень узком политическом поле Сирии. Но тут произошел некий слом. Почему? Что принципиально изменилось?*

А. Г. Аксененок: Социальные связи на семейном, клановом и деловом уровнях в Сирии часто оказываются прочнее, чем связи, основанные на политической целесообразности. Действительно, первый «слом» произошел уже в 1964 г., хотя переход к тактике насилия протекал с приливами и отливами в течение 10–15 лет уже по ходу консолидации режима Хафеза Асада.

Возникают вопросы. Например, почему это произошло именно в 1964 г.? И почему исламистское движение, возникшее на основе парламентских и легалистских сил, столь быстро сменило тактику после военного переворота, который был совершен в 1963 г. группой

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹³¹ До опалы при баасистском правительстве Мааруф ад-Давалиби дважды был премьер-министром Сирии (1951 г.; 1961–1962 гг.)

офицеров, связанной с партией «Баас» и ее союзниками? Ведь военные перевороты как способ смены власти в тот период были для Сирии обыденной практикой. Интересно, что первый «слом» 1964 г. произошел при умеренном руководстве «Братьев-мусульман»*, которых возглавлял Иссам аль-Аттар. В самый поворотный момент в истории Сирии он сменил ушедшего из жизни основателя организации Мустафу Сибай и, видимо, не обрел еще достаточно прочного влияния.

В исламских политологических исследованиях было сделано немало попыток понять причины этого феномена. Обобщение версий, имеющих на этот счет, позволяет выявить некую причинно-следственную связь. Здесь нужно отметить два среза событий, которые наложились один на другой. Один в масштабах всей Сирии, другой — внутри самой организации «Братьев-мусульман»*.

С приходом баасистов к власти в стране сложилась критическая обстановка, когда было непонятно, какая из группировок в армии возьмет верх. Партия «Баас» тогда еще не имела полного контроля ни в армии, ни в службах безопасности, ни в государственном аппарате. Но, несмотря на это, со стороны властей сразу начались политические гонения, в том числе на бывших союзников, а также произошли чистки в армии. Кроме того, был провозглашен «левый курс» в экономике, который характеризовался в том числе земельной реформой, ограничением свободы предпринимательства и намерением провести национализацию. Такой резкий переход к авторитаризму и социалистическим лозунгам лишил исламистско ориентированные организации возможности действовать в легальном поле, как это было в османскую эпоху и в период «парламентаризма» после получения независимости. Ряд членов руководства уже в 1964 г. оказались в тюрьмах или в эмиграции. Напомню, что до этого, за исключением короткого периода диктатуры Адиба Шишакли и объединения с Египтом, политические режимы в Сирии при всех военных переворотах в основном сохраняли демократические атрибуты.

Все это вызвало импульсивную реакцию среди сирийской интеллигенции, улемов, которые с османских времен были интегрированы в государственно-административные структуры, представителей «свободных профессий», студенчества, мелкой буржуазии города и деревни. По всей стране прокатились забастовки и массовые выступления, чем воспользовались радикально настроенные молодежные активисты «Братьев-мусульман»* (Боевой авангард, *Ат-Талиа аль-Мукатиля*), выходцы из Хамы, которые попытались «оседлать» про-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

тестные настроения. На этой волне поднялись такие харизматичные представители сирийского салафитского крыла, как Саид Хавва¹³² и Марван Хадид¹³³, верный последователь Сейида Кутба. Характерно, что само руководство в Дамаске или в Алеппо, по свидетельству многих источников, не поддерживало насильственные действия, которые оказались для него неожиданностью¹³⁴. Во всяком случае события 1964 г. стали предвестником последующих внутренних расколов, частых смен руководства и неспособности «центра» удерживать контроль за низовыми структурами.

Следует также иметь в виду принципиальное неприятие баасистами партий, построенных по религиозному принципу. Но в то же время вряд ли правильно считать, что конфликт сирийских исламистов с баасистским режимом вырос на идеологической почве, что его можно было бы свести к противостоянию по линии исламисты — секуляристы. Причины здесь скорее политические, состоящие в известных претензиях партии «Баас» на монополизацию власти и в ее последовательной линии на вытеснение возможных конкурентов. «Братьев-мусульман»* они видели как раз в числе своих конкурентов, чувствуя потенциальную угрозу с их стороны, т. к. с момента основания движения они были частью неких союзов и политических договоренностей в кругах разношерстной оппозиции. При этом нельзя, конечно, не учитывать и конфессиональный фактор. В период французского мандата суннитская религиозная власть в Дамаске имела институциональную и экономическую независимость, а улемы и религиозные проповедники рассматривались как посредники между народом и государством. С 1963 г. конфессиональные балансы в обществе и политической системе стали претерпевать резкие изменения.

Эти постоянные «качели» между радикальным и умеренным крыльями не столько в идеологии, сколько в организационной структуре, личностных отношениях и реакции на вызовы в практической деятельности, размывали социальную опору «Братьев-

¹³² Саид Хавва — один из лидеров сирийского отделения «Братьев-мусульман» (организация, деятельность которой запрещена в России), последователь Сейида Кутба и сторонник исламской революции.

¹³³ Марван Хадид служил имамом в мечети Барудия, которая была местом распространения антибаасистской пропаганды. В своих выступлениях он призывал к свержению режима «Баас». Марван Хадид не был членом ассоциации «Братья-мусульмане» (организация, деятельность которой запрещена в России), поскольку не признавал никаких организационных рамок и не был согласен с политикой лидеров движения. Подробнее: Манукян С. Исламский фундаментализм в Сирии (30-60-е годы XX в.) // Востокведный сборник. Выпуск 4 / Отв. ред. А. В. Федорченко, А. О. Филоник. — М.: Институт Ближнего Востока, 2002. С. 174.

¹³⁴ Conduit D. The Muslim Brotherhood in Syria. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. P. 97.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

мусульман»*, что негативно сказалось и на их роли с началом гражданской войны 2011 г.

В. А. Кузнецов: *Когда мы говорим «радикальное», мы подразумеваем, что это крыло считало нужным использовать насилие?*

А. Г. Аксенов: Разворот к тактике насилия де-факто происходил постепенно, но до 1980 г. в документах движения он зафиксирован не был. В 1975 г. на пост руководителя организации был избран Аднан Саад ад-Дин¹³⁵, близкий к экстремистски настроенным низовым структурам Хамы. К тому времени среди «Братьев-мусульман»* укрепилось влияние боевиков, имевших свою военную молодежную организацию Боевой авангард, члены которой проходили военную подготовку в палестинских лагерях Иордании, а также в горной местности и лесах на северо-западе Сирии. Немалую роль в разжигании экстремистских настроений среди сирийских «Братьев-мусульман»* сыграла поддержка баасистского режима Саддама Хусейна в Ираке — злейшего конкурента сирийской ветви партии «Баас».

Руководство «Братьев-мусульман»*, в том числе его члены из Алеппо, в очередной раз утратило контроль над своей базой поддержки. Во второй половине 1970-х гг. развернулась самая настоящая кампания политического террора против государственных и партийных деятелей партии «Баас», военнослужащих и представителей спецслужб, на этот раз уже на конфессиональной почве. Пиком этой кампании стала резня в 1979 г. среди алавитов, убийство кадетов артиллерийского училища Алеппо, и в ответ — массовая расправа над заключенными в тюрьме Пальмиры. Считается, что именно в этом году наступил тот решающий момент, когда «центр» окончательно потерял контроль над базовыми структурами. В 1980 г. руководством сирийского отделения «Братьев-мусульман»* была принята «Декларация исламской революции в Сирии и ее программа», в которой вся ответственность за применение силы вместо «конструктивного диалога» возлагалась на сирийские власти. Кроме того, было объявлено об отказе сложить оружие и вести переговоры¹³⁶. Последовавшее за этим силовое противостояние по принципу «зуб за зуб» вылилось в известные события в Хаме

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹³⁵ Аднан Саад ад-Дин — был лидером ячейки «Братьев-мусульман» (организация, деятельность которой запрещена в России) в Хаме, затем стал четвертым Верховным наставником ассоциации. Он выступал за объединение четырех организаций «Братьев-мусульман» (организация, деятельность которой запрещена в России) в Сирии, Ливане, Иордании и Палестине в одно движение под названием «Братья-мусульмане в Леванте».

¹³⁶ Conduit D. The Muslim Brotherhood in Syria. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. P. 116.

1982 г. Пожалуй, подавление восстания в сирийской провинции было более жестоким и кровавым, чем разгром «Братьев-мусульман»* в Египте в 1954 г.

В. А. Кузнецов: Известно ли, сколько в Сирии было сторонников «Братьев-мусульман»* в те времена?

А. Г. Аксененок: Многие города на севере Сирии в конце 1970-х гг. были охвачены восстанием. Оценки количества жертв во время подавления мятежа в Хаме разнятся — от 2 тыс. до 20 тыс. человек, в большинстве своем мирные жители. Исходя из этого можно полагать, что у сирийских «Братьев-мусульман»* имелась достаточно широкая социальная база и подготовленные отряды боевиков. Прилив новых сил в ряды «Братьев-мусульман»* и их сторонников во многом объясняется в том числе экономическими особенностями этого региона. Провинция Хама традиционно была центром мелкого и среднего предпринимательства в области промышленного производства (хлопок, кожевенные и табачные изделия, сахар, ткачество и др.), местного артизаната и, конечно, торговли. Эти социальные слои больше всего пострадали от социалистических «экспериментов», политики огосударствления и земельных реформ середины 1960-х — начала 1970-х гг. Кстати, в Дамаске и даже в Алеппо обстановка сохранялась относительно спокойной.

В. А. Кузнецов: Я так понимаю, здесь дело еще и в том, что Алеппо традиционно был второй столицей Сирии. А в условиях формирования новой государственности город оказался немного отодвинут на периферию. Имело ли это значение?

А. Г. Аксененок: Да, разумеется. Хотя в составе Османской империи Дамаск и Алеппо играли более или менее равноценную роль, с появлением проектов создания «Великой Сирии» и с аннексией турками Санджака Александретта город стал отходить на второй план. Как отмечал Филип Хури, дамаские руководители чувствовали себя более комфортно в Бейруте или в Иерусалиме. А выходцы из Алеппо тяготели к саддамовскому Ираку и даже к Турции¹³⁷. Территориальное соперничество распространялось и на офицерский корпус, и на политические партии, где также существовало разделение между дамаской и недамаской «партиями»¹³⁸.

В. А. Кузнецов: Пик противостояния пришелся на начало 1980-х гг., после чего последовал период очень жесткого репрессивного

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹³⁷ Khoury P. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton: Princeton Univ. Press, 1965. P. 30

¹³⁸ Van Dam N. The Struggle for Power in Syria: Politics and Society under Asad and the Ba'th Party, 4th edn. London, I. B. Tauris, 2011. P. 30

подавления исламистского движения в Сирии, который продолжался все 1980-е гг.

А. Г. Аксененок: Вскоре после подавления мятежа в Хаме «Братья-мусульмане»* были полностью разгромлены. В их рядах произошел открытый раскол между фракциями в Алеппо и в Хаме. Первые, объединившись под руководством шейха Абд аль-Фаттах Абу Гудды, в середине 1980-х гг. выступили за переговоры с властью. В то же время отколовшаяся группировка Хамы объявила о продолжении «военных действий», разворачивавшихся еще несколько лет, хотя в гораздо меньших масштабах. И только в 1991 г. эти две фракции объединились на базе отказа от насилия. По некоторым данным, до 2011 г. время от времени проходили закрытые контакты сирийских «Братьев-мусульман»* с властями. Хотя в Дамаске их всегда рассматривали не более как способ привлечь на свою сторону эту часть оппозиции путем кооптации в систему религиозного истеблишмента¹³⁹.

С приходом к власти Башара Асада и с надеждами на «Дамасскую весну» «Братья-мусульмане»* начали подавать позитивные сигналы новому молодому президенту, на которого вся оппозиция возлагала большие надежды. В 2001 г. был опубликован один из немногих программных документов сирийских «Братьев-мусульман»*, который назывался «Пакт национальной чести». В нем содержались такие положения как отказ от насилия и призыв к диалогу всех политических сил, что рассматривалось как сигнал о готовности к национальному примирению. Это было одностороннее предложение в расчете на начало диалога. Но власти его проигнорировали. В те годы, после кончины Хафеза Асада, Дамаску было не до внутренних игр. На трудности перехода от «Асада к Асаду» наложилось давление извне. ООН приняла резолюцию о выводе войск из Ливана, началось международное расследование убийства бывшего премьер-министра Ливана Рафика Харири, где был обнаружен «сирийский след». Затем, в 2003 г., последовала интервенция США в Ирак и ухудшение отношений с Соединенными Штатами, которые обвиняли Башара Асада в массовом перебросе суннитских боевиков в Ирак. Одновременно происходило сближение «Братьев-мусульман»* со светской политической оппозицией, которая быстро вдохновилась оттепелью «Дамасской весны», наступившей после прихода к власти молодого президента с его многообещающими заявлениями.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹³⁹ Conduit D. The Muslim Brotherhood in Syria. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. P. 105.

В этот тяжелый для режима период «Братья-мусульмане»* сочли подходящим объявить в 2004 г. о запуске политического «проекта будущего Сирии». По сути, это была первая развернутая политическая программа, а не только предложение о примирении. Конечной целью провозглашалось строительство «республиканского демократического» режима с исламом как государственной религией при поэтапной исламизации законодательства. Следующим шагом к возвращению организации в сирийское политическое поле было присоединение к «Дамасской декларации» 2005 г., которую подписали 250 политических партий и видных деятелей сирийской оппозиции в Дамаске и за рубежом.

Но затем «Братья-мусульмане»* вновь совершили огромный тактический просчет. После 1982 г. над ними постоянно довлел груз прошлого, которое со стороны руководства так и не было подвергнуто объективному критическому анализу. Неожиданно было объявлено о поддержке так называемого Фронта национального спасения Сирии, сформированного в Париже бывшим вице-президентом Абделем Халимом Хаддамом. В Сирии он считался одним из крупнейших коррупционеров, и это скомпрометировало «Братьев-мусульман»* в глазах оппозиции, где и без того после 1982 г. они воспринимались с большой долей подозрения и опаски. Все это оказало негативное влияние на позиции «Братьев-мусульман»*. Уже после начала гражданской войны в 2011 г. их влияние в Сирийском национальном совете было не столь значительным.

В. А. Кузнецов: Однако позже представители организации вошли в состав руководства совета.

А. Г. Аксененок: Их представительство там было недолгим, не более года. После этого началась мимикрия всех этих оппозиционных структур, которые сменяли друг друга, принимая разные названия. Затем «Братья-мусульмане»* присутствовали во «Временном правительстве Сирии» в Газиантепе, которое находилось под контролем Турции и Катар. Но в основном деятельность «Братьев-мусульман»* велась за рубежом, где у них сохранилась широко разветвленная сеть. Среди вооруженных группировок известны «Лива аш-Шам» («Бригада Леванта»), недолгое время находившаяся под влиянием «Братьев-мусульман»*, а также «Файлак аш-Шам» («Корпус Леванта»), которая до сих пор действует в Идлибе.

В. А. Кузнецов: Александр Георгиевич, мы с Вами рассмотрели опыт политического ислама, в основном, в трех странах — в Египте, Алжире и Сирии. Вырисовывается довольно интересная кар-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

тина. С одной стороны, политический ислам имеет общие корни во всем исламском мире. Это корни как теоретические, связанные с исламской концепцией власти, так и исторические, связанные с историей уммы, халифата и освободительных движений. В этом отношении политический ислам — уникальный феномен, который лишь ограниченно можно сопоставлять с политизированными христианскими движениями или религиозно-политическими движениями в иных частях света. С другой стороны, если рассматривать этот феномен не в религиозном, а в политическом контексте, то он лишается значительной части своего имиджа. Во всех случаях, которые мы рассматривали, исламские политические организации в целом развивались и трансформировались согласно общим принципам эволюции политических движений. Везде характер их деятельности соответствовал особенностям местной политической культуры и специфике политической ситуации в гораздо большей степени, чем религиозно-политическим системам. И везде в выигрыше неизменно оказывались те силы, которые проявляли наибольшую адаптивность и прагматизм. Означает ли это, что арабская исключительность, о которой мы говорили на первых встречах, несколько переоценена? У меня нет ответа на этот вопрос. Думаю, что сам специфический религиозно-политический дизайн политических процессов в каких-то случаях может играть не меньшую роль, чем общие принципы функционирования политической сферы. И если так, то существование политического ислама в арабском мире недооценивать нельзя.

Однако на этом я бы предложил перейти еще к одной теме, которую мы с Вами, так или иначе, не раз уже затрагивали, но затрагивали всегда по касательной. Теперь я предлагаю на ней сосредоточиться. Давайте поговорим о конфликтах.

Диалог № 5: Конфликты и решения

Вечная конфликтность на Ближнем Востоке

В. А. Кузнецов: Мы переходим к обсуждению кульминационной темы наших встреч — конфликтов на Ближнем Востоке в контексте новой геополитической ситуации. Первый вопрос, однако, касается понятия «геополитика», ставшего модным в последнее время. Стоит отметить, что в рамках нашей дискуссии оно понимается не в качестве направления политической мысли, а в более широком смысле.

А. Г. Аксененко: Вы правильно заметили. Понятие «геополитика» стало настолько расхожим, что мы им пользуемся каждый раз, когда нужно оценить сложные и во многом трудно объяснимые перемены, которые происходили в мире на протяжении последнего десятилетия. Это касается в том числе формирования многополярности, а также перехода от «стратегического партнерства» между Россией и Западом к противоборству уже в новых исторических условиях. В более широком смысле сам термин «геополитика» мне кажется неким эвфемизмом, который используется в качестве замены идеологической составляющей конфликтности в эпоху холодной войны и советско-американской биполярности. После того как в феврале 2022 г. Россия решительно провела свои линии раздела, понятие «геополитика» начинает терять свою релевантность. Конфликтность в глобальном измерении вновь идеологизируется, возвращаясь к своему прежнему содержанию — соревнованию систем и цивилизаций. С одной стороны, это провозглашенная в США доктрина «альянса демократий против автократий», с другой — понятие государства-цивилизации, введенное в официальный оборот новой Концепцией внешней политики России 2023 г. и не раз упоминавшееся В. В. Путиным.

В. А. Кузнецов: Каковы отличия текущей конфронтации от того противостояния, которое было во времена холодной войны?

А. Г. Аксененко: Биполярная система все же была относительно устойчивой. Она обеспечивала баланс сил не только в военно-стратегическом смысле, но и за счет довольно жестких ограничений,

налагаемых на «малые государства», которые были союзниками и партнерами великих держав. Тогда существовала признанная всеми «красная черта», которую нельзя было переступить, а именно — провоцировать столкновение на глобальном уровне. Опасения неприемлемых рисков заставляли СССР и США действовать на параллельных курсах и оказывать давление на противоборствующие стороны межгосударственных конфликтов, вынуждая их проявлять сдержанность.

Классический пример такого поведения со стороны двух великих держав — Октябрьская война 1973 г. Мне довелось в качестве переводчика быть участником многочасовых переговоров председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина с президентом Египта Анваром Садатом в Каире 16–19 октября 1973 г. Египетская сторона просила Советский Союз срочно организовать новый воздушный мост для Египта. А. Н. Косыгин, в свою очередь, настойчиво интересовался, почему египетские войска, успешно форсировавшие Суэцкий канал, вдруг прекратили наступление. Ответы Садата звучали довольно путано. Он ссылаясь то на необходимость «подтянуть» средства ПВО, чтобы прикрыть наступающие войска, то на ожидание прибытия танковой бригады из Алжира, то на проблемы со снабжением. Когда же А. Н. Косыгин информировал президента Египта о данных советской военной разведки, которая зафиксировала движение израильских танков в тыл египетской армии в районе «Крокодильего озера», Анвар Садат «взорвался», назвав это «самоубийственной операцией». Далее события развивались молниеносно. 19 октября самолет А. Н. Косыгина приземлился в Москве, а на следующий день туда прилетел госсекретарь США Генри Киссинджер. В итоге СССР и США достигли договоренности совместно внести проект резолюции Совета Безопасности ООН с призывом к немедленному прекращению огня. Через два дня Совет безопасности принял эту резолюцию, но Израиль продолжал вести военные действия, выйдя к Суэцкому каналу и окружив египетский корпус. Как вспоминал потом Е. М. Примаков, Анвар Садат умолял советское руководство «спасти его и египетскую столицу, которую окружают израильские танки»¹⁴⁰.

Правда, тогда еще давал о себе знать сдерживающий эффект Карибского кризиса, а отношения между СССР и США находились в стадии разрядки. Да и в глобальном смысле траектория советско-американских отношений, как мне, «ветерану холодной войны»,

¹⁴⁰ Примаков Е. М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. — М.: Центрполиграф, 2016. С. 205.

представляется, носила в целом циклический характер. Военная напряженность и взаимное отчуждение сменялись конструктивными диалогами и детантом в примерном соотношении 50 на 50. При этом периоды «балансирования на грани» были не столь длительными, как может показаться на первый взгляд. Это два Берлинских кризиса (1948–1949 гг. и 1961 г.), Карибский кризис (1962 г.), войны во Вьетнаме и в Афганистане (1964–1973 гг. и 1979–1989 гг.), размещение американцами ракет «Першинг» в Европе в ответ на неосмотрительное решение Советского Союза о выдвигании ракет средней и малой дальности в Западной Украине и Западной Белоруссии (1983–1987 гг.). По моим грубым подсчетам, в общей сложности конфронтационные циклы заняли около 20 лет, но даже в эти периоды контакты не прерывались, за небольшими исключениями. Рациональные интересы в конечном счете брали верх над «идеологизмами».

В. А. Кузнецов: *После 1991 г. все изменилось, в том числе наши отношения с США. Сейчас кажется, что с этого момента, после очень краткого периода взаимного очарования, были 30 лет, когда маятник сдвигался в сторону ухудшения отношений. Со временем этот процесс ускорялся, и в результате привел к текущим событиям.*

На Ближнем Востоке ситуация за последние десятилетия тоже изменилась. После окончания холодной войны биполярного противостояния уже не было. Появились новые конфликты, при этом старые не были разрешены.

В официальных документах, как, впрочем, и в неофициальных материалах, повторяется тезис о ключевой значимости урегулирования арабо-израильского конфликта для регионального развития Ближнего Востока. На протяжении многих десятилетий палестинская проблема оставалась важнейшим фактором консолидации арабского мира. Как Вы думаете, сегодня этот конфликт сохраняет былую значимость?

А. Г. Аксененок: Да, на протяжении десятилетий палестинская проблема оставалась сердцевинной арабо-израильского конфликта. В то же время медленно и подспудно, но последовательно происходило накопление усталости и разочарований от ее хронической нерешенности. Я бы сказал, что этот процесс происходил быстрее всего в арабских странах Персидского залива.

В. А. Кузнецов: *Я так понимаю, что свою роль в этом сыграли Кэмп-Дэвидские соглашения? После этого началась эрозия антиизраильского единства.*

А. Г. Аксененок: Да, разумеется. Это был первый прорыв «Арабского фронта стойкости и противодействия» — объединения, в кото-

рое входили Сирия, Алжир, Ливия, Ирак и Организация освобождения Палестины (ООП). Вторым прорывом стало подписание мирного договора Израиля с Иорданией в 1994 г. Далее, уже через четверть века, последовали «Соглашения Авраама» с ОАЭ, Бахрейном, Марокко и Суданом, хотя с Суданом дело потом не пошло. В ходе перехода арабо-израильского конфликта к качественно новой фазе, палестино-израильской, можно отметить несколько ключевых этапов. Всплески надежд на успех сменялись неверием и разочарованием, которые все чаще оказывали эффект психологической фрустрации.

Точка отсчета перехода к новой фазе, на мой взгляд, — Октябрьская война 1973 г. Если тогда арабские государства заняли консолидированную позицию, и поддержали Египет и Сирию, вплоть до введения нефтяного эмбарго, то в дальнейшем степень этой консолидации стала постепенно снижаться. Подписание мирного договора между Египтом и Израилем в 1979 г. нефтяные монархии Персидского залива вначале встретили сдержанно, и только под давлением «арабского фронта стойкости» и «арабской улицы» были вынуждены дать согласие на замораживание членства Египта в ЛАГ и разрыв с ним дипломатических отношений. Примечательно, что кроме возвращения Синая Египту Кэмп-Дэвидские соглашения содержали обнадеживающие положения по палестинскому вопросу¹⁴¹. Не в пользу палестинцев работал и горький осадок от многолетней гражданской войны в Ливане (1975–1990 гг.). Многочисленные распри и вооруженные столкновения в палестинском движении, где набирало силу радикально-исламистское крыло ХАМАС, воспринимались в арабском мире уже несколько иначе. С однозначного осуждения «сионистского врага» фокус внимания начал перемещаться к вопросам вроде: «А что идет не так среди самих палестинцев?». Мадридская конференция 1991 г. и последовавший за ней уже израильско-палестинский мирный процесс (Соглашения «Осло-1» и «Осло-2») стали проблеском света в бесконечных актах насилия с обеих сторон. Палестинская национальная администрация обрела контуры государственности и была признана Израилем как партнер по переговорам об «окончательном статусе». Крушение надежд на достижение «исторического компромисса» наступило в 2000 г., когда провалились переговоры премьер-министра Израиля Эхуда Барака и палестинского лидера Ясира Арафата, которые проходили в Кэмп-Дэвиде при посредничестве США. Реакцией на это стала вторая интифада (2000–2005 гг.), которая уже не вызвала среди арабских государств той солидарно-

¹⁴¹ Речь идет о «законных правах палестинского народа», в том числе на государственность, учреждение системы самоуправления, а также переговоры об «окончательном статусе».

сти, как это было в середине XX века, в романтическую эпоху арабского национализма. Акты терроризма, которые практиковали в то время палестинские радикалы¹⁴², не везде находили понимание в арабском мире. Те, кто в то время работал на Ближнем Востоке, хорошо помнят такую широко распространенную шутку, в которой есть доля шутки: «Палестинцы никогда не упускают возможность упустить возможность». Показательно, что именно в разгар второй интифады король Саудовской Аравии Абдалла бин Абдель-Азиз выдвинул формулу «территории в обмен на мир», поддержанную на арабском саммите в Бейруте в 2002 г. Это было сигналом о готовности арабов искать компромиссные решения палестинской проблемы. Негативное воздействие на израильско-палестинский мирный процесс, безусловно, оказал приход к власти в секторе Газа движения ХАМАС в 2006 г. в результате выборов в парламент палестинской администрации. В итоге сектор Газа и Западный берег р. Иордан оказались оторванными друг от друга не только географически, но и политически, что сыграло на руку право-радикальному крылу в израильских политических кругах. Далее переговоры по «дорожной карте» урегулирования время от времени возобновлялись, но в израильской политике быстро усиливался крен в сторону ползучей аннексии Западного берега р. Иордан. На этой волне Беньямин Нетаньяху сумел продержаться на посту премьер-министра дольше всех других политических деятелей Израиля.

Историческая справка.

Арабо-израильские и палестино-израильские переговоры в начале 1990-х гг.

Мадридская мирная конференция (1991 г.)¹⁴³

Мадридская конференция представляла собой попытку международного сообщества возродить арабо-израильский мирный процесс путем переговоров. В ней участвовали сирийская, ливанская, а также иордано-палестинская делегации¹⁴⁴. Отличительной чертой конференции были новые региональные и глобальные условия, такие как поражение Ирака в Войне в Персидском заливе, а также снижение роли СССР на Ближнем Востоке. Москва

¹⁴² Наибольшую активность проявили ХАМАС, Исламский джихад в Палестине, Народный фронт освобождения Палестины, а также некоторые военизированные подразделения ФАТХ, такие как Танзим и Подразделение 17.

¹⁴³ Подробнее см.: Звягельская И. Д. История Государства Израиль. — М.: Аспект Пресс, 2012. С. 243–256.

¹⁴⁴ В состав иордано-палестинской делегации входили палестинцы, которые не были членами ООП, но были связаны с этим движением.

перестала быть опорой для арабских стран, которые выступали с наиболее жестких позиций в конфликте с Израилем и использовали соперничество двух сверхдержав в своих интересах. При этом Советский Союз выполнял функции координатора конференции и сыграл значительную роль в ее подготовке. К заслугам СССР также стоит отнести проведение в январе 1992 г. Московской встречи по организации многосторонних переговоров по Ближнему Востоку. На площадке этой встречи было создано пять рабочих групп для решения конкретных задач, связанных с содействием арабо-израильскому мирному процессу.

Цель Мадридской конференции заключалась в достижении в течение года соглашений о временном урегулировании арабо-израильского конфликта, в частности, соглашений о палестинском самоуправлении. Кроме того, предполагалось, что в течение пяти лет будут достигнуты соглашения о постоянном урегулировании конфликта на основе Резолюции 242 и Резолюции 338 СБ ООН. Конференция не достигла желаемых результатов, но вскоре после нее были начаты тайные двусторонние израильско-палестинские переговоры, приведшие к процессу в Осло.

Процесс Осло¹⁴⁵

Формат Мадридской конференции оказался безрезультативным. Основная причина заключалась в невозможности исключить ООП из переговорного процесса. Представители палестинцев, хотя формально не были связаны с организацией, в реальности действовали согласно инструкции со стороны руководства движения. Поэтому выходом из переговорного тупика виделось только установление прямых контактов с ООП. Посредником между сторонами стала Норвегия. Переговоры оставались конфиденциальными: даже американцы были проинформированы о них лишь в марте 1993 г.

Результатом закрытых контактов стала Итоговая декларация о принципах организации временного палестинского самоуправления («Осло-1»), подписанная 13 сентября 1993 г. в Вашингтоне. Она предусматривала пятилетний переходный период, в течение которого израильские войска должны были быть выведены из Газы и районов вокруг Иерихона, а также определен окончательный статус палестинских территорий. В дальнейшем стороны заключили соглашение «Газа-Иерихон». После этого был осуществлен вывод израильских войск из обозначенных районов и создано самоуправление Палестинской национальной администрации (ПНА).

¹⁴⁵ Ближневосточное урегулирование // МИД России. 22.07.2005.
URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1686996/

Уже 28 сентября 1995 г. в Вашингтоне состоялось подписание Временного соглашения по Западному берегу и сектору Газа (Осло-2). Оно предусматривало расширение палестинского самоуправления, проведение выборов и создание законодательного органа. При этом территория Западного берега делилась на три зоны: А, В, С.

Важно отметить, что вопросы, касающиеся статуса Иерусалима, беженцев, поселений, границ, мер безопасности, отношения с соседними странами и т. д., предполагалось вынести на переговоры по окончательному урегулированию палестино-израильского конфликта, которые должны были пройти не позднее 4 мая 1996 г.

Важную роль в том, что общепризнанная формула «два государства для двух народов» отошла на задний план, сыграло то обстоятельство, что в какой-то момент в одной точке сошлись сразу три ключевых эффекта: монополизация палестино-израильского переговорного процесса Соединенными Штатами, изменение расклада сил в Израиле в пользу ползучей аннексии Западного берега р. Иордан и рост примиренческих настроений в арабском мире.

Системные потрясения региона после 2011 г. были той почвой, которая взрастила третий прорыв «арабского фронта стойкости» в бойкоте Израиля. Арабский мир, в особенности глубоко интегрированные в мировую экономику государства Персидского залива, все более тяготились бременем палестинской проблемы, возлагая ответственность не только на Израиль, но и на самих палестинцев. Укрепление позиций Ирана по линии «шиитского полумесяца» (Тегеран — Багдад — Дамаск — Бейрут), Соглашение по иранской ядерной программе 2015 г., войны в Сирии и в Йемене — все это мотивировало поиски альтернативных решений, включая трудный выбор в пользу нормализации отношений с Израилем перед лицом «иранской угрозы».

Именно в этот момент к власти в Соединенных Штатах пришла администрация Дональда Трампа, политика которого отличалась беспорядочностью, склонностью к импровизации и личностным волюнтаризмом. Прорыв в арабский мир посредством решения палестинской проблемы был поставлен в центр усилий израильской и американской дипломатии вскоре после провала посредничества Билла Клинтона в 2000–2001 гг. и последующих раундов палестино-израильских переговоров в бытность президентов Джорджа Буша-мл. и Барака Обамы. Дональд Трамп лишь воспользовался благоприятным моментом, чтобы «войти в историю» со своей «Сделкой века», фиксирующей новые реалии в регионе.

Несколько лет назад я участвовал в межпалестинских консультациях, которые происходили в Москве, и был поражен тем, что

практически ничего не изменилось с 1980-х гг., с тех пор как мы с М. Л. Богдановым, работая в Дамаске, пытались склонить находившиеся там разрозненные палестинские движения к сотрудничеству с Ясиром Арафатом. Михаил Леонидович имел широкие деловые связи среди лидеров палестинских организаций, и уже тогда было заметно, что Ближний Восток — это его профессиональная стихия, его линия жизни

***В. А. Кузнецов:** Мы знаем, что Ближний Восток — это регион, где все всегда меняется, оставаясь неизменным. Но мне бы хотелось затронуть советско-американские отношения в аспекте ближневосточного урегулирования. Как они развивались?*

А. Г. Аксенов: С высоты имеющихся на сегодня данных, нет сомнений в том, что на какое-то время проводимой Генри Киссинджером дипломатии «шаг за шагом» удалось переиграть ближневосточную политику Советского Союза, который «последовательно и принципиально» выступал за всеобъемлющее урегулирование арабо-израильского конфликта и осуждал всякого рода «сепаратные сделки». Если говорить о 1973 г., то можно с полным основанием считать, что Октябрьская война проходила по заранее подготовленному сценарию. Египет и США не имели в то время дипломатических отношений, и контакты между ними осуществлялись через специальную дипломатическую миссию в Тунисе. Вряд ли сценарий ведения боевых действий в деталях проговаривался по секретным каналам между Анваром Садатом и Генри Киссинджером. Но общее понимание целей Октябрьской войны, безусловно, было ими достигнуто. Об этом пишет, в частности, Е. М. Примаков в своей книге «Ближний Восток на сцене и за кулисами». Да и сам Генри Киссинджер впоследствии подтверждал, что Анвар Садат начал войну не ради освобождения оккупированных Израилем территорий, а для того, чтобы сдвинуть с «мертвой точки» арабо-израильское урегулирование¹⁴⁶. К сожалению, до определенного момента к предупреждениям об «играх» Генри Киссинджера и Анвара Садата в Москве по разным причинам относились недостаточно серьезно.

Уже на Женевской мирной конференции в декабре 1973 г., где Советский Союз и Соединенные Штаты выступали в качестве сопредседателей, министру иностранных дел СССР А. А. Громыко стало понятно, что США взяли курс на одностороннее посредничество в достижении далеко идущих двусторонних договоренностей между Израилем и его тремя арабскими соседями, начиная с определения

¹⁴⁶ Примаков Е. М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. — М.: Центрполиграф, 2016. С. 152–172.

условий разъединения войск. В то время, работая в центральном аппарате МИД СССР, я принимал участие в этой конференции и был свидетелем того, как отстраненно вел себя Киссинджер, будто это было чисто «символическим актом». В своих мемуарах он и не скрывал такого отношения¹⁴⁷. Следующая ближневосточная конференция при советско-американском председательстве состоялась только в конце 1991 г., как раз накануне распада Советского Союза. Конференция не достигла желаемых результатов, но вскоре после нее начались закулисные двусторонние палестино-израильские переговоры, приведшие к подписанию соглашений в Осло.

Интересное объяснение линии США на отстранение Советского Союза от процесса мирного урегулирования дает видный американский дипломат Гарольд Сондерс, архитектор Кэмп-Дэвидских соглашений. В свое время он тесно сотрудничал с Е. М. Примаковым в рамках Рабочей группы по региональным конфликтам, созданной на полях Дартмутской конференции.

Гарольд Сондерс отмечал три причины отстранения СССР от процесса мирного урегулирования. Первое — заинтересованность Москвы в поддержке позиции арабов, а не в достижении прогресса в мирном урегулировании, которое потребовало бы учитывать и израильские интересы¹⁴⁸. Второе — советская дипломатия, по мнению американских переговорщиков, характеризовалась чрезмерно формалистичными подходами, что мешало действовать с необходимой в этой ситуации оперативностью, приспосабливаться к обстоятельствам, а также чувствовать политический подтекст, требуемый для такого прогресса. Третье — Соединенные Штаты в «киссинджерский период» основное внимание уделяли получению стратегического преимущества, демонстрируя все те достижения, которых они были в состоянии добиться и которые не мог предъявить Советский Союз¹⁴⁹.

В постсоветский период Россия вернулась на Ближний Восток, обретая стратегическое равновесие в отношениях между Израилем и арабским миром, восстановив связи на новой прагматичной основе с прежними партнерами и расширив свое присутствие на набирающий экономическую силу и политический вес регион Персидского залива. В начале 2000-х гг. большие надежды возлагались на ближневосточный «квартет», который выработал «дорожную карту» поэтапного

¹⁴⁷ Kissinger H. Years of upheaval. Boston, Toronto, Little Brown & Co, 1982. P. 747.

¹⁴⁸ Вплоть до 1991 г. СССР и Израиль не имели дипломатических отношений.

¹⁴⁹ Сондерс Г. Устойчивый диалог в конфликтах: трансформации и изменения / Гарольд Г. Сондерс ; пер. с англ. И. Поляничевой; под науч. ред. А. Аксененка, И. Звягельской. — М.: Аспект Пресс, 2019. С. 85–86.

урегулирования палестино-израильского конфликта. Однако Соединенные Штаты не отказывались от единоличного посредничества, которое раз за разом демонстрировало свою несостоятельность. Теперь, после того как США фактически и юридически легитимизировали оккупацию палестинских территорий, вопрос еврейских поселений на Западном берегу р. Иордан, впрочем, как и статус Иерусалима, воспринимается как *“fait accompli”*¹⁵⁰. Палестинская проблема от формулы «два государства для двух народов», в представлении многих западных, да и части арабских политиков, перешла в плоскость гражданских прав палестинского меньшинства в государстве Израиль. При этом многие американские, израильские и арабские эксперты предупреждают об угрозе превращения Израиля через 3–5 лет в государство-апартеид.

Историческая справка. «Ближневосточный квартет»¹⁵¹

После того как «Вторая интифада» нивелировала «процесс Осло», появился новый формат урегулирования — «Ближневосточный квартет», созданный совместно Россией и США при участии ООН и ЕС (2002 г.). «Четверка» представила дорожную карту урегулирования (2003 г.), с целью «претворения в жизнь видения сосуществования двух государств — Израиля и Палестины, живущих бок о бок в мире и безопасности»¹⁵².

Реализация дорожной карты включала в себя три этапа:

Первый — прекращение интифады и реформирование палестинских органов самоуправления. В автономии предполагалась разработка конституции и проведение выборов в местные органы власти. Израиль также должен был пойти на уступки, среди которых: отменить комендантский час, разблокировать активы министерства финансов ПНА, предоставить свободу передвижения палестинцам. Кроме того, израильские войска должны были быть выведены из районов, оккупированных с сентября 2000 г., а поселенческая политика приостановлена.

Второй — начало переговорного процесса. Предполагалось, что его инициатором выступит квартет, а итогом станет создание палестинского государства с временными границами.

¹⁵⁰ В пер. с франц. означает «свершившийся факт».

¹⁵¹ Подробнее см.: Звягельская И. Д. История Государства Израиль. — М.: Аспект Пресс, 2012. С. 284.

¹⁵² Совместное заявление министра иностранных дел России, государственного секретаря США, высокого представителя по безопасности и внешней политике ЕС и генерального секретаря ООН // МИД России. 06.05.2003.
URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1590440/

Третий — созыв второй конференции для утверждения соглашения о временных границах палестинского государства, а также для начала переговоров между Израилем и палестинцами об окончательном урегулировании. Процесс должен был завершиться в 2005 г.

Жесткий график «дорожной карты» сыграл злую шутку с ее реализацией. По итогу проект так и не был выполнен.

В. А. Кузнецов: *Однако нерешенными остаются проблема Голанских высот и ряд других аспектов арабо-израильского конфликта.*

А. Г. Аксененок: Да, проблема Голанских высот остается. Но та схема урегулирования, которая негласно оговаривалась на переговорах госсекретарей США Джеймса Бейкера, Уоррена Кристофера и Кондолизы Райс с Хафезом Асадом, а потом и с Башаром Асадом, при нынешней расстановке сил и настроений в регионе уже не будет работать. Вопрос Голанских высот находится в подвешенном состоянии, и трудно сказать, что должно произойти, чтобы эти переговоры возобновились. По всей видимости, сбудутся предсказания Хафеза Асада, который говорил, что Сирия будет последней арабской страной, заключившей мир с Израилем.

Бури XXI века: внешние и внутренние причины

В. А. Кузнецов: *Если говорить про современные конфликты, что можно выделить? Ряд конфликтов — палестино-израильский, конфликт в Западной Сахаре — существует уже давно. При этом появилось три новых вооруженных конфликта — йеменский, сирийский и ливийский, начавшиеся в 2010-е гг. В чем их коренные причины? Безусловно, среди них есть роль внешних акторов, не говоря уже о внутренних социально-политических процессах. Понятно, что мы не занимаем какую-то крайнюю позицию, и не считаем, что все дело исключительно в иностранном вмешательстве или только во внутренних факторах. Но как внутренние и внешние факторы между собой соотносятся, каковы пропорции?*

А. Г. Аксененок: Согласен. Занимая крайние позиции, трудно что-либо объяснить даже в межличностных спорах. Подобным образом дела обстоят в государстве и обществе, во взаимоотношениях между ними, а также в условиях революционного или эволюционного разрешения гражданских конфликтов. В этом смысле Ближний Восток не исключение из универсальных законов, регулирующих развитие политических систем, их соответствие или несоответствие общественным потребностям и меняющимся социально-экономичес-

ким условиям. Безусловно, на Ближнем Востоке действовали и общие законы, и своя собственная специфика, и иностранное вмешательство. Другое дело (и Вы правильно расставляете акценты с точки зрения академического анализа) — в каком соотношении? Только такой подход представляется мне объективным, поскольку рассуждать о том, что здесь первично, а что вторично, чревато «флюсом односторонности». Кроме того, это соотношение в каждом из трех конфликтов отличалось своими особенностями.

Например, прямая интервенция НАТО в Ливии сыграла решающую роль в свержении Муаммара Каддафи, который, не будь ударов с воздуха, имел все шансы удержаться у власти и «купить» покорность племен. Вмешательство в Сирии вначале было косвенным, в виде военной и финансовой подпитки, а также политической поддержки вооруженной оппозиции извне. Затем оно быстро переросло в американо-турецкую оккупацию частей сирийской территории под предлогом борьбы с международным терроризмом. При помощи союзников Дамаска, и здесь можно говорить о «легитимном вмешательстве» по просьбе законного правительства Сирии, смены власти не произошло. Хотя коренные причины внутреннего конфликта не исчезли. События в Йемене после 2011 г. развивались без прямого внешнего вмешательства, как массовые протесты с требованиями смены власти. Для Йемена гражданская война — почти перманентное состояние¹⁵³. Но Али Абдалла Салех вынужден был уйти не в результате гражданской войны, а под давлением изнутри и после долгих политических торгов при посредничестве ССАГПЗ, в первую очередь Саудовской Аравии. В 2012 г. президентом Йемена на внеочередных выборах был избран Абд-Раббу Мансур Хади. Дальнейшие события могли бы пойти по конституционному пути, если бы не государственный переворот, совершенный через три года под руководством хуситов. И только затем последовала новая гражданская война и прямая военная интервенция коалиции арабских государств во главе с Саудовской Аравией.

Как мы видим, влияние внешнего вмешательства в разных случаях разное. В Ливии оно склонило чашу весов в пользу повстанцев, в Сирии было нейтрализовано другим, уже легитимным вмешательством, а в Йемене не имело успеха в силу сложившегося равновесия сил. Если говорить о глубинных внутренних процессах, вызвавших революционные взрывы в регионе после 2011 г., то между ними много общих черт. Впервые в современной истории арабов

¹⁵³ Герасимов О. Г. (Отв. ред.). Новейшая история Йемена. 1917–1982 гг. — М.: Наука, 1984. — 235 с.

смена режимов в четырех ближневосточных странах произошла не в результате военного переворота, а под мощным давлением снизу. На повестку дня встал вопрос о политических реформах, включая смену «несменяемых» арабских правителей. На уровне субъективного восприятия реальности в массах вопрос о власти со временем стал серьезным раздражителем. В 2019–2020 гг. впервые в Ливане, Ираке и Алжире появился лозунг «менять всех значит всех». Безусловно, внешние акторы не могли бы вызвать такие системные потрясения, если бы не было внутренних предпосылок к этому.

В. А. Кузнецов: *Какие, на Ваш взгляд, были внутренние, глубинные истоки конфликтов?*

А. Г. Аксенонок: Предпосылки к внутренним потрясениям созревали в течение последних трех десятилетий, после того как угроза новых межгосударственных столкновений между Израилем и соседними арабскими государствами была практически снята, а на первый план выдвинулись накопившиеся проблемы внутреннего развития, находившиеся в тени арабо-израильского конфликта. Вспоминается лозунг Гамала Абдель Насера: «Нет ни одного голоса выше, чем голос битвы»¹⁵⁴. С конца 1970-х гг. новые «линии фронта» стали пролегать не столько между Израилем и арабскими государствами Ближнего Востока, сколько внутри них. Израиль, между прочим, не стал исключением.

Тридцатилетний период до вспышки кризиса 2011 г. был временем эволюционного развития и консолидации власти правящих элит. Арабский мир в целом продвинулся по пути модернизации и интеграции в мировую экономику, хотя рыночные реформы повсеместно наталкивались на сопротивление раздутого и коррумпированного бюрократического аппарата, ригидность социальных структур и архаику общественных устоев. Тем не менее, регион демонстрировал в этот период самые высокие макропоказатели экономического роста. Но вся эта эволюция, во-первых, значительно отставала от темпов развития в других регионах мира, таких как Юго-Восточная Азия и Латинская Америка. Во-вторых, она не затронула ключевые проблемы роста. Заметного увеличения доходов на душу населения не произошло. Экономические реформы в Египте, Сирии и Тунисе создали прослойку среднего класса, но плодами реформ воспользовалась узкая группа лиц, приближенных к власти. При демократическом фасаде консервировались авторитарные методы правления, приобретающие все более клановый nepotический характер. Кризис

¹⁵⁴ Beinin J. How Egypt's Gamal Abdel Nasser Changed World Politics // Jacobin. 11.02.2021. URL: <https://jacobin.com/2021/11/egypt-gamal-abdel-nasser-world-politics-arab-socialism-anti-imperialism-history>

на Ближнем Востоке приобрел системный характер, и законы революционного хаоса заработали тогда, когда власть оказалась неспособна удовлетворить базовые социально-экономические запросы общества в таких сферах как образование и медицина, а также создание новых рабочих мест и повышение качества жизни. По этим показателям Ближний Восток развивался со значительным отставанием от остальных регионов мира.

В. А. Кузнецов: *Но при этом запросы общества росли?*

А. Г. Аксененок: Запросы действительно росли, тем более по мере все большей открытости к внешнему миру. Параллельно росла и пропасть имущественного неравенства, особенно разительная в Египте, Алжире и Йемене. Как следствие нефтяных сверхдоходов на Арабском Востоке региональное развитие также шло неравномерно. Самый высокий показатель ВВП на душу населения в странах региона превышает самый низкий более чем в 16 раз, по подсчетам ряда экономистов. В целом же пропасть в доходах между «богатыми» и «бедными» странами намного больше¹⁵⁵. Постоянный эффект «социальной бомбы» оказывала хроническая безработица. В особенности это касалось безработицы среди молодежи, где занятость была катастрофически низка. Общая численность молодых людей в регионе в возрасте до 30 лет приближалась к 70% населения, и большинство из них, по проводимым опросам, мечтали о выезде за границу.

В. А. Кузнецов: *Согласен, экономические причины играли тут важнейшую роль. При этом те три страны, в которых развернулись именно вооруженные конфликты — Сирия, Ливия и Йемен — очень различаются между собой. Однако во всех трех случаях и с процессами модернизации, и с процессами политического развития все обстояло довольно специфически. Например, в Ливии, насколько я понимаю, большой разрыв между бедными и богатыми сформировался довольно давно, еще до появления на политической арене Муаммара Каддафи, что стало важной причиной его прихода к власти в 1969 г. Процесс модернизации в Ливии проходил очень специфично и отличался от всех остальных стран региона. Все усилия властей были направлены на то, чтобы максимально сохранить традиционную социальную структуру. А где-то даже наблюдалась архаизация, когда Муаммар Каддафи в 1990-е гг. начал делать ставку на племена вместо революционных сил, народных комитетов. С другой стороны, происходила объективная социальная модер-*

¹⁵⁵ Аксененок А. Г. Ближний Восток: на переломе эпох // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России. — М.: Международные отношения, 2018. С. 411.

низация, которая выражалась в том числе в урбанизации и в росте уровня образования.

В Йемене дело с модернизацией тоже обстояло специфически. С одной стороны, южная часть страны хорошо продвинулась на этом пути. И в период британского колониализма, и в социалистический период там были достигнуты большие успехи. Но в 1990-е гг. произошел откат, когда Северный Йемен установил контроль над всей страной. Большой разрыв между богатыми и бедными тоже оставался постоянным фактором напряженности. Наконец, Сирия, где, с одной стороны, модернизация тоже шла, были попытки реформ в начале 2000-х гг., а потом все застопорилось.

Мне кажется, эти три разных примера довольно сильно выделяют указанные страны из всего арабского мира, где все остальные государства развивались более линейно. Здесь же неизменно попытки модернизации сталкивались с существенными трудностями — необходимостью сохранения традиционной социально-политической структуры общества, что требовало особенно больших затрат. Такую нагрузку могли позволить себе сверхбогатые государства Залива, однако не Сирия, не Йемен, и даже не Ливия.

При этом обращает на себя внимание, что эти новые конфликты в основном остаются внутренними, пусть и интернационализированными, а не межгосударственными и не сецессионистскими, как это было раньше, в XX веке. Как Вы полагаете, почему?

А. Г. Аксененок: В последнее десятилетие протестная активность нарастает по всему миру. Эта тенденция прослеживается во многих странах Европы, и особенно быстро распространяется в Соединенных Штатах, где поляризация в обществе быстро набирает силу.

В. А. Кузнецов: В США эта тенденция прослеживается с 2011 г., начиная с “Occupy Wall Street”.

А. Г. Аксененок: А дальше были «сражения» на расовой почве (*Black Lives Matter*), непризнание результатов президентских выборов в 2020 г., вылившееся в штурм Капитолия и т. д. Это говорит о том, что проблемы внутреннего развития выходят на первый план не только на Ближнем Востоке. Коммунистическая модель потерпела неудачу, в системе либеральных демократий вскрылись серьезные дефекты и дисфункции, а восточные теократии теряют свою былую привлекательность в исламском мире. Арабский мир пока не знает, чему следовать. Если европейские страны имели опыт буржуазно-демократического развития и строили свою идентичность во многом на отталкивании от коммунизма, видя в ЕС центр притяжения, то на Ближнем Востоке таких ориентиров сейчас не существует.

В. А. Кузнецов: Давайте вернемся к вопросу о соотношении внутренних и внешних причин конфликтов, чтобы более четко определить, как эти два измерения связаны друг с другом.

Мне кажется, что в каждом отдельном случае соотношение разное. Понятно, что лодку, которая не качается, перевернуть невозможно. Но очевидно и то, что та лодка, которая уже качается, может устоять, если ее специально не переворачивать. Есть ощущение, что со временем, в зависимости от глобальной ситуации и усовершенствования методов внешнеполитической работы и госуправления, соотношение этих вещей меняется. Мне кажется, что со времен той волны нестабильности, которая произошла во время «арабской весны» 12 лет назад, во многих странах ближневосточного региона и в мире в целом власти научились справляться с теми вызовами, которые связаны с массовыми протестными выступлениями, в том числе и на техническом уровне. Были усовершенствованы методы управления, что далеко не всегда означает совершенствование государственных институтов. Иногда это может быть просто улучшение работы репрессивного аппарата. С другой стороны, страны научились лучше реагировать на действия, связанные с внешними игроками. Но таким образом на следующем этапе должен как-то совершенствоваться механизм этих самых вмешательств. И мы все время существуем на этих «качелях».

А. Г. Аксененко: Вопрос о двух измерениях конфликтности, внутреннем и внешнем, и их соотношении друг с другом мы частично затрагивали. И, как мне кажется, сошлись во мнении, что у каждого случая свои «лодки», и раскачиваться они могут по разным причинам. Это может быть шторм, смена ветра, буйное поведение какого-то пассажира или просто протечка кормы и многое другое. Вспоминаю в этой связи арабскую поговорку: «Не так дуют ветры, как того хотят корабли». Поэтому суждения априори вряд ли помогут объективному анализу общего и особенного в каждом конфликтном кейсе. При ретроспективном анализе глубинных внутренних причин конфликтов становится более или менее понятно, какие накапливались дефекты, но на тот момент мало кто мог спрогнозировать весь масштаб региональных и глобальных последствий. Ранее мы говорили об этом в прошедшем времени, пытаясь ответить на вопрос, почему произошли такие крупные провалы. Есть исследования, показывающие, что гражданские войны стоят странам со средним уровнем развития 30 лет роста ВВП, то есть отбрасывают их на 30 лет

назад¹⁵⁶. На этот раз Вы задаетесь несколько другим вопросом — а что, собственно, произошло, каков итог с проекцией на перспективу? Это, может быть, не менее интересно, но в то же время столь же предположительно, как и оценки экспертов в преддверии потрясенный прошлого десятилетия. Тем более, что на нынешнем историческом изломе в международных отношениях этот регион более, чем когда-либо интегрирован в мировую экономику и политику, остро ощущает опасные последствия глобального противостояния XXI в. Поэтому градус непредсказуемости повышается.

Мы вроде бы с Вами согласны в том, что в современном мироустройстве, в отличие от 1990-х гг., когда говорили о «конце истории», по существу, не осталось образцовых моделей развития, которые могли бы служить ориентиром для региона. Доверие к правящим элитам и государственным институтам подвергается большим испытаниям.

Действительно, власти на Ближнем Востоке в последние годы стараются проводить внутреннюю и внешнюю политику, которую я бы назвал адаптивной. Правда, это в большей степени относится к двум категориям государств. Первая категория — это страны, которые прямо не были затронуты революционными выступлениями, но почувствовали на себе расходящиеся от них волны перемен. Эти государства (Саудовская Аравия, ОАЭ, Марокко, Иордания) пошли по пути внутренних реформ как бы «на опережение», в значительной степени персонифицированных, связанных с именем сильного правителя. Как, например, в Саудовской Аравии они были связаны с именем наследного принца Мухаммеда бин Сальмана. Ко второй группе можно отнести государства, в которых произошла смена власти под сильным давлением снизу со стороны протестных масс — Египет и Алжир. Общим для них было то, что при всех революционных «приливах и отливах» переход произошел без радикального слома политико-административной и законодательной системы и введен в правовое русло. В Египте смена власти проходила с преобладанием элементов «бонапартизма», а в Алжире — с большей репрезентативностью.

Тунис — особый случай. На протяжении почти десяти лет после свержения правящего режима в 2011 г. эта страна считалась едва ли не единственной «историей успеха» в постреволюционном переустройстве общества на условиях нового «общественного договора». Однако в июле 2021 г. президент Кайс Саид сосредоточил в

¹⁵⁶ World Bank Group Strategy for Fragility, Conflict, and Violence 2020–2025 (English) // The World Bank. 27.02.2020. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/844591582815510521/world-bank-group-strategy-for-fragility-conflict-and-violence-2020-2025>

своих руках всю полноту исполнительной власти, приостановив работу парламента и введя жесткие меры в отношении оппозиционной активности. В Тунисе произошел переход от парламентской республики к суперпрезидентской по турецкому образцу, может быть, ближе к египетскому. При этом Кайс Саид, конечно, не относится к «классу» военной аристократии. В итоге можно сказать, что несбывшиеся надежды на быстрое улучшение жизни после свержения «старых режимов» оборачиваются тяготением к реформам, проводимым «сильной рукой». Этот феномен, получивший название «нового авторитаризма», проявляется в целом ряде стран при всех различиях существующих в них политических систем.

Третью группу образуют страны, где продолжаются, пусть и в латентных формах, гражданские конфликты. Но это отдельный вопрос, поскольку в этих трех странах — Сирии, Ливии и Йемене — поиски урегулирования неразрывно связаны с решением вопросов будущего государственного устройства.

Если говорить о том, как меняется соотношение роли иностранных вмешательств и коренных внутренних проблем, то я бы отметил еще один важный момент. Вы правы в том, что траектория развития в регионе находится на «качелях». Арабский мир, после постигших его потрясений, проходит через преодоление кризиса самоидентификации, как в отношениях с внешним миром, так и в плане национального развития.

Что я под этим имею в виду? В отличие от конфронтации времен Советского Союза большинство стран региона проводят дифференцированную политику, стараясь избегать односторонней ориентации. Реакция на развернувшееся глобальное противоборство показывает отторжение ими диктата со стороны Запада и заинтересованность в выработке нового формата международного взаимодействия в условиях многополярности. В то же время они не готовы к выстраиванию отношений на антиамериканской почве, равно как и не видят перспектив в планах Соединенных Штатов по созданию регионального «альянса демократий».

Процесс внутренней самоидентификации особенно противоречиво проходит в странах третьей группы, то есть там, где по-прежнему довлеют последствия гражданских войн с вмешательством извне. Осознание общей идентичности — сирийской, ливийской, йеменской — рождается через болезненные поиски компромиссных решений о том, на каких принципах будет выстроено будущее государственное устройство. За десятилетия эволюционного развития нациестроительство на Ближнем Востоке завершено не было. Национальные идентичности, по выражению Е. М. Примакова —

«страновой национализм», распались в гражданском самосознании на отдельные конфессиональные, этнические, трайбалистские, и даже клановые элементы. Они с трудом встраивались в институциональные государственные структуры, действуя как теневые механизмы власти, своего рода «глубинное государство».

В. А. Кузнецов: *Вероятно, в связи с этим стоит упомянуть и особенные черты политического устройства таких государств как Ливан и Ирак?*

А. Г. Аксененок: Разумеется. Мне вспоминается интересное исследование Джозефа Бахута. Оно касалось Ливана, но в смысле формирования национальной идентичности может иметь более широкую коннотацию, чем просто ливанская конфессиональная система. Джозеф Бахут писал о культуре политического конфессионализма, используя именно такую формулировку. Он отмечал, что в Ливане с 1840–1860-х гг., еще во времена Османской империи, многоконфессиональные общественные структуры трансформировались в государственные. Таким образом, в Ливане родилась система политического конфессионализма, которая показала свою устойчивость. Это, конечно, вопрос дискуссионный. Но по мнению Джозефа Бахута, политическая система Ливана оказалась не самой худшей, особенно по сравнению с соседями.

В. А. Кузнецов: *А в каком году он это написал?*

А. Г. Аксененок: В 2016 г., когда система уже дала много трещин.

Тогда ливанскую политическую систему «подточил» палестинский фактор. Несмотря на это, изначально в ней было и, на мой взгляд, остается какое-то рациональное зерно. При всех последующих потрясениях сломать ее полностью так и не удалось.

Среди ливанцев, христиан и мусульман всех конфессий, ощущается подспудное желание оставить систему политического конфессионализма, при условии некоторой модернизации. Эту систему во многом поддерживала Сирия, и ей, как балансиру, было отведено большое место в Таифских соглашениях 1989 г. Затем, в 2006 г., когда сирийские войска ушли из Ливана, такой внешней силы не осталось. Показательны в этом смысле призывы целой группы людей «Колонизируйте нас!», когда французский президент Эмманюэль Макрон приезжал в Ливан, пытаясь взять на себя главную роль в решении ливанского кризиса. Затем он «забыл» про свои благородные инициативы.

Так что, соглашаясь с Джозефом Бахутом в том, что конфессиональная система для Ливана еще не дело прошлого, я склонен думать, что для некоторых других арабских стран политический

конфессионализм в его модифицированном виде может быть каким-то ориентиром в постконфликтном урегулировании.

В. А. Кузнецов: По крайней мере, для некоторых государств. Впрочем, нельзя не заметить, что при всем очаровании конфессионализма, и Ливан, и Ирак, где он также присутствует, десятилетиями находятся в политическом тупике.

А. Г. Аксененок: Тупик все же лучше конфликта. Для тех стран, где вопрос государственного строительства не решен, таких как Йемен или Сирия, это может быть выходом.

В. А. Кузнецов: Для Ливии, к примеру, этот путь вряд ли возможен, т. к. там нет конфессионального вопроса, а проблемы носят скорее территориальный характер. А вот Йемен, Сирия и Ирак к таким странам относятся. Но мне кажется, что проблема конфессионализма в том, что он позволяет найти выход на определенном этапе, однако создает практически непреодолимые препятствия для общественно-политического развития. Это именно то, что произошло с Ливаном, в котором страшный гражданский конфликт был урегулирован благодаря Таифским соглашениям. Но спустя четверть века Ливан фактически оказался в ситуации нового кризиса. Однако отсутствует понимание, как этот кризис можно урегулировать, потому что государственные институты работают плохо. При этом в государстве не происходит обновления элит, кроме естественной смены поколений. Фактически у власти в Ливане остаются одни и те же семьи.

А. Г. Аксененок: Но на Арабском Востоке семьи и клановость более устойчивы, чем где-либо еще.

В. А. Кузнецов: Да, конечно. Но, тем не менее, практически во всех других арабских странах мы видим достаточно серьезное обновление элит. Так, оно произошло в Египте, где президент ас-Сиси — это не выходец из старой элиты.

А. Г. Аксененок: Наиболее заметное обновление произошло после 2011 г. До этого момента все-таки была преемственность — элиту Анвара Садата сменила элита Хосни Мубарака.

В. А. Кузнецов: Но мубараковская элита все же не была той же, что в 1952 г. Мне кажется, кардинальное обновление элит в Египте происходило примерно раз в 50 лет. Первое — в 1950-е гг., когда к власти пришли военные. Второе — при Хосни Мубараке, хотя это обновление и не было радикальным. Затем элиты сменились уже в 2010-е гг.

А. Г. Аксененок: Получается так. Анвар Садат все-таки был «продолжением» насеровского режима, хотя и адаптировал его политику к меняющимся внешним и внутренним условиям. Хосни

Мубарак был «продолжением» Садата и тоже со своими особенностями. Но преемственность элиты сохранялась, хоть и в модернизированном виде.

В. А. Кузнецов: *В Тунисе обновление элит тоже произошло в 2011 г., и тоже впервые за полвека. В Ливии наблюдается проблема с элитами как таковыми, а после 2011 г. они стали еще более разрозненными. В Йемене произошло примерно то же, что и в Ливии, но и там, и там на политической арене появилось много новых людей. В Ираке обновление элит периодически происходило, но всегда революционным, кровавым путем. Это тоже интересный сюжет, на который можно обратить внимание.*

А. Г. Аксенонок: Мы говорили о внутренних факторах как о глубинных причинах социальных взрывов, но внешние факторы, безусловно, тоже были, и этого нельзя отрицать. Однако на первых порах они не играли решающей роли. Вместе с тем, по мере распространения «эффекта домино», Запад, как это бывало и в прошлом, априори взял курс на поддержку вооруженной оппозиции — и в Сирии, и в Ливии, не особенно считаясь с тем, насколько неоднороден состав оппозиции и каковы их политические установки. Классическим примером является высказывание одного из американских чиновников, когда они финансировали поставки вооружений: оказывается, «оружие может попасть не в те руки»¹⁵⁷. Собственно, можно вспомнить, как Хиллари Клинтон на посту государственного секретаря США в период смены состава политического руководства вооруженной оппозиции — а это бывало очень часто — сказала: «Террористы взяли в заложники руководство оппозиции»¹⁵⁸. Такое было не раз. Все развивалось очень быстро: отмерять можно не годами, а месяцами. Где-то с 2012 г. внешнее вмешательство в дела региона происходило уже на идеологической основе. Расчет был в том, чтобы показать поступательное шествие демократии по всему миру и получить политический капитал на почве солидарности с арабскими революциями.

В. А. Кузнецов: *У меня есть небольшая ремарка. Мы оказались в странной, и даже парадоксальной ситуации. Запад, для которого характерна политическая культура, основанная на либеральной традиции, в XXI в. в ситуации протестов или революции всегда выступал, собственно, сторонником революции. И это происходило не*

¹⁵⁷ Ali I. U.S. resumes 'on-site' inspections to keep track of weapons in Ukraine // Reuters. 31.10.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/us-resumes-on-site-inspections-keep-track-weapons-ukraine-2022-10-31/>

¹⁵⁸ Becker J., Shane S. Hillary Clinton, 'Smart Power' and a Dictator's Fall // The New York Times. 27.02.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/02/28/us/politics/hillary-clinton-libya.html>

только на Ближнем Востоке. Связано ли это с каким-то изменением западного мировоззрения? Казалось бы, с точки зрения собственного исторического опыта Великобритании и США, у них такого революционного опыта довольно мало, а тот, что все же есть, относится к весьма давним временам. Да, конечно, есть переживавшие всяческие социальные потрясения в XX в. Франция, Германия, Южная Европа, но все же не они сегодня задают западные политические тренды. В то же время Россия, которая пережила несколько революций, выступает сторонником стабильности. Как, впрочем, и Китай.

В истории есть опыт бархатных революций 1980-х гг., которые привели к успешному демократическому транзиту власти в ряде стран Восточной Европы. Мы знали, что этот транзит был в значительной степени обеспечен Западной Европой, которая создала достаточную мотивацию для этих стран, ради чего, собственно, стоит этот транзит осуществлять. В начале 2000-х гг. был опыт «цветных» революций в Грузии, Киргизии и в других государствах. Если я не ошибаюсь, ни в одном из случаев он не был настолько успешен, чтобы можно было говорить об установлении устойчивой демократии. Какие тогда были основания считать, что на Ближнем Востоке должна установиться консолидированная демократия? Тем более если поддержка этих движений и новых политических режимов была несравненно скромнее, чем та, которую Запад оказывал ранее в других странах.

А. Г. Аксененок: Да, это как раз тот пример, когда во внешней политике нарушаются логические цепочки. Верх берут одномоментные интересы, внутривластные расчеты, групповые амбиции во власти. В данном случае, наверное, лучше говорить об американской политике. Европа уже в 1990-х — начале 2000-х гг. все больше становилась ведомой. Мы можем это видеть на примере конфликта в бывшей Югославии и американского вторжения в Ирак 2003 г., когда европейская самостоятельность продержалась недолго. Провалы ближневосточной политики США связаны не столько с поддержкой арабских революций на риторическом уровне, сколько с активным вмешательством в государственностроительство. Ирак и Афганистан — тому типичные примеры. Затянувшаяся «рекалибровка» политики на Ближнем Востоке после прихода к власти администрации Джозефа Байдена завершилась широкими декларациями о том, что США не могут и не будут преобразовывать регион под свои стандарты. С другой стороны, были и другие примеры, в частности, позиция США в алжирском конфликте в течение всего «черного десятилетия». В отличие от Франции, выступавшей за «выкорчевывание» исламистов,

США последовательно призывали к решению вопроса с исламистами путем переговоров. Другой пример — Египет в 2013 г. После того как египетские военные отстранили от власти Мухаммеда Мурси, со стороны США предпринимались попытки вмешательства во внутренние дела страны под видом посредничества¹⁵⁹.

В. А. Кузнецов: *Однако в действительности они все же поддерживали исламистов.*

А. Г. Аксененок: Во всяком случае, явно происламистскую позицию они не занимали, ожидая, чем все закончится. Перемены в Египте США поддержали только тогда, когда военные окончательно взяли верх, и Абдель Фаттах ас-Сиси обрел легитимность. Но затем американская политика подверглась жесткой критике уже внутри США в связи с тем, что администрация Барака Обамы не выступила против «военного переворота» в Египте. Таким образом, сохранение автократии и стабильности в угоду государственным интересам идет вразрез с идеологическими установками о правах человека, гражданских свободах и т. д. В этом месте логическая цепочка прерывается.

В. А. Кузнецов: *И идеология проигрывает.*

А. Г. Аксененок: Да, превалирует прагматизм. Таких примеров немало. Последний из них — отношение США к авторитарной трансформации в Тунисе.

Конфликты и негосударственные акторы

В. А. Кузнецов: *Хотелось бы обсудить с Вами роль негосударственных акторов и прокси в странах Арабского Востока. В последние годы мы постоянно слышим эти термины — прокси-войны, прокси-силы, негосударственные акторы и т. д. Насколько это явление новое? А если нет, то что в нем уникального, отличного от предыдущих форм?*

А. Г. Аксененок: Действительно, в официальном дискурсе слово «прокси-войны» или, как у нас вначале переводили, «войны по доверенности», казалось новым термином. Между тем в западной политологической литературе понятие “*proxy wars*” появилось примерно в середине 1960-х гг. У известного американского политолога чешского происхождения Карла Дейча были исследования на эту тему еще в 1964 г. Он описывал «прокси-войну» как «международный конфликт между двумя государствами на территории третьего государства, который выглядит как внутренний, но с использовани-

¹⁵⁹ Бернс У. Невидимая сила. Как работает американская дипломатия. — М.: Альпина паблишер, 2020. С. 217–218.

ем живой силы этой страны, ее ресурсов и территории как средства для достижения иностранных стратегий и целей»¹⁶⁰. Это слишком общее определение, но уже тогда были такие примеры — допустим, конфликт в Анголе с использованием кубинских войск.

В. А. Кузнецов: *А Вьетнам?*

А. Г. Аксенонок: Еще и Афганистан, где США использовали моджахедов против СССР, не вмешиваясь напрямую.

В. А. Кузнецов: *К этим примерам можно отнести, наверно, еще и Никарагуа.*

А. Г. Аксенонок: А также Мозамбик. То есть это во многом конфликты, оставшиеся от советско-американской конфронтации периода холодной войны. К современным прокси-войнам мы можем отнести поддержку Ираном Хезболлы в Сирии, «Аль-Хашд аш-Шааби» (Силы народной мобилизации) в Ираке. Это тоже инструменты опосредованного, непрямого вмешательства. Хотя есть сочетания и того, и другого. Но все-таки в полную силу роль негосударственных акторов проявилась после 2011 г., когда вспыхнули гражданские войны в трех горячих точках, которые мы обсуждаем.

В. А. Кузнецов: *А есть какие-то отличия использования прокси, в их содержании, в биполярном мире и в современной ситуации?*

А. Г. Аксенонок: Суть одна, хотя различия, конечно, имеются. Если говорить о Ближнем Востоке, то негосударственные вооруженные формирования использовались в гражданских войнах. Здесь нужно отметить опосредованные действия, имеющие двойственную природу.

Первое — действия со стороны иностранного государства, которое отдает участие в конфликтах на «аутсортинг» своим «агентам», частным военным компаниям (ЧВК). Американская компания *Blackwater* — один из первых известных случаев использования американских прокси в Ираке в 2003 г. Но тогда они скорее выполняли функции логистической поддержки и прикрытия. Затем стали распространяться «суррогатные войны». Мы знаем о привлечении ЧВК в Ливии — со стороны Турции и России, в Йемене — со стороны Саудовской Аравии, в Сирии — со стороны России, Ирана и Турции.

Второе — использование опыта частно-государственного партнерства самими режимами, против которых было направлено прокси-вмешательство. Например, в ходе гражданских войн в Сирии, Ливии и Йемене широкое распространение получило множество милиций под разнообразными экзотическими названиями.

¹⁶⁰ Deutsch K. External Involvement in Internal Wars // Internal War: Problems and Approaches. New York, Free Press of Glencoe, 1964. P. 102.

На различных стадиях военных действий в Сирии численность только прорежимных милиций насчитывала от 50 тыс. до 70 тыс. боевиков, не считая вооруженных формирований ливанской Хезболлы¹⁶¹. В Ливии политики из Триполи и Киренаики, соперничавшие в борьбе за власть, также привлекали иностранных наемников из африканских государств южнее Сахары, кочующие племена туарегов, которые за деньги готовы воевать на любой стороне. Суданцы, как известно, участвовали в конфликтах в Йемене на стороне саудовской коалиции, а также в Ливии на стороне Халифы Хафтара.

В этой связи важно отметить, что милиции выполняют не только военные функции, но и играют политическую роль. Многие из них превращаются в своего рода военизированные органы местного самоуправления. Причем это в равной мере характерно и для режимов, и для вооруженной оппозиции.

В. А. Кузнецов: *Раз Вы про это упомянули, мне кажется, имеет смысл поговорить про бенефициаров «военной экономики». Давайте сравним старые и новые конфликты, к примеру, палестинский и западносахарский, с одной стороны, и те три, о которых мы говорим, с другой. Как Вам кажется, сама экономика конфликтов изменилась? Второй вопрос — изменился ли состав бенефициаров или технология получения прибыли в результате этих конфликтов?*

А. Г. Аксененок: Я бы рассмотрел этот вопрос на примере Сирии. Именно «военная экономика» продолжает оставаться той питательной средой, которая воспроизводит бенефициаров, не заинтересованных в восстановлении нормальных внутривоспроизводственных связей, а значит и территориальной целостности страны. Те же самые милиции финансировались частично правительством через разного рода фонды, но больше приближенными к военно-силовым структурам сирийскими бизнесменами, такими, как Абу Али Хадер, братья Катерджи, Сакр Рустом¹⁶². Из «старого» поколения наибольшую известность приобрел двоюродный брат президента Рами Махлуф. За годы войны он создал настоящую бизнес-империю, в том числе за счет получаемых преференций в обмен на благотворительную деятельность и содержание лояльных милицейских формирований. В районах, подконтрольных правительству, действуют «законы» местной экономики, где распространены тарифы на любые виды тор-

¹⁶¹ Felbab-Brown V. Nonstate armed actors in 2023: Persistence amid geopolitical shuffles // Brookings. 27.01.2023. URL: <https://www.brookings.edu/articles/nonstate-armed-actors-in-2023-persistence-amid-geopolitical-shuffles/>

¹⁶² Hadaad W. Replacing the old business elite with the new war profiteers in Syria // Harmoon Center for Contemporary Studies. 02.07.2022. URL: <https://www.harmoon.org/en/researches/replacing-the-old-business-elite-with-the-new-war-profiteers-in-syria/>

говли, транзита, транспортных перевозок и гуманитарных конвоев. Это происходит в интересах цепочки, состоящей из привилегированных армейских подразделений и служб безопасности, коммерческих посредников и связанных с ними крупных бизнесменов, традиционно близких к семейству президента, а также нуворишей, обогатившихся во время войны. Все это — часть теневой системы патроната, постоянно подпитывающей коррупционную среду при распределении финансовых потоков и природной ренты в условиях территориальной раздробленности. Та же самая схема работает в зонах контроля Турции и вооруженной оппозиции на северо-западе и северо-востоке Сирии. По обе стороны границы сложились где-то даже единые экосистемы. Неслучайно сирийцы говорят: «воюют днем — торгуют ночью».

Если раньше центром деловой активности был Алеппо, то в условиях военной экономики вокруг трансграничных переходов выросли новые города: Сармада, Аазаз, Джараблус с сирийской стороны, и Газиантеп, Адана — с турецкой.

В. А. Кузнецов: *Говоря по-простому, это рэкет.*

А. Г. Аксененок: Да, по сути это узаконенный рэкет со многих сторон.

В. А. Кузнецов: *Есть ли какие-то исследования на тему того, как в таких городах на локальном уровне устроена власть? Какие механизмы задействуются? Насколько это контролирует Дамаск, или только местные кланы и элиты, которые просто зарабатывают на потоке? Насколько эти кланы и элиты подконтрольны, насколько они идеологизированы? Каковы объемы их бизнеса? Для урегулирования конфликта нужны те группы, которые зарабатывают на конфликте, либо физически уничтожить, либо предложить им альтернативу, прежде всего по доходам. Их надо определенным образом интегрировать в экономическую систему, причем в большей степени, чем в политическую. Я сужу по опыту старых конфликтов. Можно привести в качестве примера конфликты и в некоторых других регионах мира. Также не помню случаев, при которых получалось предложить выгодные условия этим новым группам и элитам.*

А. Г. Аксененок: Мне кажется, что именно здесь кроется одна из причин продолжительности конфликтов современности, если говорить об их внутреннем аспекте. Действительно, нужны какие-то транзакции, которые сейчас определяются тремя словами: разоружение, демобилизация и реинтеграция, по-английски — *DDR*¹⁶³. Звучит красиво и, по сути, правильно. Но каким образом и кто

¹⁶³ *Disarmament, demobilization and reintegration.*

будет разоружать эти формирования — непонятно. Сможет ли это сделать правительство? Особенно если учесть, что многие из этих негосударственных формирований образуют его теневые структуры. Это характерно для всех трех рассматриваемых нами кейсов, хотя для Йемена, возможно, в меньшей степени. Либо они сами должны принять решение о самороспуске, либо должна быть применена сила. И мы опять возвращаемся к эскалации насилия. Что касается реинтеграции, то, например, сирийцы предлагают курдским формированиям выбор — встроиться в армейские структуры или перейти на гражданскую службу, но обязательно сложить оружие. Все это вопросы как урегулирования, так и возвращения к поствоенной экономике в условиях территориальной целостности. И они взаимосвязаны.

В. А. Кузнецов: *В связи с этим возникает еще два вопроса. Первый касается того, что круг бенефициаров военной или параллельной экономики не ограничивается «агентами насилия» — он включает в себя части политических элит. Когда мы говорим, что существуют государственные институты или общественные организации, так или иначе связанные с государством, которые занимаются распределением гуманитарной помощи — это не всегда вооруженные группы, это могут быть те или иные части элиты. Для них перестройка на постконфликтные рельсы тоже нужна, но она должна происходить так, чтобы обеспечить им сохранение политических и экономических позиций. Вместе с тем зачастую оппозиционные силы со временем также становятся бенефициарами своего политического положения. Так, в значительной степени сирийская оппозиция живет на ренту, которую она получает от иностранных организаций ровно за то, что она является оппозицией. В этом смысле примирение может быть ей невыгодным в силу того, что она утратит внешнюю поддержку.*

Вторая проблема — это некая экзотизация конфликтов, с которыми мы имеем дело. Сирийский, ливийский и йеменские конфликты — не первые, с которыми столкнулось человечество. Есть определенная методология DDR. И есть очевидные примеры неудачного воплощения этой стратегии, в частности, Йемен 1990-х гг., когда оружие было роздано, а потом не получилось провести никакой демилитаризации. Есть более удачный пример — это Алжир. Но там не было войны в полном смысле этого слова, и не было десятков тысяч людей, которые были задействованы в боях. В Центральной Азии есть опыт Таджикистана, где эту стратегию тоже удалось реализовать. Но тогда примерно 30% местного госаппарата было отдано оппозиции. То есть это произошло на тех политических ус-

ловиях, которые в Сирии кажутся абсолютно нереальными. Другой вопрос, что власть потом может отыграть это обратно.

А. Г. Аксененок: В Таджикистане так и получилось. Тот лидер, который участвовал в национальном примирении и брал на себя определенные обязательства, успешно забыл о них позже. Есть и другой случай разоружения милиций. Это политический процесс реинтеграции Восточной Славонии в состав Хорватии (1992–1994 гг.), в котором я принимал непосредственное участие в качестве специального представителя МИД России. Залогом успеха в то время были три важных условия: предварительное письменное соглашение местных сербов с хорватами при внешнем посредничестве, миротворческая миссия ООН, созданная по резолюции Совета Безопасности и присутствие «голубых касок». Важно и то, что разоружение проходило на условиях выкупа и под международным контролем.

В. А. Кузнецов: *Согласен, но для Сирии это сейчас вряд ли возможно. Есть ли какие-то рецепты, которые можно было бы использовать в случае Сирии? На данный момент мне сложно представить, как это можно сделать.*

А. Г. Аксененок: Это очень трудно представить на практике, потому что возможности для внутренних трансформаций пока ограничены, а внешнее влияние на развитие этих конфликтов сейчас довольно слабое, как со стороны региональных игроков, так и со стороны крупных держав. Поэтому лучшее, что можно делать, это стараться избегать эскалации в ожидании благоприятного момента. В конфликтологии это называется «управление конфликтом», если нет возможности его решить. Само внутреннее развитие конфликта должно подвести бенифициаров во власти к пониманию того, что время для получения выгоды кончилось. Мне кажется, что этот момент наступает. Мы видим, как региональные силы все чаще берут дело урегулирования конфликтов в свои руки. Например, проблема трафика наркотиков из Сирии на юг, в Иорданию и дальше на Аравийский полуостров. Этот вопрос в апреле — мае 2023 г. был одним из основных на переговорах на самых высоких уровнях между Сирией, с одной стороны, и Саудовской Аравией, Иорданией, Ираком и Египтом — с другой. Думаю, что полное возвращение Сирии в арабское лоно будет носить в значительной мере обусловленный характер по принципу «шаги в обмен на шаги».

В. А. Кузнецов: *Насколько я понимаю, эта обусловленность присутствует с двух сторон. В то же время можно сказать, что проблема наркотрафика создает для Дамаска возможность торга с внешними акторами. Таким образом можно выторговывать себе помощь.*

А. Г. Аксененок: Но риск довольно высок. На границе с Иорданией регулярно происходят военные действия. Причем Дамаск отрицает свою вовлеченность в эту проблему, ссылаясь на деятельность международной наркомафии.

Потребность в экономической помощи при быстром падении уровня жизни подавляющего большинства населения остается для Сирии проблемой номер один. Причем со временем это, возможно, будет касаться не только экономической, но и социально-политической помощи. Сирийцы, конечно, большие мастера политического торга. Бывший министр иностранных дел Сирии Валид аль-Муаллем (в мою бытность в Сирии он был шефом канцелярии министра, и мы часто неформально общались) любил в своем кругу говорить: «мы утопим их в таком количестве деталей, что им придется заново учиться плавать». Конечно, это у них неплохо получается. Но были случаи, когда они и заигрывались.

В. А. Кузнецов: *Что касается Ливии, то здесь ситуация с бенефициарами сложилась еще интереснее, чем в Сирии. Во-первых, там бенефициары конфликта гораздо менее централизованы, и, в отличие от Сирии, не образуют систему.*

Во-вторых, размер ренты, которую получают местные бенефициары, в Ливии больше, чем в Сирии. Это связано с особенностями ресурсной базы: в Ливии есть нефть, и ее проще добывать. С другой стороны, существует проблема определения количества людей, задействованных в деятельности разных милиций. Когда читаешь про Ливию, то кажется, что каждый ливиец состоит в той или иной милиции. Но в реальности это не так. В милициях в общей сложности состоят несколько десятков тысяч человек, даже не сотен тысяч. А население страны еще в 2010 г. составляло примерно 6 млн¹⁶⁴. Как живут остальные люди, не вовлеченные в эти процессы? Мне кажется, что главная проблема, на примере такого государства-рантье, как Ливия, — это то, что конфликт разрушает систему редистрибуции ренты, которая существовала раньше. Конфликт делает ее глубоко несправедливой и во многом случайной. Когда в первый раз пришло к власти правительство Абдель Хамида Дбейбы, ключевым был вопрос формирования государственного бюджета. И тогда, в 2021 г., этот вопрос так и не был решен. А вопрос формирования госбюджета — это тот же вопрос редистрибуции ренты: как ее распределять между разными регионами и населенными пунктами, чтобы она доходила до всех.

¹⁶⁴ Population, total – Libya // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=LY>

А. Г. Аксенонок: Может быть, поэтому в Ливии долгое время не было единого Центробанка?

В. А. Кузнецов: При Абдель Хамиде Дбейбе он уже был. Но разные регионы не могли между собой договориться, как они будут делить доход и каков механизм его распределения и распространения среди населения уже внутри регионов. Это отличает ситуацию в Ливии от Сирии. Соответственно, отличаются и список бенефициаров, и вопросы, связанные с постконфликтным восстановлением. Что касается Йемена, то там особенно важный фактор — это получение выгоды от поставок гуманитарной помощи.

А. Г. Аксенонок: Кстати, для Сирии этот фактор тоже важен. Ведь недаром он приобрел и по-прежнему сохраняет острое международное звучание. Сколько «копьев» сломано в Совете Безопасности ООН вокруг проблемы трансграничной гуманитарной помощи, поступающей через Турцию. Правительство Сирии твердо отстаивает суверенное право государства как стороны-реципиента помощи определять порядок ее поступления. То есть через Дамаск и линии соприкосновения далее на северо-запад. Контроль над распределением гуманитарной помощи — это еще и подбор международных неправительственных организаций, компаний и благотворительных фондов, которые занимаются доставкой многомиллиардных грузов. В Сирии многие из этих вопросов курирует супруга президента Асма Асад.

В. А. Кузнецов: Что общего и в чем различия между тремя кейсами — сирийским, ливийским и йеменским? Реальна ли угроза распада территориальной целостности этих стран?

А. Г. Аксенонок: Между ними есть много общих моментов, но, безусловно, имеются и различия. Если говорить о том, что их объединяет, то, во-первых, нужно обратиться к внутренним причинам антиправительственного взрыва. В Ливии он приобрел характер повстанческого движения племен, но условия для этого, как и в двух других конфликтах кейсах, созрели долгое время. Социальная бомба замедленного действия работала везде. Другой общей характеристикой я бы назвал несменяемость власти¹⁶⁵ и всего правящего класса. Третье — это поддержание стабильности репрессивными методами.

В. А. Кузнецов: Я бы еще уточнил, что наблюдалось постепенное усиление репрессивного аппарата.

¹⁶⁵ Хосни Мубарак находился у власти 30 лет (1981–2011 гг.); Бен Али — 24 года (1987–2011 гг.); Муаммар Каддафи — 42 года (1969–2011 гг.); Али Абдалла Салех — 33 года (1978–2011 гг.); Абдельазиз Бутефлика — 20 лет (1999–2019 гг.); Башар Асад — на данный момент 24 года (2000 г. – н. в.).

А. Г. Аксененок: В западной политологической литературе встречается такое обобщающее научное определение, как «институциональное доминирование спецслужб». Все мы бывали в арабских странах и слышали такое выражение, как *«даулят аль-мухабарат»* («государство спецслужб»). Оно уже укоренилось в народе, об этом говорят как бы в шутку. Правда нужно отметить, что сильная верховная власть на Арабском Востоке, особенно харизматическая, в общественном сознании долгое время не воспринималась как автократическая. Это воспринималось скорее как способ национально-государственного существования. Еще одна причина социального взрыва — демографическая. Речь идет о странах, где 70% населения — молодежь в возрасте до 30 лет. Свою роль в расширении масштабов антиправительственного взрыва сыграли и современные коммуникации, и быстрая интернационализация протестов и их силового подавления.

В. А. Кузнецов: *В Йемене все же это произошло не сразу. Хотя это зависит от того, что мы считаем началом конфликта.*

А. Г. Аксененок: Да, в йеменском случае точку отсчета конфликта очень трудно определить, настолько быстро и многослойно все развивалось. Но на первых порах, с начала массовых протестов до добровольного, на первый взгляд, ухода Али Абдаллы Салеха, этим моментом послужило политическое посредничество государств ССАГПЗ. Скорее всего навязанное.

В. А. Кузнецов: *Речь идет о 2014–2015 гг.?*

А. Г. Аксененок: Да, видимо так.

Ливия имеет свои отличия. Там всплыли на поверхность старые региональные счеты. Однако решающую роль в исходе конфликта сыграло прямое вооруженное вмешательство НАТО. Существует мнение, что если бы не это вмешательство, то Муаммар Каддафи, вероятно, смог бы подавить мятеж на востоке страны. Во всяком случае, туда уже двигались танковые колонны.

В. А. Кузнецов: *Да. Туда направлялся Хамис Каддафи со своим подразделением.*

А. Г. Аксененок: И по пути вдоль побережья они подверглись бомбардировкам со стороны НАТО. Т. е. в Ливии можно говорить о силовой смене режима путем вмешательства извне. В Сирии силовая смена режима провалилась, будучи нейтрализована ее союзниками. В Йемене изначально, еще до того, как Саудовская Аравия вмешалась в конфликт военным путем, произошла силовая смена режима. Но не извне, а уже изнутри. Приход хуситов к власти в Санае был, по существу, государственным переворотом.

В. А. Кузнецов: *Мне кажется, что приходу хуситов к власти в Йемене предшествовал национальный диалог. Хуситы из диалога*

были вычеркнуты, и их интересы не учитывались. Или это просто разные нарративы?

А. Г. Аксенонок: Есть несколько оценок. В одних источниках действительно говорилось, что они были вычеркнуты, а в других — что они сами покинули национальный диалог и отказались в нем участвовать, поскольку им была представлена схема федеративного деления, которая их никоим образом не устраивала.

В. А. Кузнецов: *Получается довольно странная ситуация. Есть страна, в которой произошло вмешательство глобальных игроков. В другой стране правящий режим был поддержан извне. В третьем случае произошло политическое, а потом и военное вмешательство. Но не глобальных игроков, а региональных. И во всех трех случаях конфликт длится долго.*

А. Г. Аксенонок: Да, круг замкнулся, оставив за собой гражданские войны, территориальную раздробленность, вакуум власти и гуманитарные катастрофы. Примечателен случай Ливии. После того, как был свергнут Муаммар Каддафи, европейцы, в т. ч. французы, которые все это инициировали, быстро ушли. «Сбросив» Каддафи, они умыли руки, оставив в Ливии вакуум власти. В этом хаосе внутренние политические силы, местные племена попытались сами договориться об устройстве Ливии после свержения Муаммара Каддафи. Но у них ничего не получилось. Ливанский дипломат, спецпосланник ООН в Ливии Гассан Саламе считал, что это было следствием того, что в Ливии накопилось много оружия¹⁶⁶.

В. А. Кузнецов: *И финансовых ресурсов тоже скопилось немало. Сложно спорить с Гассаном Саламе. Но я думаю, что здесь есть еще один важный момент, на который редко обращают внимание. На мой взгляд, вмешательство сторонних акторов в ливийский конфликт (не в период НАТО, а уже в конце 2010-х гг.), было инициировано не только внешними силами, но в значительной степени, а может и главным образом, внутренними участниками. Именно внутренние участники конфликта, с их переизбытком финансов, стали массово привлекать наемников — суданских и других.*

А. Г. Аксенонок: По сути все это делали. В первую очередь сам Муаммар Каддафи.

В. А. Кузнецов: *Это во многом местная военно-политическая традиция.*

А. Г. Аксенонок: Те самые «прокси», о которых мы уже говорили.

¹⁶⁶ Transcript of media stakeout by SRSB for Libya Ghassan Salame (UNSMIL) on Libya – Security Council - 06 January 2020 // UN. 2020.
URL: <https://unsmil.unmissions.org/transcript-media-stakeout-srsg-libya-ghassan-salame-unsmil-libya--security-council-06-january-2020>

В. А. Кузнецов: *Получается, что в случае с Сирией мы имеем дело главным образом с угрозой вмешательства по инициативе внешних игроков или их вмешательства через прокси, когда мы говорим о поддержке вооруженной оппозиции со стороны Саудовской Аравии, Катара и т. д. Однако в случае с Ливией сами местные акторы очень активно привлекали этих внешних игроков и способствовали интернационализации конфликта.*

А. Г. Аксененок: Обращение законного правительства с просьбой о помощи мы не считаем прокси-войной?

В. А. Кузнецов: *Ни в коем случае. Здесь надо обратить внимание, что грань бывает очень тонкой. Как, например, в случае с Ливией. Позиция Триполи и Анкары заключается в том, что турецкие войска были введены на территорию Ливии по просьбе законного правительства.*

А. Г. Аксененок: Мне кажется, нужно отметить еще такой важный фактор, как армия. Этот фактор сыграл значимую роль в том, как дальше развивались события в странах, охваченных конфликтами. Например, в Йемене произошел раскол армии по племенному, идеологическому, территориальному признаку. В то время как в Сирии, хоть и было дезертирство в первые месяцы, подобного раскола не произошло. Так называемая Свободная сирийская армия просуществовала недолго, всего пару лет.

В. А. Кузнецов: *Она стала фрагментироваться.*

А. Г. Аксененок: Да, она стала «разбегаться» по другим вооруженным группировкам. А сирийская правительственная армия сохранила консолидированность и управляемость.

В. А. Кузнецов: *Что позволило Дамаску это сделать? Это ведь было еще до ввода российских войск. Как Дамаск с этим справился?*

А. Г. Аксененок: Здесь мы должны вернуться к тому, о чем говорили раньше. На мой взгляд, произошло проявление конфессиональной солидарности, хотя большинство в армии и состоит из суннитов. Но общеизвестно, что во всех армейских структурах алавиты занимают командные посты, тем более в службах безопасности. Инстинкт выживания перед реальной физической угрозой со стороны «армии террора» сыграл свою роль. И, наконец, надо отдать должное поддержке, которая была оказана Сирии со стороны Ирана, причем не только на уровне советников, но и направлением регулярных воинских подразделений, а также шиитских милиций. В период с 2012 г. и вплоть до вступления в действие российских ВКС в конце 2015 г. по настойчивым просьбам Башара Асада иранский фактор был серьезным подспорьем, сдерживающим наступление оппозиции на подступах к Дамаску.

Нельзя не отметить также консолидирующую роль российского военного присутствия в сирийской армии. Когда я приехал в Сирию в 1984 г., там было около 2 тыс. военных советников и специалистов из СССР. Это количество постоянно менялось, достигнув своего пика во время сирийско-израильской войны в Ливане 1982–1984 гг., когда Советский Союз и Соединенные Штаты оказались перед угрозой прямого столкновения. Многие военные считают, что тогда, в бытность Ю. В. Андропова, были моменты, когда события в Сирии могли пойти по сценарию кубинского кризиса. Далее, в 1990-х — начале 2000-х гг. российское военное присутствие сокращалось, но к 2011 г. опять возросло.

В. А. Кузнецов: *Накануне конфликта в Сирии уже было так много российских советников?*

А. Г. Аксенов: У меня нет оснований считать, что российское присутствие в сирийской армии существенно снизилось. Российские военные в качестве советников и технических специалистов были представлены не только в штабах дивизий, но и на более низком полевом уровне.

Из общих черт конфликтов еще можно отметить следующее: в международной практике институциональные реформы, как правило, начинаются после завершения военной фазы конфликта путем победы одной из сторон или путем переговорного решения. В сирийском, йеменском и ливийском урегулировании договоренности о будущем государственном устройстве между самими непосредственными участниками конфликта — режимом и оппозицией — являются по сути условием устойчивого урегулирования.

В. А. Кузнецов: *Мне кажется, важно более четко осознавать, что мы имеем в виду под академическим словосочетанием «будущее государственное устройство». Как мне кажется, здесь речь идет о трех составляющих. Первое — это “power sharing”, разделение власти, или участие во власти. Второе — это то, что я бы назвал “income sharing”, т. е. разделение доходов. Третье — это гарантии выполнения договоренностей. По большому счету, речь идет о вещах, сложных для исполнения, хотя и простых в плане концепции. Все остальное — разговоры о федерализации, децентрализации, роли идентичности, роли религии и, соответственно, возможности участия во власти религиозных организаций, политическом исламе и т. д. — перекрывает эти три ключевых момента. Вопрос в том, насколько они реализуемы. Теоретически о них можно договориться, по крайней мере в случае с Ливией и Йеменом. Но здесь ключевая проблема — это не отсутствие возможности договориться, а невозможность дать друг другу гарантии исполнения этих дого-*

воренностей. В случае с Сирией сложно договориться, потому что существуют максималистские требования сторон, прежде всего правительства.

А. Г. Аксененок: Возьмем в качестве примера Ливан — вернемся туда в контексте максималистских требований. На протяжении всей истории Ливана все конфликты, включая последние, решались по принципу «ни победителей, ни побежденных». И сейчас такой менталитет сохраняется как защита от худшего. В Сирии происходит наоборот — «победитель получает все». Хуситы в Йемене и властные группировки на западе и востоке Ливии не считают себя победившей стороной. Речь там идет о политическом торге при международном посредничестве. В Сирии режим Башара Асада показал свою устойчивость в самое тяжелое время, и теперь в Дамаске не видят причин, чтобы что-то менять. Не значит ли это, что в Сирии, а, может быть, и в арабском мире в целом, «глубинное государство» победило «хрупкое государство»?

В. А. Кузнецов: *Это красивая формулировка, но, конечно, она допускает множество разных толкований. В конечном счете, когда мы говорим о победе так называемого глубинного государства над хрупким, это вовсе не обязательно должно восприниматься как негативная оценка реальности. Можно посмотреть на дело и так, что в обществе существуют устойчивые политические институты, которые показывают свою стабильность и резистентность к любым вызовам, в том числе и к таким, которые связаны с попытками поверхностной трансформации политического дизайна. В такой интерпретации хрупкое государство оказывается хрупким именно потому, что вместо того, чтобы опираться на традиционные институты власти, оно пытается заменить их. Эта тема может быть бесконечной, но вряд ли ее обсуждение поможет нам понять в полной мере происходящее с конфликтами в регионе. Зато есть другой сюжет, которого мы пока серьезно не касались, но который представляется весьма значимым. Я имею в виду роль внешних акторов, причем не только отдельных государств — про их политику на Ближнем Востоке написано и сказано уже немало, но и международного сообщества как такового, роль ООН. Может, поговорим об этом в следующий раз?*

А. Г. Аксененок: Почему бы и нет?

Диалог № 6: Ближний Восток в огромном мире

В. А. Кузнецов: Давайте перейдем от региональных вопросов к глобальным, но тоже в региональном исполнении. Глобальные проблемы, связанные с Ближним Востоком, также стоит рассматривать с учетом роли ООН. У меня, как у человека, который начал заниматься международными отношениями позже Вас, было такое ощущение, что в 2010-е гг. сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, роль ООН была заметна во всех конфликтах, с другой — ее продуктивность была довольно слабой. Не могли бы Вы рассказать об институте специальных представителей Генерального секретаря ООН, какова их роль в процессах политического урегулирования? Как меняется эта роль? Почему сейчас возникает ощущение полной неэффективности этого института и есть ли альтернатива ему?

А. Г. Аксененок: Сомнения в роли ООН, точнее Совета Безопасности, как действенного инструмента в конфликтном урегулировании, и шире — в системе многосторонней дипломатии, появились задолго до интернационализации событий «арабской весны». Вначале на международном экспертном уровне они высказывались осторожно: все-таки репутация этой уникальной международной организации со времени ее основания была *sancta sanctorum*¹⁶⁷. Но по мере увеличения разрыва между общепризнанными нормами международного права и «реальной политикой» голоса о необходимости реформ звучали все громче.

Линии конфликтности проходили по вопросам, входящим в компетенцию Совета Безопасности, на который по Уставу ООН возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Между тем число членов ООН быстро росло, с 51 в 1945 г. до 193 в 2023 г., а состав Совета Безопасности изменился не сильно¹⁶⁸. Менялось и содержание самих конфликтов.

¹⁶⁷ В пер. с лат. «Святая Святых».

¹⁶⁸ См. поправку к статье 23 (1963 г.) Подробнее см.: Устав ООН // ООН.
URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>

Из межгосударственных споров, к чему Главы 5, 6 и 7 Устава ООН были наиболее предназначены, они перешли в плоскость внутрисударственных, что можно отнести к области вмешательства во внутренние дела¹⁶⁹. Именно это послужило почвой для правовых коллизий и острых политических дебатов в Совете Безопасности, на этот раз между странами, поддерживающими разные стороны конфликта в третьем государстве. Это уже более тонкая проблематика, чем территориальный спор.

В глобальную повестку дня вошли вопросы, связанные с соотношением между собой часто противоречащих друг другу двух международно-правовых норм, записанных в Уставе ООН: территориальная целостность и право наций на самоопределение¹⁷⁰. В каких случаях внутренние дела перестают быть внутренними, и являются ли критерием этого подавление гражданских свобод и нарушения прав человека? Где пределы применения силы со стороны государства в ходе внутренних конфликтов?

Оказалось, что после окончания холодной войны внятной системы взаимных обязательств по разрешению такого рода кризисных ситуаций не сложилось. Не было и четкого определения того, где пределы односторонних действий, а где возникает потребность в многосторонних механизмах. Если после Шестидневной войны 1967 г. и до 1991 г. «чемпионом» по применению права вето, в основном в защиту Израиля, были Соединенные Штаты (около 60%), то сирийский конфликт вывел на первое место по использованию вето уже Россию. В ходе обсуждения в Совете безопасности ООН террористической акции ХАМАС 7 октября 2023 г. и ответных, столь же бесчеловечных, действий Израиля в секторе Газа Соединенные Штаты препятствовали принятию резолюций с требованием прекращения огня.

По мере того как происходило перераспределение сил в мире и Соединенные Штаты утрачивали доминирующую роль, все чаще поднимались вопросы, связанные с расширением состава Совета Безопасности ООН и порядком принятия им решений, то есть использованием права вето. Отражает ли его состав меняющиеся мировые реалии с утверждением новых центров экономического и политического влияния, как ограничить право вето — краеугольный прин-

¹⁶⁹ «Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава». См. Гл 1. Ст. 2.7. Подробнее: Устав ООН // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>

¹⁷⁰ См. Гл. 1. Ст. 1–2. Подробнее см.: Устав ООН // ООН.
URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>

цип с точки зрения отцов-основателей ООН — разумными рамками, препятствуя его применению в тех случаях, когда то или иное государство является заинтересованной стороной? А это, в свою очередь, противоречит общему принципу права: «никто не может быть судьей в своем деле».

В. А. Кузнецов: *В 1990-е гг. в связи с этим принципом активно развивалась концепция гуманитарных интервенций, «либерального миротворчества». Сегодня мы признаем этот опыт провальным — тому свидетельствуют и Балканы, и Афганистан, и Ирак. Но, наверное, изначально сама идея таких вмешательств воспринималась несколько иначе?*

А. Г. Аксененок: Международное вмешательство в гражданские войны и в другие внутренние конфликты имеет долгую историю. Если брать 1990-е гг. — начало 2000-х гг., то такое вмешательство осуществлялось с «благословения» ООН. Существовал даже термин «позитивная интервенция», и Россия также принимала в этом участие, сотрудничая с ведущими странами Запада, и даже с НАТО. Потом, с распадом Советского Союза, операции в формате многосторонней дипломатии получили название «либеральное миротворчество». Но Соединенные Штаты, по выражению известного американского политолога Фариды Закарии, «растранили однополярный момент» — тот сравнительно короткий период, когда США считались единственной сверхдержавой. Миротворчество и «гуманитарные интервенции» стали использоваться как прикрытие для проводимой США политики односторонних действий и форсированной демократизации в различных регионах мира. Известные тому примеры — бомбардировки бывшей Югославии (1999 г.), насильственное отторжение Косово (1999–2008 гг.), вторжение США в Ирак (2003 г.) и амбициозный план переустройства всего региона от Мавритании до Афганистана под названием «Большой Ближний Восток».

В. А. Кузнецов: *А какую роль во всем этом играла ООН? И как менялись подходы этой организации к вопросам урегулирования?*

А. Г. Аксененок: Я бы разделил изменение роли ООН в конфликтном урегулировании на три этапа.

Первый — от 1945 г. до конца 1980-х гг. Конфликты того периода — следствие войн за национальное освобождение, большинство из которых имели идеологическую окраску. Было время, когда СССР и США действовали если не согласованно, то на параллельных курсах. Именно благодаря этому Суэцкий кризис 1956 г. разрешился в пользу Египта. Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию с требованием вывода войск Великобритании, Франции и Израиля

из зоны Суэцкого канала и прекращения военных действий. Тогда впервые были созданы миротворческие силы ООН, что ознаменовало новый этап в деятельности этой организации¹⁷¹. Важное место после войны 1967 г. занимал арабо-израильский конфликт, носивший тогда характер межгосударственного. Несмотря на особую позицию США, Совету Безопасности ООН удалось принять резолюцию 242, которая содержала требование к Израилю вывести вооруженные силы с оккупированных территорий. Кроме того, резолюция призвала к немедленному прекращению состояния войны и признанию права каждого из государств региона жить в мире, имея безопасные и признанные границы. Несмотря на расхождения в трактовке и рекомендательный характер резолюции, на ее положения опирались последующие египетско-израильские и иордано-израильские переговоры, в том числе после Октябрьской войны 1973 г.

На втором этапе — на нем надо остановиться довольно подробно — с начала 1990-х гг. до начала 2000-х гг., миротворчество проходило по правилам игры, навязанным Западом. В том числе в рамках *ad hoc* структур вне формата ООН, но позже ею «освященных» уже задним числом. Это был период «стратегического партнерства с США». В рамках этого курса Россия поддерживала партнерские отношения с США и другими западными странами, стараясь в меру своих ограниченных на то время возможностей как-то помешать ущемлению интересов сербов в процессе урегулирования балканского кризиса. Задача Запада состояла в том, чтобы, как говорили американцы, держать Россию «на борту», то есть в организационных структурах, состоящих из союзников по НАТО. До поры до времени это работало. Россия была представлена в составе Контактной группы по Боснии, принимала участие в «дейтонских сидениях»¹⁷² и в работе контрольного органа под названием «Руководящий комитет Совета по выполнению мирного соглашения по Боснии и Герцеговине». Роль «дирижера» в Дейтоне, конечно, принадлежала Соединенным Штатам. Эту роль уверенно выполнял спецпредставитель США по Афганистану и Пакистану, заместитель государственного секретаря Ричард Холбрук, известный как архитектор Дейтонских соглашений и получивший за свою напоистость прозвище «бульдозер».

¹⁷¹ Первые чрезвычайные вооруженные силы ООН (ЧВС ООН I) в составе 10 стран были созданы в 1956 г. для наблюдения за отводом иностранных войск из зоны Суэцкого канала.

¹⁷² Так называли продолжавшуюся три недели работу на авиабазе США над соглашениями 1995 г., положившими конец военным действиям и заложившими основу конституционного устройства государства Босния и Герцеговина.

Историческая справка. Дейтонские соглашения¹⁷³

В целях урегулирования вооруженного конфликта на территории бывшей Социалистической Республики Босния и Герцеговина (входящей в состав Югославии) под эгидой ООН была сформирована Контактная группа в составе России, США, Великобритании, Франции и Германии. Основная ее задача заключалась в примирении всех сторон конфликта и предложении плана урегулирования. В 1992–1994 гг. представители Контактной группы, ООН и ЕС предложили несколько вариантов раздела Боснии на несколько частей: сербскую, хорватскую и мусульманскую. Но ни один из них не нашел отклика у воюющих сторон.

Тогда США решили воспользоваться инструментами давления (прежде всего, на боснийских сербов). Во-первых, были применены санкционные ограничения на ключевого внешнего актора: Союзная Республика Югославия, испытывая серьезное экономическое давление, стала иметь значительно меньше возможностей оказывать помощь боснийским сербам и начала побуждать их идти на переговоры. Во-вторых, Вашингтон приложил усилия для объединения мусульман и хорватов с целью единого противостояния сербам. Так, в 1994 г. была создана Мусульмано-хорватская федерация. В-третьих, было применено силовое давление. В 1995 г. НАТО начала операцию «Обдуманная сила», в результате которой был достигнут перелом в конфликте.

Потерпев ряд поражений, боснийские сербы согласились на переговоры. В ноябре 1995 г. на военной базе США в Дейтоне состоялась встреча лидеров Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины при участии представителей России, США и ЕС. На ней был парафирован текст мирного договора. В результате достигнутых соглашений Босния и Герцеговина была превращена в федерацию, состоящую из двух административно-территориальных Образований (энтитетов): Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской. Кроме того, был выделен округ Брчко, являющийся перемычкой между западной и восточной частями Республики Сербской. В Дейтоне была достигнута договоренность о проведении арбитража о его принадлежности. В 2000 г. было принято решение о том, что представленный муниципалитет считается кондоминиумом обоих энтитетов. Для выполнения вердикта арбитража в Брчко введен пост супервизора (его до сих пор занимают исключительно американские дипломаты).

Что касается позиции России в Дейтоне, то она подписала соглашение с оговоркой «за исключением Приложения I». Тем самым

¹⁷³ Подробнее см.: О Дейтонском мирном соглашении // МИД России. 03.10.2011.
URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1716118/

выразив несогласие с двумя его составными частями: «Приложение I. А — Соглашение о военных аспектах мирного урегулирования» и «Приложение I. В — Соглашение по региональной стабилизации»¹⁷⁴. Именно в них идет речь о блоке НАТО и участии его сил в мирном урегулировании.

В 1995–1998 гг. в качестве посла по особым поручениям МИД России мне довелось принимать участие в двух миротворческих операциях на Балканах, очень разных по своему содержанию и политическим итогам. Первая — в структурах по имплементации Дейтонских соглашений (Контактная группа и Руководящий комитет Совета по выполнению мирного соглашения по Боснии и Герцеговине). В другой миротворческой операции я принимал участие как специальный представитель МИД России в процессе реинтеграции Восточной Славонии в состав Хорватии. Одна проводилась с санкции ООН, но, по существу, под эгидой НАТО, другая — под эгидой ООН и по форме, и по существу.

Историческая справка. Реинтеграция Восточной Славонии в состав Хорватии¹⁷⁵

Восточная Славония, Баранья и Западный Срем — одна из трех автономных областей Республики Сербская Краина (РСК) в 1991 г. РСК была основана как ответ на действия хорватских республиканских властей, начавших процесс отделения от Югославии, и выражала чаяния сербского населения Хорватии, желающего остаться в составе страны. С весны 1992 г. по весну 1995 г. РСК находилась под защитой миротворческого контингента ООН. Миротворцы расположились вдоль границы РСК и Хорватии и создали благоприятный период для стабилизации положения в республике. За это время был предложен план по мирной реинтеграции РСК в состав Хорватии. Этот план получил название «Загреб-4» и предполагал автономию лишь для двух частей РСК, не предусматривая особого статуса для Восточной Славонии. Сербское население не приняло предложенный план, что привело к операции «Буря», проведенной хорватской республиканской армией, в результате которой РСК была ликвидирована. Однако военные действия не затронули территорию Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема т. к. этот регион — единственный из трех частей Сербской Краины, который имел границу с Союзной

¹⁷⁴ Соглашение о мире в Боснии и Герцеговине 1995 года. Справка // МИА «Россия сегодня». 21.11.2010. URL: <https://ria.ru/20101121/296950694.html>

¹⁷⁵ Подробнее см.: Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000) / Е. Ю. Гуськова. — М.: Рус. нац. фонд: Соловьев, 2001. С. 206–212.

Республикой Югославией, что могло привести к вступлению Белграда в вооруженный конфликт.

В качестве превентивной меры ООН предложила план мирной реинтеграции региона в состав Хорватии, который включал переходный период. По итогу между сторонами было достигнуто Эрдутское соглашение (12 ноября 1995 г.). После его заключения Совет Безопасности ООН выпустил резолюцию 1037, которая регламентировала создание переходного органа ООН для Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема (*UNTAES*). На миссию *UNTAES* была возложена роль по поддержанию демилитаризации этих районов и обеспечению мирной реинтеграции территории в состав Хорватии.

В то время приходилось много бывать в заграничных командировках в Европе, что для меня — ближневосточника — было непривычно. С большой признательностью вспоминаю в этой связи великолепного дипломата и замечательного человека — заместителя министра иностранных дел России Н. Н. Афанасьевского, под руководством которого я начинал осваивать «европейскую стезю», прежде чем мне поручались самостоятельные миссии. Если заседания Руководящего комитета регулярно проводились в Брюсселе, то встречи Контактной группы инициировались по мере накопления спорных вопросов в различных европейских столицах. В личном плане работа на переговорном треке стала для меня уникальным опытом поиска взаимоприемлемых решений даже тогда, когда Россия оказывалась в меньшинстве. Правда, в то время американцы проявляли интерес к сохранению деловых отношений с Россией, а европейцы иногда помогали находить компромиссы.

После Дейтонских соглашений перед гарантами — США, Россией, Францией, Германией, Великобританией — встала сложная задача по запуску работы высшего органа Боснии и Герцеговины — Президиума, состоящего из глав трех составляющих ее частей. Несмотря на Дейтонские соглашения между президентами Югославии, Хорватии и Боснии и Герцеговины, имевшие рамочный характер, оставалось множество деталей, которые вызывали у этой «троицы» разногласия. Не говоря уже о личных счетах между ними. Решение этой задачи было поручено Верховному представителю в Боснии и Герцеговине¹⁷⁶ с полномочиями от ООН, подкрепленными к тому же присутствием сил НАТО (*IFOR-SFOR*). В помощь ему была придана Контактная группа в составе представителей государств—

¹⁷⁶ В то время (1995–1997 гг.) Верховным представителем в Боснии и Герцеговине был Карл Бильдт — министр иностранных дел Швеции (2006–2014 гг.), специальный посланник Генерального секретаря ООН на Балканах (1999–2001 гг.).

гарантов, в которой мне было поручено представлять Россию. Согласно распределению ролей между нами, представитель США работал с президентом Республики Босния и Герцеговина бошняком Алией Изетбеговичем, представитель Германии — с президентом Федерации Босния и Герцеговина хорватом Крешимиром Зубаком, а российский представитель — с председателем парламента Республики Сербской Момчилом Краишником. Увещевания этих «заклятых друзей» продолжались в Сараево более месяца. С политической стороны наши посреднические миссии под руководством Карла Бильдта запомнились мне двумя вещами. Во-первых, тем, что в случае согласия между крупными международными игроками и наличия организационных структур по схеме «навязанного урегулирования» миротворческая миссия оказывается выполнимой. Во-вторых, размышлениями о пределах компромисса и гибкости, особенно, когда речь идет о проигравшей стороне. Сложнее всего сложилась моя миссия в отношениях с сербами. Президент Югославии Слободан Милошевич подписал в Дейтоне рамочный документ о мире в Боснии, пойдя под сильным военным нажимом на большие уступки, которые трудно назвать таковыми в полной мере. Другого выхода у него просто не было. Судьба Республики Сербской в составе Боснии и Герцеговины оказалась предрешенной. Несмотря на это, Момчило Краишник, с которым мне пришлось встречаться чуть ли не ежедневно, продолжал ставить бессмысленные условия и выдвигать подчас смехотворные требования. В итоге сербы стали выглядеть в глазах бошнякских мусульман и хорватов стороной, срывающей выполнение мирных соглашений.

Говоря о военном аспекте, следует отметить особый характер отношений между Россией и НАТО в рамках этой миротворческой операции. Российские военные исходили тогда из принципа: «работаем вместе с НАТО, но не под НАТО». Это выражалось в том, что российская бригада, будучи частью многонациональных сил НАТО, имела свою особую цепочку командования. Российский представитель при штаб-квартире НАТО в Брюсселе считался заместителем верховного главнокомандующего Альянса и связующим звеном между натовским руководством и российской бригадой под командованием американского генерала. Если Россия была не согласна с той или иной операцией в Боснии, то она могла в ней не участвовать.

Цепочка командования в целом работала, но с обострением обстановки в соседнем крае Косово начинала давать сбои. России становилось все труднее подтверждать свое реноме как защитника сербских интересов. Да и само сербское руководство недооценило серьезность момента и проявило в ходе переговоров легкомысленную

закоснелость. Командование российского контингента начали потихоньку оттеснять от участия в обсуждении оперативных вопросов. Ответственность за военные действия и нараставшую гуманитарную катастрофу априори возлагалась Западом на сербов, что послужило предлогом для начала ракетно-бомбовых ударов НАТО по территории Югославии. По сути дела, Белград силой принудили вывести войска из Косово. Ценой прекращения продолжавшихся более двух месяцев бомбардировок стало принятие резолюции Совета Безопасности ООН 1244, которая санкционировала наземное присутствие международных миротворческих сил под названием Силы для Косово (*KFOR*), а также развертывание Миссии ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК). Россия была приглашена к участию в миротворческих силах, но командование НАТО отказалось предоставить российскому контингенту полноправный отдельный сектор, то есть свою зону ответственности на севере Косово, где преобладает сербское население. И тогда последовал небезызвестный «прыжок» на аэродром в Приштине.

В. А. Кузнецов: *Можете рассказать чуть подробнее?*

А. Г. Аксененко: Ночью 11 июня 1999 г., на следующий день после принятия резолюции 1244, российские десантники, находившиеся под американским командованием, покинули свою зону ответственности в Боснии и Герцеговине, совершили марш-бросок в Приштину и заняли единственный там военный и гражданский аэродром «Слатина». План по занятию аэропорта готовился в строгой секретности, в обстановке острых разногласий между российскими ведомствами. Инициаторы и сторонники такой операции требовали «застолбить территорию», чтобы продемонстрировать решимость и силу, ссылаясь на равные права с другими участниками. МИД, который в конечном счете так и не был поставлен в известность, выступал против этой операции. Противники таких конфронтационных шагов имелись и среди военных, в Генеральном штабе. В министерстве обороны говорили, что все якобы согласовано с Верховным главнокомандующим вооруженными силами РФ.

В рекордно короткое время колонна ВДВ преодолела расстояние в 600 км, опередив прибытие на территорию аэродрома английских и норвежских подразделений. «Самовольные» действия России оказались полной неожиданностью для натовцев, среди которых были сторонники жесткого ответа. Был момент, когда российские десантники заняли в аэропорту круговую оборону, готовясь к вооруженному отпору. После долгих переговоров был достигнут компромисс: российские миротворцы расположились по всему Косово и в охране аэропорта, так и не получив свою отдельную зону ответственности. Подводя

итог, хочу сказать, что с военно-технической точки зрения российская операция была проведена на высоком профессиональном уровне, но в политическом плане эффект от нее оказался ничтожным.

Другая операция, в которой я принимал непосредственное участие — интеграция Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема в состав Хорватии.

В. А. Кузнецов: *Расскажите, пожалуйста, про свою роль в ней.*

А. Г. Аксененок: Параллельно с участием в работе международной Контактной группы по Боснии мне в качестве специального представителя МИД России было поручено принять участие в процессе реинтеграции Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема в состав Хорватии. Это была принципиально иная миротворческая операция, проходившая по согласию (имелось письменное «базовое соглашение») между руководством сербской общины и правительством Хорватии, по резолюции Совета Безопасности ООН и под его полным контролем. США настаивали на проведении этой операции в соответствии с главой 7 Устава ООН, то есть в формате принуждения к миру. Но нам удалось настоять на том, чтобы обойтись ссылкой на Главу 6 Устава о мирном разрешении споров.

В. А. Кузнецов: *Почему?*

А. Г. Аксененок: По нашим оценкам, «базовое соглашение» служило достаточной основой для этого, что подтверждали и в Белграде. В качестве уступки Россия дала согласие на решение Совета Безопасности ООН о назначении во главе операции американского генерала Жака Клейна, который, кстати сказать, вполне профессионально и объективно выполнил возложенную на него миссию. Это была классическая миротворческая операция, состоящая из военного и гражданского компонентов. Моя роль состояла в том, чтобы работать с Жаком Клейном в тесном контакте, оказывая ему содействие, и в то же время следить за строгим соблюдением положений резолюции Совета Безопасности. Ему были приданы гражданская администрация и многонациональные силы ООН, в которых состоял и российский батальон численностью более 800 человек. В этот интересный период мне приходилось регулярно совершать челночные поездки между Белградом и Загребом, а также встречаться с Жаком Клейном в Москве, в Вашингтоне, в Нью-Йорке и в Клисе, где располагался штаб российских десантников.

В. А. Кузнецов: *Поясните, пожалуйста, что это за должность — спецпредставитель России на Балканах.*

А. Г. Аксененок: Есть разные категории специальных представителей. Как правило, для решения конкретной задачи в международной или двусторонней повестке дня. В данном случае, будучи по

должности послом по особым поручениям в Центральном аппарате МИД, для внешнего мира я выступал как специальный представитель по Балканам. Это международная практика.

В. А. Кузнецов: *А у Вас был мандат на взаимодействие с западными коллегами?*

А. Г. Аксененок: В то время таких формальностей не существовало. У меня было конкретное поручение, доверие руководства и утвержденная переговорная позиция. Кстати, в нюансах она допускала известную гибкость. Конечно, если ты мог и имел смелость ее аргументированно обосновать.

В. А. Кузнецов: *Получается, что пик миротворчества ООН был возможен только потому, что в Совете Безопасности было абсолютное согласие? Не благодаря тому, что внутри ООН были какие-то специальные институты?*

А. Г. Аксененок: Эти два условия взаимосвязаны. Без политического согласия в принципиальных вещах институты, механизмы или какие-либо *ad hoc* органы, создаваемые в рамках ООН, оказываются неэффективными. С Советом Безопасности все более-менее понятно. Постоянные его члены, при всех конфликтах между ними, отнюдь не заинтересованы в отмене права вето. Вопрос заключается в том, как сделать так, чтобы правила его применения не подрывали престиж Совбеза в глазах мирового сообщества как ключевого инструмента по поддержанию мира и решения конфликтных ситуаций. Если продолжать разговор о структурах Секретариата, аппарата Генерального секретаря ООН и специализированных учреждений, то главная проблема здесь, полагаю, — сильный перекося в представленности международных чиновников Запада и недопредставленность России. Как известно по законам бюрократии, любое решение, даже самое правильное, в ходе имплементации может быть «зарыто в песок», утоплено в различных толкованиях или вообще наполнено не тем содержанием. Международная бюрократия в этом смысле не менее, если не более искусна, чем любая государственная. К тому же она более дорогостоящая.

Вообще по вопросам, выносимым на повестку дня, и по характеру обсуждений в Совете Безопасности ООН заметно, как кардинально менялась динамика международных отношений от конструктивных в целом дискуссий в поисках компромиссных решений к нарастанию взаимного недоверия, высокомерия и порой самой настоящей враждебности. Партнеры не слышат друг друга и даже не всегда слушают.

В 1991–2003 гг. ООН учредила 47 миссий по поддержанию мира — в три раза больше, чем за предыдущие 40 лет. Причем

интересно, что за два года (1990–1991 гг.) впервые в истории ООН ни разу не применялось право вето. Это был пик в миротворческой деятельности, хотя после одностороннего американского вмешательства в Ираке этот тренд пошел на убыль. Но в начале 1990-х гг. в ООН получила признание концепция норвежского ученого Йохана Галтунга, имевшая широкое распространение в западной политологической литературе.

В. А. Кузнецов: Это тот самый ученый, который основал Институт исследования проблем мира в Осло. Он во многом перевел язык современной философии, с развивающимися концепциями структурного насилия, культурного насилия и т. д. на язык дипломатии и международных отношений. На основе его концепции работал, в частности, Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали и другие.

А. Г. Аксененок: Все началось со статьи «Три подхода к миру», которую Йохан Галтунг опубликовал в 1976 г. В ней он изложил три столпа миротворчества — *peacekeeping, peacemaking, peacebuilding*¹⁷⁷. Потом Бутрос Бутрос-Гали добавил четвертый столп — превентивную дипломатию. По поручению Совета Безопасности ООН аппарат Генерального Секретаря ООН Бутроса-Гали подготовил повестку дня для мира — “*Agenda for Peace*”, которая была разработана в значительной степени под влиянием концепций Йохана Галтунга. Потом эту концепцию развивали и дополняли путем критики ее недостатков. На эту тему имеются работы Роланда Пэриса и Сорпона Пё. Они ввели еще три элемента, т. н. *DDD — disarmament, democracy, development*. Тогда Россия следовала западным подходам к миротворчеству. После окончания холодной войны во всем мире, в том числе и в России, существовали надежды на наступление эпохи бесконфликтности и согласия на основе триады — демократических институтов, рыночной экономики и гражданского общества. Здесь опять уместно вспомнить высказывание Фарида Закарии о том, что Соединенные Штаты «растранили однополярный момент». Вместо многостороннего сотрудничества на равноправной основе администрация Билла Клинтона, который сменил Джорджа Буша-ст., пошла по пути «либерального гегемонизма» в расчете закрепить за собой положение «супердержавы»¹⁷⁸.

¹⁷⁷ Galtung J. Three Approaches to Peace: Peacekeeping, Peacemaking and Peacebuilding. In *Peace, War and Defense: Essays in Peace Research II*, 1976. P. 292–304.

¹⁷⁸ Аксененок А. Г. Принуждение к демократии: есть ли пределы? // *Россия в глобальной политике*. № 3. Май-июнь 2004. С. 98–110; Аксененок А. Г. Самоопределение: между правом и политикой // *Россия в глобальной политике*. № 5. Сентябрь-октябрь 2006. С. 185–198.

Затем в “*Agenda for Peace*” вносились изменения и дополнения в 1995 г. (“*Supplement to the Agenda for Peace*”)¹⁷⁹, «Доклад Брахими 2000»¹⁸⁰ и “*UN Peacekeeping Operations: Principles and Guidelines 2008*”¹⁸¹.

В. А. Кузнецов: *Затем Лахдар Брахими*¹⁸² *стал спецпосланником ООН по Сирии.*

А. Г. Аксененок: В мою бытность в Алжире он был министром иностранных дел. Общаться с этим человеком, спокойным, рассудительным и с чувством юмора, по официальным поручениям или в личном плане всегда было приятно. С конца 1990-х гг. Лахдар Брахими со своим богатым опытом занимал различные посты в аппарате ООН по миротворческим операциям.

В. А. Кузнецов: *Если посмотреть на концепцию «либерального миротворчества» с точки зрения исследователя — она имеет какие-то основания? К ней можно обращаться сегодня, завтра? Есть ли там некое ядро фундаментального знания, которое может быть использовано? Или “Agenda for Peace” — это был своего рода конъюнктурный документ, который в определенных условиях в какой-то момент работал, а потом перестал? И тогда, возможно, о нем нужно забыть и двигаться дальше.*

А. Г. Аксененок: В результате всех модификаций первоначальная концепция обросла таким множеством нюансов, что начала терять практический смысл, даже если отбросить в сторону политику. Это происходило даже с точки зрения технологии процесса. Если взять политику, то уже в первом десятилетии 2000-х гг. этот консенсус начал медленно, но последовательно размываться. Первоначальные иллюзии стали меркнуть, а «аппетит» к миротворчеству значительно поубавился. Ближневосточные конфликты после 2011 г. окончательно разделили Совет Безопасности ООН и в какой-то степени парализовали его работу.

И здесь начался третий этап эволюции роли ООН в урегулировании конфликтов. На нем Совет Безопасности ООН стал ареной бесконечных словесных баталий без видимого результата. Военно-

¹⁷⁹ Boutros-Ghali B. An agenda for peace, 1995 // UN. 1995. P. 159.

¹⁸⁰ Доклад Группы высокого уровня по операциям ООН в пользу мира, известный как доклад «Брахими» по имени руководителя группы. Подробнее: Доклад Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира (2000) // UN. URL: <https://undocs.org/ru/A/55/305>

¹⁸¹ UN Peacekeeping Operations: Principles and Guidelines 2008 // UN. 01.03.2008. URL: <https://reliefweb.int/report/world/united-nations-peacekeeping-operations-principles-and-guidelines>

¹⁸² Лахдар Брахими — алжирский дипломат, бывший министр иностранных дел АНДР (1991–1993 гг.), спецпосланник ООН и ЛАГ по Сирии (2012–2014 гг.).

политический кризис вокруг Украины только добавил напряженности и, как это ни парадоксально звучит, именно в последние два–три года начал складываться консенсус вокруг необходимости перемен в составе Совета Безопасности. Многие, в том числе в России, склонны обвинять ООН в неадекватности, забывая о том, что эта организация — не самодостаточный орган, а действенный инструмент поддержания мира лишь в той мере, в которой ему позволяют постоянные члены Совета Безопасности.

Вы правильно ставите вопрос о том, есть ли в практике конфликтного урегулирования того времени некое ядро фундаментального знания, которое может быть полезным? Я над этим тоже задумывался в то время, когда был в гуще событий и гораздо позднее. Могу сразу сказать: рациональное звено в ней есть, но оно работает при наличии целого ряда условий. Разговор об этом выходит далеко за рамки наших бесед об арабском мире.

Если говорить с точки зрения исследователя, то одно из главных условий, правда, на мой взгляд достаточно иллюзорных, — однородность политических систем, что позволяет находить баланс интересов мирными средствами. В этом случае такие механизмы в аппарате Генерального секретаря ООН, как созданный в 1992 г. Департамент операций по поддержанию мира и институт его специальных представителей могли бы иметь шансы на успех.

В. А. Кузнецов: *Зачем это было нужно? И что это за институт?*

А. Г. Аксенонок: Этот институт предусматривает посредничество спецпредставителя Генерального секретаря ООН в целях помочь непосредственным сторонам конфликта прийти к согласию на основе выполнения соответствующей резолюции Совета Безопасности. Основное условие — наличие резолюции. Кандидатура спецпредставителя подбирается Генеральным секретарем ООН, но должна быть одобрена постоянными членами Совбеза, перед которым специальный представитель генсека регулярно отчитывается.

В. А. Кузнецов: *А его кандидатура должна согласовываться с противоборствующими сторонами?*

А. Г. Аксенонок: Нет, только с членами Совбеза.

В. А. Кузнецов: *А со сторонами конфликта согласуется только сам факт назначения?*

А. Г. Аксенонок: Да. Отталкиваясь от опыта, к примеру, четырех спецпредставителей в Сирии, сменявших друг друга с 2011 г., можно сказать, что это далеко не завидная миссия. Каким бы профессионалом ни был международный посредник, ему практически невозможно сохранять «равную удаленность». Особенно, если одна

из сторон ведет себя в явном нарушении базовых положений резолюции Совета Безопасности ООН. В одних случаях он подвергается нападкам со стороны правительства, в других — со стороны оппозиции. И те, и другие считают его необъективным.

В. А. Кузнецов: *К примеру, была незавидной участь представителя по Ливии Мартина Коблера¹⁸³. Стаффан де Мистура также часто подвергался нападкам, но выдержал.*

А. Г. Аксененок: Это характерно для тех операций ООН, которые проводятся без принуждения к миру и без присутствия миротворческих сил. Ни в Ливии, ни в Сирии, ни в Йемене таких сил нет. Других рычагов, кроме согласия постоянных членов Совбеза, ООН не имеет, а с обострением конфликта и вооруженным внешним вмешательством его становится все меньше.

В. А. Кузнецов: *Вы рассказали про три периода миротворчества ООН, или скорее конфликтности с участием ООН. И Вы очень хорошо показали снижение эффективности инструментов ООН. И все-таки, в чем оно проявляется? Есть ли какие-то конкретные данные по этому поводу?*

А. Г. Аксененок: Например, можно сослаться на данные, которые свидетельствуют о том, что интернационализация конфликтов, особенно после 2011 г., постоянно росла. В 1991 г. только 4% гражданских войн были интернационализированы, к 2015 г. их стало уже 40%¹⁸⁴. При этом возможности их урегулирования через механизмы ООН сокращались. Из четырех миссий ООН, созданных в 2012 г., ни одна не увенчалась успехом. Сократилось и число миротворческих операций. С 2011 г. не было ни одной новой миссии ООН. Сохранились только те старые, которые были учреждены ранее, в основном в Африке — ЦАР, Конго, Южный Судан, Мали, т. е. в тех странах, где было наименьшее количество жертв. В то же время на ближневосточные конфликты приходилось наибольшее количество жертв. По данным Института Брукингса, с 2013 по 2017 г. 68% жертв конфликтов приходилось на Ближний Восток¹⁸⁵.

Следует отметить и такую особенность новейшего времени, как продолжительность гражданских войн, особенно если они возникают на этноконфессиональной почве. В отсутствие международного механизма принуждения сторонам конфликта трудно рассчитывать

¹⁸³ Мартина Коблера часто называли «адвокатом» Правительства национального единства, критикуя за однобокую позицию.

¹⁸⁴ Jones B., Call C. T., Toubolets D., Fritz J. Managing the new threat landscape // Brookings. September 2018.
URL: <https://www.brookings.edu/articles/managing-the-new-threat-landscape/>

¹⁸⁵ Там же.

на гарантии в том, что договоренности будут соблюдаться. Достижение договоренностей между самими противоборствующими сторонами осложняется еще и вовлеченностью множества внешних акторов, и присутствием «третьей силы» — международного терроризма. В одном из своих брифингов в Совете Безопасности спецпредставитель ООН по Сирии Гейр Педерсен охарактеризовал положение в Сирии как состояние «стратегического тупика»¹⁸⁶. Думается, что это определение применимо и к двум другим конфликтным кейсам — йеменскому и ливийскому, где специальные представители сталкиваются со схожими проблемами.

В. А. Кузнецов: *Если я правильно понимаю, этот стратегический тупик связан в том числе и с тем, что постоянные члены Совбеза ООН по-разному трактуют базовые принципы урегулирования тех или иных конфликтов.*

А. Г. Аксененок: Вопрос трактовки — извечный вопрос дипломатической практики. Между договоренностями, закрепленными документально, и их практической имплементацией зачастую возникают зазоры. Главное в дипломатии — найти «золотую середину», то есть компромиссное решение. Уже потом, когда идет имплементация, появляются разные интерпретации. Примеров более чем достаточно.

В. А. Кузнецов: *Наверное, самые известные примеры — это резолюция 1973 по Ливии и 2254 по Сирии. Первая из них, среди прочего, предполагала установление бесполетной зоны над Ливией. При этом в ней говорилось о принятии «необходимых мер... для защиты гражданского населения и мест его проживания... исключая при этом возможность пребывания иностранных оккупационных сил в любой форме на любой части ливийской территории»¹⁸⁷. В результате расширительной интерпретации этой резолюции западной дипломатией была фактически санкционирована операция НАТО и были осуществлены бомбардировки Ливии, в которых жертв среди мирного населения было едва ли не больше, чем за все последующие годы конфликта. Что касается резолюции 2254¹⁸⁸, то в ней, с одной стороны, подчеркивается, что политический процесс в Сирии должен вестись самими сирийцами, а с другой стороны, говорится о некоем переходном органе власти (в английской версии текста “transitional body”), который должен быть «заслуживающим доверия», «инклюзивным»*

¹⁸⁶ Don't lose focus on Syria, UN envoy tells Security Council // UN News. 26.04.2022. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/04/1117012>

¹⁸⁷ Резолюция 1973 (2011) // ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/s/res/1973-%282011%29>

¹⁸⁸ Резолюция 2254 (2015) // МИД России. URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/5f42359870b3fcd8bd64337ece209fe0.pdf>

и созданным на «внеконфессиональной основе». Если одни акторы, как внутри Сирии, так и за ее пределами, полагали, что сирийско-сирийский характер урегулирования может быть осуществлен и при действующей власти (которая и так внеконфессиональная), то другие подчеркивали необходимость инклюзивности, то есть включения в правительство оппонентов Дамаска. Однако ответ на вопрос о том, что такое инклюзивность, никогда толком известен не был.

А. Г. Аксененок: Да. При этом, в сущности, какое-то время Запад делал ставку и на другое. Употреблялся не только термин “*power sharing*”, но и “*devolution of power*”, т. е. именно передача власти.

Отсюда возникает вопрос, а релевантна ли в данных условиях сама резолюция 2254? С одной стороны, Совбез рассматривается как главный механизм имплементации, по сути, единственный инструмент поддержки спецпредставителя ООН. Но при возникновении раскола, международного посредника начинают «растаскивать» по разным сторонам, и политический капитал международного посредничества девальвируется. Наиболее показательный тому пример — опять же Сирия.

Вы правильно заметили, что Россия в сирийском урегулировании делает ставку на сирийско-сирийский формат, а Запад — на разделение власти. О сирийском конфликте написано множество солидных книг и еще больше публицистики различного содержания. Поэтому полезно обсудить это в более широком контексте, пытаясь с позиций научного анализа понять, как в динамике трансформировалась роль ООН, и в этом контексте складывались отношения между Россией и США вокруг Сирии после 2011 г. А, может быть, точнее будет сказать «перипетии этих отношений в контексте роли ООН».

Отсчет девальвации международного посредничества начался после провала миссии ЛАГ и решения о приостановке участия Сирии в деятельности этой организации¹⁸⁹. На первом этапе интернационализации конфликта Совет Безопасности ООН оказался неспособным выработать согласованное решение. Линия США на легализацию международного вмешательства по силовому сценарию встречала решительное вето со стороны России и Китая. Вследствие этого вопрос был передан на рассмотрение Генеральной ассамблеи ООН, которая поручила Генеральному секретарю назначить своего специального представителя по Сирии. Первым таким представителем стал бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, имевший большой опыт миротворческой деятельности. Разработанный

¹⁸⁹ Перипетии принятия этого решения подробно изложены в книге Сами Клейба «Разрушения Сирии или уход Асада». См.: Клейб С. Разрушение Сирии, или Уход Асада? — М.: Библос консалтинг, 2018. — 453 с.

им план из шести пунктов, простой и в теории правильный, был признан правительством Сирии. Однако в ходе его имплементации после размещения в Сирии миссии ООН появились проблемы. Наблюдатели ООН не смогли продолжать мониторинг за прекращением огня в условиях продолжавшихся военных действий, провокаций с различных сторон и искусственных ограничений на передвижение со стороны сирийских властей. В июне 2012 г. Кофи Аннан подал в отставку, не проработав на своем посту и шести месяцев.

Вместе с тем, его миссия подготовила почву для выработки первого консенсусного международного документа, Женевского коммюнике «Группы действий» по Сирии от 30 июня 2012 г., которое министр иностранных дел России С. В. Лавров и госсекретарь США Хиллари Клинтон согласовывали, как говорят, 12 часов. В основу была положена концепция «политического перехода под руководством сирийцев» и разделение власти с оппозицией через формирование «переходного управляющего органа»¹⁹⁰. Затем в 2015 г. Женевское коммюнике было одобрено резолюцией Совбеза 2254, которая, как и само коммюнике, получила статус основополагающего международного документа по сирийскому урегулированию. Резолюция подтвердила концепцию «политического процесса», целью которого определен «переход к заслуживающему доверия инклюзивному правлению на внеконфессиональной основе и определение графика и процедуры разработки проекта новой конституции».

Но одновременно в тексте Резолюции, по сравнению с Женевским коммюнике, был сделан дополнительный акцент — указание на то, что этот процесс должен быть «ведомым самими сирийцами» при содействии ООН. Это было успехом российской дипломатии, который позволял России и Сирии держать дальнейший политический процесс под своим контролем. Вместе с тем, хотя совместной борьбы с терроризмом не получилось, в период с 2011 по 2016 гг. Россия и Соединенные Штаты нормально взаимодействовали друг с другом. При президенте США Бараке Обаме, до сентября 2016 г., регулярно работал канал «Лавров — Керри», по поводу чего Джон Керри как-то пошутил, что с Лавровым он встречается чаще, чем с некоторыми своими сотрудниками. Одно время обсуждались разногласия по таким ключевым

¹⁹⁰ Формирование переходного управляющего органа подразумевало возможность создать благоприятную обстановку, в которой может быть осуществлен переход. Это означает, что переходный управляющий орган должен был в полном объеме осуществлять полномочия исполнительной власти. В его состав могли войти члены нынешнего правительства и оппозиции. Кроме того, переходный управляющий орган должен был быть сформирован на основе взаимного согласия. Подробнее см.: Заключительное коммюнике «Группы действий» по Сирии, Женева. 30 июня 2012 г. // МИД России. 01.07.2012. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1602175/

вопросам, как содержание переходного периода, статус и полномочия переходного управляющего органа, роль и место в этом процессе президента Сирии Башара Асада. Также дискуссии велись относительно того, какие из оппозиционных группировок относить к террористическим, какие нет. Срыв российско-американских договоренностей от 16 сентября 2016 г. о режиме прекращения огня по всей территории Сирии и начало военных действий по освобождению Алеппо осложнили поиски точек взаимопонимания на базе резолюции 2254. При администрации президента США Дональда Трампа Сирия время от времени включалась в повестку дня российско-американских переговоров¹⁹¹. К этому времени американский президент уже находился под сильным внутренним давлением, отношения с Россией стремились к нулевой отметке, а обстановка «на земле» в самой Сирии постепенно менялась. Все это нашло свое отражение и на политическом треке.

С 2017 г. начался следующий этап сирийского урегулирования. Россия взяла инициативу по сирийскому урегулированию в свои руки, наладив взаимодействие с Турцией и подключив Иран. Был образован такой переговорный механизм, как «астанинский формат», в рамках которого представители сирийского правительства впервые сели за стол переговоров с командирами отрядов вооруженной оппозиции. Важным итогом регулярных встреч под эгидой «астанинской тройки» были соглашения о четырех зонах деэскалации. К этому времени сирийское руководство, скептически относившееся к посредничеству ООН, окончательно отказалось обсуждать вопрос о создании «переходного управляющего органа», то есть о разделе власти по Женевскому коммюнике. Повестка дня «астанинского формата» стала расширяться. Это вызвало опасения США и ведущих стран ЕС, по заявлениям которых астанинский формат заходил на политическое поле, отведенное по резолюции Совета безопасности ООН 2254 Женеве при посредничестве спецпредставителя Генерального секретаря. Вопрос о том, как соотносятся между собой оба этих формата, долгое время отягощал отношения России и Запада по сирийскому вопросу. Москву подозревали в попытках «обойти» ключевые положения ооновских документов.

¹⁹¹ Сирия была одной из ключевых тем переговоров В. В. Путина и Дональда Трампа на конференции стран — членов АТЭС в Дананге (2017 г.). Подробнее см.: Заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Администрация Президента России. 2017. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5252>; Также на полях саммита G20 в Гамбурге (2017 г.) между президентами РФ и США было достигнуто соглашение о подходах по обеспечению безопасности на юге Сирии: прекращении огня в Южной зоне деэскалации в провинциях Дераа, Кунейтра, Сувейда и о создании в Аммане центра мониторинга соблюдения режима прекращения огня. Подробнее см.: Россия и США договорились о перемирии на юге Сирии // ТАСС. 07.07.2017. URL: <https://tass.ru/politika/4397567>

В то же время новые реалии в соотношении сил между режимом и оппозицией потребовали внесения корректировок в порядок и очередность действий по выполнению ключевых положений резолюции Совета безопасности ООН 2254. Наметился своего рода консенсус вокруг того, что в новой обстановке парадигма переговорного трека «Женева–2» по схеме «платформа режима» *versus* «платформа оппозиции» себя изжила. Отсюда возникла идея начать предметный межсирийский диалог с обсуждения проекта новой конституции. Созванный по инициативе России Конгресс сирийского национального диалога, прошедший в январе 2018 г. в Сочи, принял принципиальное решение о начале формирования в этих целях Конституционного комитета. США, по сути дела, признали новые военные реалии и стали говорить не о смене Башара Асада, а о смене поведения режима, делая акцент на скорейшем проведении конституционной реформы и последующем проведении свободных выборов под эгидой ООН в соответствии с резолюцией 2254.

Таким образом, с 2018 г. начался еще один этап урегулирования — конституционные баталии. С тех пор работа Конституционного комитета, созданного с большим трудом почти через два года, стоит на месте, а с мая 2022 г. он практически парализован. Сами сирийцы, похоже, уже не способны договариваться. Правительство ощущает себя победителем и не видит достойных партнеров по переговорам, а разношерстная оппозиция не отказывается от своих чрезмерных требований, находясь в плену политических заблуждений. Мы пришли к тому, что женеvский формат находится под большим вопросом, как, впрочем, и астанинский.

На данный момент особенно важно то, что разрешение сирийского кризиса накладывается на международный фон, не благоприятствующий выходу из тупика путем согласованных усилий. Взаимодействие по Сирии с Соединенными Штатами ограничено контактами по линии военных, между которыми продолжает работать канал «деконфликтинга» в то время, как обстановка на северо-востоке страны периодически обостряется. Политический процесс остается замороженным, что вынуждает Россию рассматривать другие опции. Значит, встает вопрос о поиске каких-то новых международных площадок, чтобы сдвинуть сирийское урегулирование с мертвой точки.

В. А. Кузнецов: Но также поднимается вопрос и о новом со-
держании.

А. Г. Аксененок: Да. С начала 2023 г. начинают возникать новые треки за пределами механизмов ООН. Заметен крен в сторону заключения двусторонних и многосторонних политических транс-

акций и пакетных сделок в региональном масштабе¹⁹². В этих условиях международный посредник теряет ведущую роль, находясь под влиянием меняющейся структуры взаимоотношений, где повышается вес региональных акторов. Такого рода тенденции можно наблюдать также в двух других ближневосточных конфликтах — ливийском и йеменском.

В. А. Кузнецов: *Итак, мы дошли до дня сегодняшнего. Что будет дальше — вопрос, который пока не имеет ответа. 2023 и 2024 годы уже принесли такие перемены, что их последствия пока что теряются где-то в дымке завтрашнего дня. И хотя мы могли бы продолжать наши диалоги и далее, давайте прервемся на какое-то время и посмотрим, что день грядущий нам готовит? Арабский мир — это «мухит аль-мухит» (океан океанов). Он бесконечен, как бесконечна наша жизнь, во многом ему посвященная. Мы не поговорили еще об очень многом — почти не затрагивали политику России в регионе, не касались вопросов культуры или экономики, лишь немного затронули то, что происходит с обществами арабских стран. Но давайте будем иметь милость и сострадание к читателю и оставим все эти сюжеты для следующих наших встреч?*

А. Г. Аксенов: *Давайте. Тем более, что встречи приятные.*

¹⁹² Речь идет о попытке примирения между Сирией и Турцией при посредничестве России (и Ирана); об ирано-саудовском детанте; о возвращении Сирии в ЛАГ. Во всех этих случаях каждая из сторон пытается включить свои интересы в сирийском кризисе в формат переговоров.

Заключение

В своих беседах под диктофон, начиная с середины 2022 г., мы старались осмыслить характер тех бурных общественно-политических процессов, которые развернулись на Арабском Востоке в последнее десятилетие, подвести некоторые итоги в балансе «революционных плюсов и минусов» и порассуждать о краткосрочных перспективах, насколько это возможно. Затронутые нами темы государственно-строительства и политического устройства в регионе, в том числе в их исторической ретроспективе и сравнительном анализе, проецировались также на трансформации в глобальной политике. Часть из этих тем имеет, как нам кажется, универсальное значение, другую часть можно отнести к региональной специфике. В их числе такие «вечные» проблемы, как своевременность и темпы реформ, религия и политика в арабском мире, функционирование механизмов власти, особенно в многоконфессиональных многоэтнических обществах, соотношение коренных внутренних предпосылок и роли иностранного вмешательства в конфликтах, причины их продолжительности на фоне меняющегося мироустройства.

В ходе дискуссий мы отметили «арабскую особость» и попытались проследить, в чем она проявляется, а также ответить на вопрос о том, какая модель развития может прижиться на Арабском Востоке. Все прошлые модели — египетская, турецкая, саудовская (до начала реформ), иранская — оказались в той или иной степени дискредитированными. «Политический ислам» на нынешнем этапе потерпел неудачу и находится в состоянии критического самоанализа, хотя его нельзя сбрасывать со счетов. Продвижение по пути либеральной демократии, которая сегодня на Западе также переживает глубокий кризис, маловероятно. Как показал опыт Ирака, современные западные ценности не вписываются в социальную психологию и политическую культуру арабских обществ, хотя насколько они вписываются в психологию и культуру самих западных обществ — тоже вопрос не из легких. Думается, что будущее содержание арабской «особости» будет составлять некая гибридная модель нелиберальной (в ценностном отношении) демократии (в отношении процедурном) с сильной, в большинстве своем персонифицированной, центральной властью. Своего рода «новый консерватизм». Такой стиль правления

арабское общественное сознание не склонно рассматривать как авторитарный. На наш взгляд, по мере смены поколений эволюционные реформы, контролируемые сверху, представляют собой один из вариантов развития по пути модернизации системы государственного управления и разгосударствления экономики при сохранении традиционных общественных укладов.

Разумеется, подобный сценарий развития событий может быть отнесен далеко не ко всем странам арабского мира. При этом особенно слабым местом в этом сценарии оказывается не выбор той или иной системы общественных ценностей, а вопросы архитектуры политической власти. Для арабских монархий, Алжира, Египта и Сирии сильная централизованная власть вполне привычна или стала привычной в XX в. Однако для других стран арабского мира — нет. В случае с Ливаном и Ираком ее установление требовало бы «пересборки» всей политической системы. В случае с Ливией и Йеменом речь идет не просто о «пересборке», а о собирании государств, перспективы которого весьма туманны.

Кроме того, существует и большое расхождение между основными субрегионами арабского мира. Во многом они касаются наличия или отсутствия объективных возможностей для проведения реформ. В этом отношении страны Персидского залива, сумевшие сохранить внутривластную стабильность, располагают достаточными финансово-экономическими ресурсами по сравнению, например, с Тунисом, Египтом, или разрушенными Сирией и Ливаном, которые продолжают находиться в состоянии гражданского конфликта на фоне экономического кризиса и, в случае Ливана, хаотизации политических процессов. Слишком резкие движения в условиях замедления роста мировой экономики и сокращения финансовых поступлений от стран-экспортеров нефти чреваты новыми социально-политическими катаклизмами. Реформы, проводимые обновленным саудовским руководством, также сопряжены с немалыми рисками. Как показывает мировой опыт, ему предстоит пройти по тонкой грани между изменением условий общественного договора с социумом, привыкшим к патернализму, и сопротивлением противников реформ из числа традиционалистов и исламских фундаменталистов.

Ближний Восток, в самом широком географическом понимании этого пространства, вступившего в затяжную фазу переустройства, находится под давлением радикальной внутренней неопределенности и неблагоприятной внешней среды. Риски новых потрясений остаются высокими в условиях, когда вызвавшие их глубинные причины не устранены и дальше будут оставаться источником новых взрывов. Среди этих причин — истощение старого общественного договора,

дефицит доверия к государственным институтам и партиям, растущее неравенство, разногласия между технократической модернизацией и сохраняющейся многоукладностью, ресурсные и финансовые дисбалансы, доминирование силовых структур и пр.

Вероятно, можно выделить два наиболее существенных внутренних источника существующих проблем. Первый из них связан с глубинными и противоречивыми социальными процессами. За последние десятилетия арабские государства в подавляющем большинстве стали высокоурбанизированными. В сущности, лишь в Марокко и Египте из числа основных стран региона в городах проживает сегодня около половины населения, в других же государствах — от трех четвертей и выше. Причины этого процесса могут быть разные. В ряде арабских государств, в частности в странах Залива, урбанизация происходит в результате модернизационных процессов. В других странах, как, например, в Сирии это происходит в ходе и в результате вооруженного конфликта. И хотя вопрос о том, когда речь идет об «истинной» урбанизации, предполагающей не только переселение в город, но и изменение способа хозяйствования и трансформацию социальных отношений и поведения индивида, или же о «псевдо», означающей, в сущности, перенесение в городскую местность сельского уклада, остается открытым, фундаментальные последствия этого процесса отрицать нельзя. К ним относится трансформация традиционной социальной структуры, распространение новых ценностных представлений, рост маргинализованного населения, усугубление проблемы бедности, формирование почвы для радикализации и многое другое. В широкой исторической ретроспективе речь идет о тех же процессах, с которыми европейские общества сталкивались в конце XIX — начале XX в. с известными последствиями.

Другой источник проблем — это ресурсные дисбалансы при продолжающемся росте населения. Это относится не только к углеводородам, наличие или отсутствие которых во многих случаях продолжает определять экономическую ситуацию в тех или иных странах, но и к продовольственным и водным ресурсам, вопрос о которых в последние годы начал выходить на первый план. Достаточно вспомнить, что, по некоторым данным, и до начала конфликта в Йемене более 70% всех локальных столкновений в этой стране происходили из-за доступа к источникам воды. Сегодня же эта проблема серьезным образом обострилась.

Во внешнем плане особенность момента состоит в том, что государства региона остро ощущают последствия нового витка глобального противостояния, разворачивающегося в последние годы. Оно подрывает устойчивые связи в мировой экономике и финансах,

мешает нормальному международному сотрудничеству в решении трансграничных проблем. Двойная военная напряженность в Европе и Азиатско-тихоокеанском регионе отвлекает мировые ресурсы от целей развития, подстегивая новый виток гонки вооружений. При этом реакция лидеров ближневосточных государств на последние обострения между Россией и Западом показывает их заинтересованность в выработке нового формата взаимодействия на международной арене, как и то, что идеологических центров притяжения в мире больше не существует. Налицо стремление стран Арабского Востока создать благоприятные условия для решения своих внутренних проблем без иностранного вмешательства. В результате, при всех негативных последствиях эскалации напряженности в мировой политике, для Ближнего Востока она оборачивается также усилением самостоятельности государств региона, подчас демонстрирующих далеко не региональные амбиции. Другим ее следствием становится изменение места региона в мировой политике и экономике — усиление роли Ближнего Востока в мировой системе транспортных связей и логистики, укрепление расположенных здесь финансово-экономических и научно-технических центров. В перспективе все это не может не иметь и политических последствий, связанных в том числе с дальнейшим расхождением путей развития.

Помимо объективных геополитических и геоэкономических обстоятельств, это расхождение, конечно, определяется и особым политическим видением региональных элит. Страны Восточной Европы имели опыт буржуазно-демократического развития и строили свою идентичность во многом на отторжении коммунизма, видя объединенную Европу в качестве ориентира. Однако Ближний Восток 2020-х гг. — это не Восточная Европа 1990-х гг. В арабском мире сложилось открытое или подспудное отторжение гегемонии Соединенных Штатов и скептическое отношение к Европе, усиливающееся по мере того как в политической системе США и странах ЕС вскрылись серьезные дефекты, участились институциональные сбои и нарастают протестные движения. В этих условиях большинство стран Арабского Востока тяготеют к адаптационной политике, стараясь избегать односторонней ориентации в развернувшемся глобальном противостоянии. Наметившаяся было тенденция к строительству новых региональных альянсов, в том числе нормализация отношений с Израилем, вписывалась в этот региональный контекст. Новая вспышка израильско-палестинского конфликта 7 октября 2023 г., ставшая политическим шоком, и прямое вмешательство со стороны США на одной стороне конфликта внесли существенные изменения в региональную обстановку, еще больше усилив неприятие

Вашингтона. Есть основания полагать, что, чем бы ни завершилась война в секторе Газа, палестинская проблема на какой-то отрезок времени вновь займет одно из центральных мест в мировой политике, правда, уже в другой системе координат.

Все перечисленные аспекты позволяют говорить о том, что Ближний Восток, как часть глобального Юга, переживает в каком-то смысле переломный момент: выдержит ли ближневосточный «детант» испытание Палестиной, будет ли приемлема для самих арабов в дальнейшем монополия США на посредничество в палестино-израильском конфликте или сложится какой-то многосторонний формат с участием ведущих арабских государств. Все это остается неясным. В любом случае, переход от военных действий к мирному урегулированию займет продолжительное время и принесет немало конфликтных ситуаций с учетом политических процессов в США, предстоящих перемен в Израиле и сохраняющейся фракционности в палестинском движении.

Российская дипломатия исторически славится тесным сотрудничеством с востоковедной школой. Эти традиции сохраняются и в наше время. Россия показала миру, что, несмотря на вовлеченность в конфликт на Украине, она способна продолжать многовекторный курс в рамках ближневосточного направления, оставаясь фактором стабильности, проводником и хранителем государственного суверенитета. Выступая против миропорядка, основанного на правилах, Россия встречает понимание со стороны многих государств незападного мира. В то же время, в практической политике нужно иметь в виду, что арабский мир — это не анти-Запад, и глубокое разочарование «двойными стандартами» в политике государств Запада не может не сочетаться с жизненной заинтересованностью в продолжении тесного сотрудничества с ними во многих областях.

Об авторах

Аксененок Александр Георгиевич

Выпускник МГИМО МИД СССР. Чрезвычайный и Полномочный посол, кандидат юридических наук, вице-президент Российского совета по международным делам (РСМД). На дипломатической службе проработал 37 лет. Из них 21 год на Ближнем Востоке и в Северной Африке (Ливан, Ирак, Египет, Йемен, Сирия, Алжир). В 2002–2015 гг. — советник Председателя Внешэкономбанка, Управляющий директор по инвестиционным проектам на Ближнем Востоке. Занимается научной и преподавательской деятельностью. Автор многих статей и научных публикаций по вопросам глобальной и ближневосточной политики.

Кузнецов Василий Александрович

Доктор политических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН, заведующий Центром арабских и исламских исследований ИВ РАН, член РСМД. Занимается исследованиями общественно-политических процессов на Арабском Востоке, политическим развитием стран Магриба. Участник и модератор различных форматов второго трека по проблемам политики России на Ближнем Востоке. Автор нескольких монографий и более 100 статей на русском, английском, французском, арабском языках. Автор теории неомодернизма, описывающей динамику современного социально-политического развития арабских обществ.

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческая организация, ориентированная на проведение исследований в области международных отношений, выработку практических рекомендаций в интересах российских органов государственной власти, бизнеса, НКО и иных организаций, нацеленных на внешнеполитическую деятельность. Совет создан решением учредителей в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 февраля 2010 года № 59-рп «О создании некоммерческого партнерства “Российский совет по международным делам”».

РСМД — один из ведущих аналитических центров страны, осуществляющий работу по более чем 20 исследовательским направлениям. Экспертная деятельность Совета востребована российскими профильными ведомствами, академическим сообществом, российским и зарубежным бизнесом.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную деятельность с целью формирования устойчивого сообщества молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии. Совет также выступает в качестве активного участника экспертной дипломатии, поддерживая партнерские связи с зарубежными исследовательскими центрами, университетами, ассоциациями бизнеса.

Председатель Попечительского совета РСМД — министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров. Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел России в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности Российской Федерации в 2004–2007 гг. Генеральный директор Совета — Иван Тимофеев. Научным руководителем Совета является Андрей Куртунов.

Институт востоковедения РАН

Институт востоковедения РАН (ИВ РАН) — флагманский российский центр востоковедных исследований, история которого восходит к основанию Азиатского музея в Санкт-Петербурге в 1818 г.

На сегодняшний день научный коллектив ИВ РАН, насчитывающий более 400 исследователей, занимается комплексным изучением вопросов развития государств Азии и Северной Африки. Проблематика исследований чрезвычайно многообразна — от археологии и истории искусства до актуальных вопросов политического и социально-экономического развития.

Помимо чисто академических исследований сотрудники института активно занимаются прикладным анализом, научной дипломатией, образовательными проектами. Институт выступал организатором четырех раундов межпалестинских консультаций, трех раундов многосторонних встреч по проблемам коллективной безопасности в зоне Персидского залива, партнером Международного дискуссионного клуба «Валдай» в проведении ежегодных Ближневосточных диалогов и Центра внешнеполитического сотрудничества имени Е. М. Примакова (Центр Примакова) в проведении форумов «Россия — Ближний Восток» и др.

В сотрудничестве с ведущими востоковедными вузами России (МГУ имени М. В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, МГИМО, ГАУГН, КФУ и др.) институт осуществляет образовательные программы. В частности, ИВ РАН в сотрудничестве с РСМД и Центром Примакова реализует в ГАУГН магистерскую программу «Экспертно-аналитическое востоковедение. Арабский мир в мировой политике».

Для заметок

Для заметок

Российский совет по международным делам (РСМД)
Институт востоковедения РАН (ИВ РАН)

Аксененок Александр Георгиевич
Кузнецов Василий Александрович

Беседы об арабском мире: политика, власть, общество

Верстка: О. В. Устинкова
Дизайн обложки: А. И. Василенко

Российский совет по международным делам (РСМД)
119049, Москва, 4-й Добрынинский переулок, дом 8.
Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
<http://www.russiancouncil.ru>
E-mail: welcome@russiancouncil.ru

Подписано в печать 01.08.2024. Формат 60 × 90¹ /₁₆.
Объем 13 п.л. Тираж 250 экз.

Отпечатано в типографии ООО «ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС»
150062, г. Ярославль, проезд Доброхотова, 16-158
Тел.: (4852) 58-76-37, 58-76-59
kancler2007@yandex.ru

Акшененок Александр Георгиевич

Выпускник МГИМО МИД СССР. Чрезвычайный и Полномочный посол, кандидат юридических наук, вице-президент Российского совета по международным делам (РСМД). На дипломатической службе проработал 37 лет. Из них 21 год на Ближнем Востоке и в Северной Африке (Ливан, Ирак, Египет, Йемен, Сирия, Алжир). В 2002–2015 гг. — советник Председателя Внешэкономбанка, Управляющий директор по инвестиционным проектам на Ближнем Востоке. Занимается научной и преподавательской деятельностью. Автор многих статей и научных публикаций по вопросам глобальной и ближневосточной политики.

Кузнецов Василий Александрович

Доктор политических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН, заведующий Центром арабских и исламских исследований ИВ РАН, член РСМД. Занимается исследованиями общественно-политических процессов на Арабском Востоке, политическим развитием стран Магриба. Участник и модератор различных форматов второго трека по проблемам политики России на Ближнем Востоке. Автор нескольких монографий и более 100 статей на русском, английском, французском, арабском языках. Автор теории неомодернизма, описывающей динамику современного социально-политического развития арабских обществ.

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческая организация, ориентированная на проведение исследований в области международных отношений, выработку практических рекомендаций в интересах российских органов государственной власти, бизнеса, НКО и иных организаций, нацеленных на внешнеполитическую деятельность. РСМД — один из ведущих аналитических центров страны, осуществляющий работу по более чем 20 исследовательским направлениям.

Институт востоковедения РАН (ИВ РАН) — флагманский российский центр востоковедных исследований, в сферу деятельности которого входит комплексное изучение вопросов развития государств Азии и Северной Африки. Помимо фундаментальных исследований сотрудники института активно занимаются прикладным анализом, научной дипломатией, образовательными проектами. Институт регулярно выступает организатором переговоров второго и полуторного трека по наиболее острым проблемам международных отношений на Востоке.